

1270

ЧИТ. ЗАЛ

ИТОГИ

НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

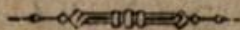
ВЪ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

СОСТАВИЛЪ

Баронъ Н. А. Корфъ.

ЦѢНА 60 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Хана, Поварской пер., домъ № 2.

1879.

Спб. 1879 г. 462 стр. съ 125 картинками.

Цѣна въ бумажѣ 1 руб. 30 к., въ нанковомъ переплетѣ — 1 р.

ИТОГИ
НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

СОСТАВИЛЪ

Баронъ Н. А. Корфъ.

ЦѢНА 60 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Хана, Поварской пер., домъ № 2.
1879.

Дозволено цензурою. Спб. 21 Февраля 1879 г.

ИТОГИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

I.

Всемирная школа нагляднаго обученія.

Въ наши дни *знаніе* играетъ такую существенную роль во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, что трудно представить себѣ, какимъ образомъ могли состояться въ Европѣ первыя три всемірныя выставки (Лондонская въ 1851 г., Парижская 1855 года и Лондонская 1862 года) безъ *педагогическаго* отдѣла. Между тѣмъ фактъ таковъ: только одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на второй парижской всемірной выставкѣ 1867 года, состоялась попытка организовать *педагогическое международное* состязаніе, выставляя учебныя принадлежности, школьную мебель, учебники, ученическія работы, рисунки, планы и модели школь и т. п. Всемирная выставка 1878 года не исключила этого отдѣла; но прежде чѣмъ приступить къ кругосвѣтному путешествію для знакомства со школою всѣхъ частей свѣта по образцамъ, выставленнымъ въ Парижѣ, я по-

стараюсь хоть сколько нибудь ознакомить читателя съ тѣмъ колоссальнымъ водоворотомъ, который, подъ именемъ всемірной выставки, промчался мимо глазъ моихъ въ Парижѣ. Такой пріемъ тѣмъ болѣе у мѣста, что самая промышленность, какъ добывающая сырые матеріалы, такъ и мануфактурная, есть въ сущности результатъ труда и капитала, созданныхъ знаніемъ, системою обученія и воспитанія, и не даромъ Россія, занимающая, какъ увидимъ, къ несчастью, *последнее* мѣсто въ Европѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, даетъ и *наименьшій* средній урожай пшеницы на благодатной почвѣ, не говоря уже о томъ, что наша фабричная промышленность не выдерживаетъ конкуренціи съ иностранною.

Пусть читатель, знакомый только съ селомъ и провинціальнымъ городомъ, представитъ себѣ чрезвычайно обширную ярмарку, толпа которой состоитъ изъ всѣхъ народовъ Европы и Америки, китайцевъ, японцевъ, арабовъ, берберовъ, негровъ, жителей Сандвичевыхъ острововъ и наиболѣе отдаленныхъ колоній, представителей Египта, Персіи, Гренландіи; короче сказать, пусть читатель представитъ себѣ всесвѣтную толпу въ нѣсколько десятковъ тысячъ, обзрѣвающую, не покупая, разнороднѣйшіе товары и произведенія тропическаго, умѣреннаго и холоднаго поясовъ, на огромнѣйшей ярмаркѣ, на которой, вмѣсто временныхъ деревянныхъ и холстяныхъ балагановъ, воздвигнуты временныя сооруженія огромной высоты, подъ стеклянною крышею, изъ чугуна и стекла... пусть представитъ себѣ это чита-

тель,—и ему пригрезится всемірная международная выставка.

Сама по себѣ, мысль выставять произведенія съ цѣлью поощренія наградами наилучшихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, наилучшихъ производствъ, эта мысль принадлежитъ нашему столѣтію, и первая подобная выставка, но только лишь для однихъ французскихъ производителей, состоялась во Франціи въ 1798 году; только въ пятидесятихъ годахъ нашего вѣка такія мѣстныя выставки получили обширные размѣры и уже не въ одной Франціи, но и въ Германіи, Австріи и Россіи. Первою выставкой, въ которой приняли участіе не только народъ того государства, которое устраивало выставку, но и другіе народы, была, какъ сказано выше, Лондонская въ 1851 году. Первую *международную* выставку въ Лондонѣ, — гдѣ впервые міръ былъ пораженъ хрустальнымъ дворцемъ для выставяемыхъ произведеній, въ 264 сажени длины при ширинѣ въ 58 сажень,—посѣтили, за нѣсколько мѣсяцевъ ея существованія, около шести милліоновъ лицъ, и платою за входъ окупились расходы на выставку акціонерной компаніи, ее организовавшей. Съ того времени,—считая и современную намъ выставку въ Парижѣ, — международныя выставки повторились еще шесть разъ, но за исключеніемъ филадельфійской всемірной выставки 1876 года, которая окупилась, и современной намъ, парижской, которая, быть можетъ, окупится, выручка всемірныхъ выставокъ не покрыла затратъ на нихъ. Такъ напримѣръ, вѣнская выставка 1873 года, кото-

рую мнѣ также удалось посѣтить *) обошлась, примерно, въ 13 милліоновъ рублей, и хотя за входные билеты выручено около 2¹/₂ милліоновъ рублей (наибольшее число посѣтителей въ день до 140 тысячъ!) и столько же за продажу матеріаловъ отъ сооружений, послужившихъ для выставки товаровъ, но дефициту, недочету оказалось цѣлыхъ 8 милліоновъ рублей, не принимая въ расчетъ перебора въ таможенныхъ доходахъ, налогахъ на потребление и оживленіе торговли, вообще, вслѣдствіе огромнаго наплыва иностранцевъ. При всей пылкости воображенія, трудно представить себѣ все величіе вѣнской выставки, раскинувшейся на пространствѣ 234 десятинъ въ одномъ изъ роскошнѣйшихъ парковъ Европы; къ тому же при всей существенности экономической стороны дѣла, невозможно однимъ денежнымъ результатомъ оцѣнивать значеніе всемірной выставки. Если принять въ расчетъ, что компаніи желѣзныхъ дорогъ значительнымъ удешевленіемъ платы дѣлаютъ международную выставку доступною и недостаточной части населенія, что всемірныя выставки посѣщаются десятками тысячъ рабочихъ и народныхъ учителей на счетъ государствъ и частныхъ обществъ, что со всемірными выставками совпадаетъ множество публичныхъ лекцій и международныхъ совѣщаній, конгрессовъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что благодѣтельныя нравственныя послѣдствія отъ всемірной выставки, какъ лучшей школы нагляднаго обученія, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, и какъ луч-

*) См. „Вѣстникъ Европы“ за 1873 годъ.

шаго средства воспитать идею человечности и братства между народностями, открыть каждому глаза на самого себя—эти благодѣтельные результаты неисчислимы. Вспомните, на примѣръ, читатель, что съѣздомъ представителей всѣхъ національностей въ Вѣнѣ, въ 1873 году, воспользовались для того, чтобы организовать во время вѣнской всемірной выставки международные конгрессы пивоваровъ, льнопрядильщиковъ, медиковъ, земледѣльцевъ и лѣсоводовъ, винодѣловъ, учителей для обученія слѣпыхъ, метеорологовъ; вдумайтесь въ то, что въ теченіе современной намъ парижской выставки, открывшейся 17 мая 1878 года и продолжавшейся по 1-е ноября, осуществились конгрессы литераторовъ, представителей сберегательныхъ кассъ, представителей путей сообщенія, архитекторовъ, ботаниковъ, геологовъ, этнографовъ всего свѣта; вдумайтесь въ то, что, на примѣръ, на филадельфійской выставкѣ педагогическій отдѣлъ провинціи Онтарио (Канада) произвелъ такое впечатлѣніе, что множество предметовъ изъ этихъ коллекцій были куплены, въ видѣ образцовъ для мѣстнаго производства, для Австраліи, Филадельфійскаго и Вашингтонскаго педагогическихъ музеевъ, для Лондона и всего болѣе, для Японіи, — вдумайтесь въ это, и тогда вы поймете все *образовательное* значеніе даже такой всемірной выставки, которая не дала денежной прибыли, но которая обмѣномъ мысли и произведеній положила основу нравственнымъ капиталамъ, сила которыхъ въ свое время заявитъ себя и въ видѣ весьма значительныхъ вещественныхъ цѣнностей, вызванныхъ

къ жизни сближеніемъ и состязаніемъ, обученіемъ народовъ на всемірной выставкѣ.

Присмотримся же теперь къ тому, чему и какъ научается человѣкъ на всемірной выставкѣ, и для этого перенесемъ въ двухмиліонную столицу Франціи, гдѣ такъ называемое «Марсово поле», обширная площадь для маневровъ, и напротивъ нея лежащій холмъ съ площадью «Трокадерò» вмѣщаютъ одну изъ обширнѣйшихъ и наиболѣе удавшихся всемірныхъ выставокъ. Эта выставка въ Парижѣ—третья (1855 г. и 1867 года); она обошлась, примѣрно, миліоновъ въ 15 р. и занимаетъ пространство почти вдвое бòльшее сравнительно съ очень обширною выставкою 1867 года, о которой я уже упоминалъ, какъ объ эпохѣ для педагогическаго дѣла, такъ какъ въ 1867 году, впервые, международная промышленная выставка соединена съ педагогическою, и за педагогическимъ дѣломъ признано подобающее ему значеніе. Паровая желѣзная дорога, конно-желѣзныя дороги и пароходы по Сенѣ подвозятъ насъ къ огромному дворцу Трокадерò съ залою, вмѣщающею до пяти тысячъ зрителей и органомъ въ 4070 трубъ, съ куполомъ, превосходящимъ, по діаметру, куполь св. Петра въ Римѣ и двумя крылами, напоминающими своею колоннадою и храмъ св. Петра въ Римѣ, и подражаніе ему—Казанскій соборъ въ Петербургѣ. Эти полукруглыя боковыя галлерей Трокадерò посвящены выставкѣ предметовъ науки и искусства въ историческомъ порядкѣ отъ періода кремня, камня и бронзы до новѣйшаго времени. Легко представить себѣ, какую массу знаній можно вынести уже

изъ однѣхъ галлерей Трокадеро, хотя эти коллекціи имѣютъ цѣну преимущественно для тѣхъ, кто раньше того не имѣлъ случая посѣщать музеи или не посѣтилъ, хотъ въ томъ же Парижѣ, богатѣйшихъ музеевъ Клюньи и Лувра. Едва ли основная мысль организациі коллекцій Трокадеро, состоявшая въ томъ, чтобы представить *историческую послѣдовательность* развитія человѣчества, осуществилась, такъ какъ исторія прежде всего свидѣтельствуешь о *непрерывности* и *преемственности* развитія человѣка, а болѣе или менѣе случайно свезенныя въ Трокадеро сокровища различныхъ народовъ, разныхъ эпохъ, никакъ не могли олицетворить собою не только всѣхъ но, и главнѣйшихъ фазисовъ исторіи человѣческой дѣятельности. Мысль объ исторической выставкѣ, объ олицетвореніи, посредствомъ выставляемыхъ предметовъ, *исторіи* развитія какой либо отрасли—не нова; какъ на примѣръ весьма успѣшнаго осуществленія ея, можно указать на «германскій музей» въ Нюренбергѣ, гдѣ вы можете обозрѣть, на примѣръ, по произведеніямъ, исторію книгопечатанія, исторію гравированія, исторію плуга и т. п. Нельзя не сочувствовать мысли — не ограничиваться на выставкахъ элементомъ статистическимъ (обзоръ настоящаго), но присоединять къ нему элементъ историческій, свѣдѣтельства о прошломъ; такъ на примѣръ, какой огромный интересъ представляла на филладельфійской всемірной выставкѣ 1876 года, въ педагогическомъ отдѣлѣ штата Пенсильваніи, выставка школы 1876 года и, параллельно съ нею, модель школы и ея принадлежностей сто лѣтъ раньше (1776 года)!

Но въ педагогическомъ отдѣлѣ парижской всемірной выставки мы на этотъ разъ не замѣтили стремленія обрисовать исторію дѣла, за исключеніемъ лишь сравнительныхъ статистическихъ данныхъ; не замѣтили мы попытки осуществить эту мысль и ни въ одномъ изъ другихъ отдѣловъ промышленной выставки, а въ галереяхъ Трокадеро это стремленіе создать картину историческую естественно повело, захвативъ слишкомъ много, къ неполнотѣ и поверхностности. При всемъ томъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, выставялись настоящія сокровища науки и искусства, и весьма многіе предметы галлерей Трокадеро, доставленные провинціальными и иностранными музеями, при участіи сотенъ церквей Франціи, представляютъ огромный интересъ: чего стоитъ одна коллекція осьмисотъ историческихъ портретовъ, олицетворяющихъ исторію Франціи отъ XVI столѣтія по настоящее время!

Не останавливаясь на внѣшней архитектурѣ дворца Трокадеро, не производящей, впрочемъ, своею пестрою смѣсью мавританскаго стила съ романскимъ, особеннаго впечатлѣнія; не имѣя времени взбираться на бельведеры двухъ башенъ этого дворца, на 18 аршинъ превосходящихъ, по высотѣ, башни храма Notre Dame въ Парижѣ, мы пройдемъ чрезъ дворецъ на платформу, обращенную къ Сенѣ, а слѣдовательно къ Марсову полю съ «дворцомъ промышленности». Останавливаемся, такъ какъ не знаемъ, куда смотрѣть, на чемъ сосредоточиться: предъ нами паркъ съ изящными деревьями и куртинами цвѣтовъ, разведенный нарочно на время всемірной выставки; въ этомъ паркѣ, направо и на-

Лѣво, пестрѣютъ рестораны и сооруженія разныхъ стилей, разныхъ національностей, служа предметомъ выставки или помѣщеніемъ для выставляемыхъ предметовъ: тутъ и ослѣпительно бѣлый павильонъ алжирскій, обширный дворъ съ внутренними двориками, охраняемый туземными алжирскими солдатами; тутъ мрачный, бревенчатый домъ, удобно вмѣщающій выставку французскаго лѣснаго вѣдомства; тутъ и образцовый домикъ англійскаго работника, и ароматныя, по смолистости, сосновыя, досчатая сооруженія Швеціи и Норвегіи, и бамбуковая японская ферма съ деревьями-карликами, и необычайно пестрый, фантастичный и роскошный китайскій домъ, собранный здѣсь китайскими же рабочими. Тутъ и Персія, и Тунисъ, и Марокко. То ограничились сооруженіемъ дома, то устроили кафе, въ которомъ раздается заунывная музыка негровъ, то— базаръ, въ которомъ продаются туземцами и переодѣтыми французами восточныя лакомства и всякія побрякушки. Но чего-чего нѣтъ въ паркѣ Трокадеро и садахъ, окружающихъ дворецъ промышленности на Марсовомъ полѣ: тамъ и голландскій буфетъ, тамъ и англичанки дадутъ вамъ напитокъ въ изящномъ павильонѣ прекраснаго молока, тамъ и венгерское кафе съ хоромъ цыганъ, и русскій буфетъ съ французскими и нѣмецкими продавщицами, изъ которыхъ одна весьма «неплакосвушно» говоритъ по русски. Тамъ и двѣ огромныя фабрики бифштексовъ и телячьихъ котлетъ, т. е. рестораны, изъ которыхъ въ каждомъ могутъ ѣсть дешево и вкусно, но безъ затѣй, до двухъ тысячъ посѣтителей одновременно.

Не подумайте однако, читатель, чтобы вы, стоя на площадкѣ Трокадеро, могли оттуда услышать трескъ и стукъ четырехъ и болѣе тысячъ обѣдающихъ или увидѣть эти колоссальныя фабрики человѣческой пищи. Нѣтъ, заговоривъ о садахъ, окружающихъ главныя зданія и о сооруженіяхъ вообще въ окрестностяхъ этихъ зданій, я, желая обрисовать суету и пестроту на выставкѣ, невольно шагнулъ въ описаніи своемъ гораздо дальше, чѣмъ можно проникнуть глазами, стоя у Трокадеро: упоминая о двухъ колоссальныхъ трактирахъ, мы перенеслись черезъ Іенскій мостъ и Сену, черезъ все Марсово поле на противоположный конецъ выставки. Но не будемъ такъ бѣжать; остановимся, осмотримся и полюбуемся теперь, хоть издали, и Іенскимъ мостомъ, и паркомъ по ту сторону моста, и въ высшей степени изящнымъ, при всей его колоссальности и простотѣ, «дворцомъ промышленности» на Марсовомъ полѣ. Да на чемъ остановиться?

Едва мы вступимъ на платформу Трокадеро, обращенную къ Марсову полю, какъ будемъ поражены ревомъ колоссальнаго каскада, низвергающагося, по осьми мраморнымъ уступамъ, съ высотъ Трокадеро въ низменность, занятую парками. Смѣшавшись съ необозримую толпою въ паркѣ, мы пройдемъ мимо многихъ дивныхъ вещей, но зайдемъ въ акваріумъ прѣсноводныхъ животныхъ, расположенный въ гротахъ самаго холма Трокадеро, украшенный сталактитами, въ которомъ, идя подземными галереями, вы любуетесь по обѣимъ сторонамъ цѣлыми стадами за стекломъ плавающихъ рыбъ (такихъ 262 окна). Мы проходимъ

подъ однимъ изъ такихъ бассейновъ съ рыбами, и тутъ окружаютъ насъ плавающія рыбы, со всѣхъ сторонъ, сверху и съ боковъ ярко освѣщаемыя солнечными лучами, пронизывающими водяные бассейны. Мы могли восполнить тутъ же свою зоологическую экскурсію посѣщеніемъ павильона съ выставленными въ немъ полезными и вредными насѣкомыми или хотъ павильона общества покровительства животнымъ, который ознакомилъ бы насъ съ лучшими способами ухода за животными, ковки ихъ, и наименѣе мучительными средствами перевозки и убіенія животныхъ, предназначенныхъ въ пищу; но минуемъ все это и чрезъ Іенскій мостъ вступимъ въ паркъ, ведущій къ дворцу промышленности на Марсово поле.

Въ этой части парка, на самомъ краю, расположены пять паровыхъ двигателей, приводящихъ въ движеніе всѣ машины въ машинныхъ галлереяхъ Марсова поля; такихъ галлерей, въ которыхъ посѣтитель видитъ всѣ машины непрерывно дѣйствующими—двѣ: налѣво, во всю длину Марсова поля, выставлены французскія, а направо иностранныя машины, къ которымъ мы еще возвратимся. Тутъ и огромное сооруженіе съ выставкою французскаго «общества краснаго креста» для пособія раненымъ; тутъ и выставка министерства путей сообщенія съ маяками, планами, образцами минераловъ, тутъ и выставка мореплаванія, и гидротерапевтической павильонъ, и выставка привозимыхъ и вывозимыхъ продуктовъ изъ главнѣйшихъ портовъ Франціи; тутъ и оранжереи для выставки садовыхъ растеній... Между тѣмъ какъ часть парка, налѣво отъ дворца промыш-

ленности, занята паровыми двигателями, о которых мы уже упомянули выше, и выставкою машинъ и орудій земледѣльческихъ, заводскихъ, аптекарскихъ, газоваго производства, выдѣлки тутъ же изготовляемаго шампанскаго вина и выставкою минеральныхъ водъ;—между тѣмъ какъ противъ дворца промышленности паркъ представляетъ уже описанную нами пеструю смѣсь, а задняя сторона занята фабрикою выдѣлываемаго на глазахъ посѣтителей искусственнаго льду, выставленными отъ министерства внутреннихъ дѣлъ моделями сооруженій и павильономъ, гдѣ показываютъ новый, весьма удачно уже примѣненный въ Парижѣ способъ электрическаго освѣщенія улицъ и залъ нашего соотечественника Яблочкова,—направо отъ дворца промышленности, въ паркѣ, такая же смѣсь. Тутъ и выставленные Португаліею произведенія съ Зеленаго мыса, Мозамбика, изъ Вестъ-Индіи; тутъ и блестящая педагогическая выставка Бельгіи, а вблизи выставленные Россіею земледѣльческія машины и немногіе образцы кустарной промышленности, глыбы мрамора изъ Италіи, рыболовство Швеціи и Норвегіи, экипажи изъ Англіи и Америки.

Если распредѣленіе всѣхъ предметовъ на выставкѣ, по безсистемности, походило на ту пеструю смѣсь разнороднѣйшихъ предметовъ, которая окружаетъ дворецъ промышленности со всѣхъ четырехъ сторонъ, то изученіе выставки было бы до-нельзя затруднено и до-нельзя уменьшилось бы и образовательное значеніе ея, какъ всеобъемлющей школы нагляднаго обученія. Но, по счастію, описанная нами безсистемность въ распре-

дѣленіи предметовъ, въ сооруженіяхъ, добавочныхъ къ дворцу промышленности, объясняется только тѣмъ, что въ эти павильоны выставляли тѣ отдѣлы разныхъ націй, на которые случайно не доставало мѣста въ главномъ зданіи. Въ этомъ послѣднемъ, напротивъ, милліоны предметовъ классифицированы на столько систематично и просто, что нѣтъ возможности заблудиться и есть возможность изучать, избѣгая головокруженія. Весь дворецъ промышленности есть огромный прямоугольникъ, пересѣкаемый вдоль и поперекъ галлерейми: въ центрѣ обширное зданіе для выставки собственно города Парижа; отъ него впередъ и назадъ центральныя галлерей для живописи и ваянія всѣхъ народовъ. Затѣмъ вся правая часть прямоугольника, со всѣми продольными, поперечными галлерейми и добавочными павильонами, занята всѣми государствами всего свѣта, кромѣ Франціи, а лѣвая—одною Франціею. Каждая изъ двухъ этихъ половинъ распредѣляется на части буквально по одной и той же системѣ: если, избравъ какую либо галлерейю, положимъ хоть мебели, пойдете вдоль выставки, то не увидите ничего, кромѣ мебели и предметовъ одной съ нею группы, а будете только, идя по иностранному отдѣлу, переходить отъ государства къ государству; если же пойдете поперекъ выставки, то не выйдете изъ предѣловъ одного государства, но будете переходить отъ одного рода произведеній къ другому, того же государства; — таковъ по крайней мѣрѣ, идеаль, къ которому стремились организаторы парижской всемірной выставки, и онъ осуществленъ, насколько это оказалось исполнимымъ, при

неравенствѣ участія различныхъ націй въ выставкѣ.

Степень участія во всемірной выставкѣ вовсе не соотвѣтствуетъ ни пространству, ни населенію государства, а гораздо болѣе — его производительности, образованности, самодѣятельности жителей, причемъ весьма существенное значеніе имѣетъ и самое воззрѣніе правительства и народа даннаго государства на пользу отъ всемірной выставки. Такъ напримѣръ, Германская имперія приняла на этотъ разъ участіе только въ выставкѣ изящныхъ искусствъ, находя, что всемірныя промышленныя выставки повторяются слишкомъ часто и прикрывая этимъ свое опасеніе вступить въ состязаніе съ далеко превосходящею ее въ промышленномъ отношеніи Франціею; Швеція, напримѣръ, которая произвела сильное впечатлѣніе своею педагогическою выставкою въ Вѣнѣ и Филадельфіи, воее не выставила своей школы въ Парижѣ, во избѣжаніе расходовъ, какъ говорилъ мнѣ шведскій уполномоченный на парижской всемірной выставкѣ, Не беремся рѣшить, которая изъ перечисленныхъ выше причинъ тормозитъ участіе Россіи во всемірной выставкѣ, но съ прискорбіемъ убѣдились мы въ томъ, что Бельгія, при 540 кв. миляхъ пространства и 5 милліонахъ жителей, заняла на парижской всемірной выставкѣ чуть ли не вдвое болѣе мѣста, чѣмъ Россія, при 89 милліонахъ населенія и 400 тысячахъ кв. миль пространства. На это повліяла несомнѣнно болѣе всего отдаленность Россіи? — не думаемъ, такъ какъ, напримѣръ, въ вѣнской всемірной выставкѣ приняли участіе 790 экспонентовъ изъ Швеціи и Норвегіи (1 экспонентъ на 7594 жителей), а изъ Россіи, ближай-

шей сосѣдки Австріи, всего 1500 экспонентовъ на 75 милліоновъ населенія Европейской Россіи, т. е. 1 экспонентъ на 50 тысячъ жителей: значить, Россія доставила Вѣнѣ почти въ 7 разъ менѣе экспонентовъ чѣмъ Швеція съ Норвегіею. Наконецъ изъ такой отдаленной и малонаселенной страны, какова Бразилія (150 тысячъ кв. миль, 11 милліоновъ населенія), въ Вѣнѣ было 384 экспонента. т. е., пропорціонально населенію, почти вдвое болѣе, чѣмъ изъ Европейской Россіи. Въ Вѣнѣ вовсе не было русской педагогической выставки, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ книгъ, какъ бы случайно туда забредшихъ; въ Парижѣ русская педагогическая выставка существуетъ и, какъ увидимъ, производитъ впечатлѣніе, но и эта выставка опять поразительно бѣдна *числомъ* экспонентовъ; не достаетъ, на примѣръ, хоть такихъ экспонентовъ, какъ наши города и наши уѣздныя и губернскія земства, которыя упустили весьма удобный случай — педагогическою выставкою заявить всему міру о внутреннемъ ростѣ Россіи, что пригодилося бы и при рѣшеніи «восточнаго вопроса». Великобританія, на примѣръ, произвела сильное впечатлѣніе на міръ не только тѣмъ, что впервые призвала въ Европу часть своихъ несмѣтныхъ полчищъ изъ Индіи, но и тѣмъ, что *одна* заняла на на парижской всемірной выставкѣ цѣлую половину тѣхъ осьми десятинъ пространства, которыя были предоставлены всѣмъ иностраннымъ государствамъ; остальные четыре десятины, по размѣру занятаго каждымъ пространства, распредѣлились между Бельгіей, Австро-Венгріей, Россіей, Соединенными Штатами, Италіей,

Швейцаріей, Голландіей, Іспаніей, Швеціей и Норвегіей, Китаемъ, Японіей, Даніей, Португаліей, Греціей, Центральной Америкой, Южной Америкой, Тунисомъ, Марокко, Сіамомъ, Анамской имперіей, Люксембургомъ, Монако и С.-Марино. Произведенія всѣхъ этихъ государствъ, какъ и самой Франціи, распредѣлены въ заблаговременно разосланной программѣ выставки и размѣщены въ самомъ «дворцѣ промышленности», въ девяти группахъ, изъ которыхъ каждая распадается на нѣсколько классовъ (всѣхъ классовъ или разрядовъ произведеній—девятию). Къ первой группѣ относятся произведенія искусствъ, занимающія, какъ уже сказано выше, центральную галерею Марсова поля, отдѣляющую французскій отдѣлъ выставки отъ иностраннаго; затѣмъ, ближайшая къ картинной галереѣ, галерея направо, посвящена французской выставкѣ по воспитанію и обученію, книгопечатанію, переплетному дѣлу, матеріаламъ для художествъ, фотографіи, музыкальнымъ инструментамъ, медицинѣ, точнымъ инструментамъ, географическимъ и космографическимъ картамъ и аппаратамъ. Буквально такой же выставкѣ тѣхъ же предметовъ, отнесенныхъ въ совокупности ко 2-й группѣ, посвящена и первая галерея, вправо отъ картинной выставки, т. е. первая галерея иностраннаго отдѣла, идя вдоль которой, вы можете переходить отъ англійской педагогической выставки къ американской, шведской, итальянской, японской, австрійской и т. д., встрѣчая, впрочемъ, иногда необходимость разыскивать и нѣкоторые, отдѣльно отъ главнаго зданія состоящіе, павильоны.

Итакъ колоссальная школа нагляднаго обученія, парижская всемірная выставка, не считая отдѣльно расположенныхъ павильоновъ, совмѣщала, на время съ 1-го мая по 31 октября 1878 года,, 84 разряда произведеній всего міра, сырыхъ и обработанныхъ; остальные шесть разрядовъ изъ девяносты образуютъ временныя выставки (на недѣлю) живыхъ животныхъ, какъ-то: лошадей, рогатаго скота, свѣней, овецъ, домашней птицы и собакъ; въ бытность мою въ Парижѣ, на примѣръ, мнѣ удалось видѣть на международной выставкѣ около шестисотъ собакъ шестидесяти четырехъ разныхъ породъ и разновидностей. Если припомнить хоть нѣкоторыя изъ выставленныхъ въ Парижѣ предметовъ, которые я успѣлъ перечислить до сихъ поръ, если вдуматься въ то, что въ числѣ 84 разрядовъ къ *одному* разряду отнесены, на примѣръ, *всѣ* хлѣбныя растенія и мучныя произведенія къ *одному* разряду предметовъ—*всѣ* виды орудій и способовъ эксплуатаціи полей и лѣсовъ, къ *одному* разряду—*всѣ* принадлежности желѣзныхъ дорогъ, къ *одному*—*всѣ* принадлежности военнаго дѣла, къ *одному* *всѣ* аппараты для отопленія и освѣщенія, къ *одному*—*всѣ* орудія и произведенія охоты въ обширномъ смыслѣ слова и только къ тремъ—*всѣ* машины общей механики, мануфактурной и ремесленной промышленности; если вдуматься, что такихъ разрядовъ произведеній девяносты, — тогда только станетъ возможнымъ хоть сколько-нибудь представить себѣ все подавляющее обиліе и разнообразіе описываемой нами всесвѣтной школы нагляднаго обученія, олицетворяющей, въ видѣ массы образцовъ, все-

возможные виды человѣческой дѣятельности, всѣ поясы земнаго шара, всѣ народы Европы и главнѣйшія національности всѣхъ другихъ частей свѣта.

Мы, до сихъ поръ, успѣли однако пройти весьма немного на всемірной парижской выставкѣ; мы прошли только отъ Трокадеро до Марсова поля и, еще не заглядывая въ самый «дворецъ промышленности», занимающій болѣе шестнадцати десятинъ пространства, только облетѣли его кругомъ и ознакомились съ его системою; мы не прошли еще даже по такъ называемой «улицѣ національностей», на которую выходятъ фасадомъ всѣ иностранные отдѣлы, изъ которыхъ каждый придалъ своему фасаду національный типъ архитектуры: фасадомъ для русскаго отдѣла, на примѣръ, служить на этой улицѣ русская изба. Но я и не собираюсь водить читателя по всей выставкѣ, и самъ не все видѣлъ, такъ какъ на то, чтобы все видѣть, не стало бы и цѣлыхъ мѣсяцевъ времени. Мы можемъ только, остановившись еще разъ на дворцѣ промышленности, указать кое-что характеристическое на выставкѣ, чтобы приберечь силы для педагогическаго отдѣла, знакомство съ которымъ и составляло цѣль моей поездки въ Парижъ.

Посѣтители, ищущіе только развлеченія на выставкѣ, толпятся преимущественно въ первой поперечной галереѣ «дворца промышленности» предъ брилліантами французскаго и англійскаго правительствъ, предъ индѣйскими сокровищами англійскаго наслѣднаго принца, обращая меньшее вниманіе на тутъ-же выставленные художественные образцы Севрскаго фарфора и Гобеле-

новскихъ ковровыхъ картинъ и вовсе не обращая вниманія на часы, которыми украшенъ дворецъ и которыя дѣлаютъ честь нашему столѣтію: высотой въ 3 сажени эти часы, снабженные четырьмя циферблатами, въ діаметръ до двухъ аршинъ каждый, совершенно скрываютъ отъ наблюдателя самый ходъ и поражаютъ маятникомъ, который, помѣщаясь до сажени выше часовъ, состоитъ изъ стержня и огромнаго земнаго глобуса, совершающаго непрерывно-вращательное движеніе вокругъ неподвижно утвержденного солнца. Въ той же входной галлерей, но въ части ея, примыкающей къ англійскому отдѣлу, вы видите золотыеobelisks, которые поражаютъ васъ своими размѣрами даже въ такой галлерей, которая, при высотѣ до 15 сажень, имѣетъ до 10 сажень въ ширину и до 150 сажень въ длину; этиobelisks однако не изъ золота, но изъ позолоченнаго дерева и представляютъ количество золота, добытаго въ Австраліи за послѣдніе десять лѣтъ, на сумму около 90 милліоновъ рублей въ Квинландѣ и на 265 милліоновъ рублей въ Новомъ Валлисѣ. Еслибы мы теперь, полюбовавшись выставкою Канады, вступили въ находящуюся противъ насъ продольную галлерей (такихъ продольныхъ галлерей, крытыхъ стекломъ — шестнадцать) и пошли бы на противоположный конецъ выставки, то мы прошли бы болѣе полуверсты и обозрѣли бы при этомъ только восьмую часть выставки иностранныхъ государствъ; мы возвратились бы, пожалуй, — послушавъ благозвучную игру различныхъ оперныхъ мотивовъ на 44 колоколахъ почтеннаго размѣра, — лѣвою стороною выставки, т. е. французскимъ

отдѣломъ, занимающимъ, какъ мы уже говорили, цѣ-
лую половину «дворца промышленности». Чего бы мы
тутъ не увидѣли? Тутъ мы могли бы наткнуться на
французское зеркало въ 9 аршинъ шириною, при такой
же высотѣ, на Страсбургскую бочку въ 6,600 ведеръ
вмѣстимостію, на англійскій обелискъ, сложенный изъ
460 фунтовъ разноцвѣтныхъ булавокъ, на огромную
спиральную лѣстницу изъ бутылокъ, на колонну изъ
ситцу, весьма изящно воспроизводящую базисъ, стер-
жень и капитель, на барометръ въ сажень въ діаметрѣ,
на колоссальныя звѣзды изъ разноцвѣтной бумаги и
лакированныхъ кожъ разныхъ цвѣтовъ, такимъ обра-
зомъ выставляемыхъ фабрикантами. Мы могли бы на-
брести на огромный обелискъ изъ сургуча, на воспро-
изведеніе древняго храма въ натуральную величину изъ
хрусталя и металла; тутъ попались бы намъ, на пути,
цѣлыя пирамиды, въ нѣсколько сажень вышиною, изъ
голландскихъ бутылокъ съ ликеромъ, изъ разноцвѣт-
наго мыла, изъ котловъ, изъ пробокъ, изъ сыровъ,
даже коралловая пирамида въ итальянскомъ отдѣлѣ; а
вотъ предъ нами античный храмъ изъ катушекъ бу-
маги всѣхъ цвѣтовъ! Въ отдѣлѣ мебели мы могли бы
видѣть цѣлыя комнаты, въ натуральную величину,
изящно и роскошно убранныя, а, пожалуй, набрали
бы на римскую мебель изъ буйволовоыхъ роговъ и буй-
воловою кожи, или на обширную комнату, увѣшанную
сверху до низу и вверху драпированную швейцарскимъ
шитьемъ; выставка волосъ поразила бы насъ не толь-
ко разнообразіемъ, но и изяществомъ восковыхъ фи-
гуръ, которыя ими украшены; въ отдѣлѣ парижскихъ

игрушекъ мы невольно остановились бы предъ плющевымъ садомъ съ многочисленными группами играющихъ и лазящихъ куколъ въ три четверти аршина. А сколько увидѣли бы мы, въ отдѣлѣ мѣховъ, чучель различныхъ пушныхъ и хищныхъ звѣрей и птицъ, отдѣльно и группами расположенныхъ! Въмѣсто того, чтобы просто выставить гагачій пухъ, Норвегія выставляетъ художественное чучело гаги и яйца ея, изящно убирая ихъ пухомъ. А чего бы мы не увидѣли, еслибы попали въ земледѣльческій отдѣлъ?... Вотъ предъ нами призма въ 8 аршинъ длины, 3 аршина ширины и 1 аршинъ высоты; всѣ стороны ея состоятъ изъ художественной мозаики различнѣйшихъ, въ такой обстановкѣ выставляемыхъ, зеренъ хлѣбныхъ растеній; какъ изящна модель русской избы, вмѣстившая выставку нашей Петровско-Разумовской Академіи!.. Что это за коллекція картофеля?... Тутъ его 18 сортовъ, изслѣдованныхъ по отношенію къ степени питательности каждаго; а тамъ полюбуйтесь 150 сортами орѣховъ и 500 видами хвойныхъ шишекъ! Мы пока блуждаемъ по выставкѣ, а потому едва имѣемъ время останавливаться на безчисленныхъ моделяхъ общественныхъ сооруженій, каковы больницы, школы, тюрьмы, туннели, мосты, замки, жилые дома; какъ поучительно было бы напримѣръ, остановиться на модели агрономической станціи, на модели средневѣковаго замка или хоть на огромной модели, представляющей руководство во всѣхъ его подробностяхъ; но мы пройдемъ по машинной галлерей до такъ называемаго «павильона го-

рода Парижа» и тѣмъ закончимъ свое блужданіе по «дворцу промышленности».

Фабричное и ремесленное производства представлены, на этотъ разъ, въ Парижѣ на столько полно, какъ едва-ли случалось до сихъ поръ. Пройдемте по такъ называемой «галлерей труда», и тамъ, на глазахъ нашихъ, французскіе работники и работницы, при помощи разныхъ орудій и снарядовъ, оправляютъ драгоценные камни и подражанія имъ, плетутъ кружева, выдѣлываютъ трубки, цвѣты изъ эмали и тканей, костяныя и перламутровыя пуговицы, вѣеры; вышиваютъ по атласу, ткуютъ шали и ленты, чеканятъ медали, трудясь нерѣдко надъ тѣмъ, что не стоило бы человѣческаго труда и удовлетворяя нерѣдко потребностямъ публики, упраздненіе которыхъ было бы желательно. На противоположномъ отсюда концѣ выставки видѣлъ я движущуюся модель руки, олицетворяющей всю благодѣтельность искусственныхъ рукъ, въ видѣ дѣвушки лѣтъ двадцати, у которой рука отнята выше локтя, и которая пальцами искусственной руки своей, тутъ-же, на глазахъ публики, вяжетъ чулокъ! Перенесемъ же отсюда въ необозримыя машинныя галлерей, къ машинамъ, нерѣдко ломающимъ руки рабочимъ, къ машинамъ, которыя мы здѣсь застаемъ всѣ въ дѣйствиіи; тутъ и паровыя пилы, и паровыя сверла, и паровые молоты и струги, и токарныя станки, и прядильныя и ткацкія машины всѣхъ видовъ; тутъ на нашихъ глазахъ приготавливаютъ горчицу, стеариновыя свѣчи, и въ три минуты мутная каша превращается въ листъ бѣлой бумаги; тутъ-же фабрикуется шоколадъ....

Самый центр «дворца промышленности» занимает, какъ мы уже сказали, «выставка города Парижа», почему-то образующая какъ-бы государство въ государствѣ, представляя исторію Парижа, организацію его клоакъ и путей сообщенія, изящныя искусства въ Парижѣ, въ видѣ моделей главнѣйшихъ храмовъ и общественныхъ зданій, его архитектуру и его *начальныя училища*. Къ сожалѣнію, нельзя не усмотрѣть остатковъ пресловутой французской централизаціи въ преувеличенномъ значеніи, придаваемомъ столицѣ во Франціи; чѣмъ инымъ объяснить, напр., выключеніе начальныхъ училищъ Парижа изъ педагогической выставки всей Франціи, гдѣ Парижъ могъ бы остаться типомъ и самобытною юридическою личностью никакъ не менѣе, чѣмъ въ особомъ павильонѣ, до сорока сажень длины при семнадцати въ ширину, совмѣстившемъ, какъ мы видѣли, различные отдѣлы выставки; вѣдь Ліонъ и многіе другіе города Франціи могли бы осуществить выставку, столь же богатую и разнообразную, какъ Парижъ, но Парижъ—«начальство» Франціи, и провинціалъ до сихъ поръ относится къ нему чуть не такъ, какъ мусульманинъ къ своему священному городу Меккѣ.

Но довольно блуждать по выставкѣ; блуждая, многому не научишься. Для того чтобы получить однако еще хоть какое-нибудь понятіе о тѣхъ знаніяхъ, которыя можно почерпнуть изъ обзрѣнія отдѣльныхъ павильоновъ, остановимся на Египетскомъ павильонѣ, гдѣ мы встрѣтимся съ сокровищами. Въ Египетскомъ павильонѣ поражаетъ, кромѣ колоссальной карты, Суэзскаго канала, художественная модель его около 13

аршинъ длины, при ширинѣ около сажени, представляющая Суэзъ на Черномъ и Портъ-Саидъ на Средиземномъ морѣ, съ каналомъ, наполненнымъ судами, съ поѣздами желѣзной дороги и телеграфными линіями; тутъ-же прекрасный портретъ знаменитаго путешественника по Африкѣ, Ливингстона, его фуражка и пистолеть. Отрадно видѣть, что хранятся и цѣнятся людьми dospѣхи и такихъ героевъ, которые прославились не на военномъ поприщѣ, но были героями и мучениками науки и труда. Изъ сырыхъ произведеній, типичныхъ для Египта, вы видите въ этомъ павильонѣ рожки, финики, сорго, кусты и деревья хлопчатника, бѣлые и желтые коконы шелковичнаго червя; вы видите здѣсь и художественное чучело страуса съ дѣтенышемъ и яйцами... передъ вами оживаетъ цѣлый новый міръ.

Полагаю, что сказаннаго достаточно для того, чтобы читатель, не только никогда не бывавшій на какой бы то ни было выставкѣ, но и незнакомый ни съ чѣмъ, кромѣ провинціи, могъ представить себѣ, что такое всемірная выставка, какое мѣсто въ ряду такихъ выставокъ занимаетъ современная намъ парижская, какъ и чему поучаетъ такая выставка. Послѣ этого, уже не трудно представить себѣ и педагогическіе отдѣлы парижской всемірной выставки, какъ собраніе коллекцій для нагляднаго обученія, физическихъ приборовъ, учебниковъ, ученическихъ работъ по письму, рисованію, Фребелевскимъ издѣліямъ и шитью, географическихъ картъ, статистическихъ таблицъ, уставовъ и т. п. Но имѣя въ виду, въ слѣдующей главѣ, при-

ступить къ кругосвѣтному путешествію по начальнымъ школамъ всѣхъ націй на парижской выставкѣ и очертить, при этомъ случаѣ, положеніе народнаго образованія въ главнѣйшихъ государствахъ, — мы должны теперь-же сказать еще нѣсколько словъ о мѣстѣ, занимаемомъ педагогическою выставкою въ Парижѣ въ ряду выставокъ орудій и результатовъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности.

Хотя, какъ мы уже видѣли, педагогическому дѣлу отведено программю парижской всемірной выставки самое почетное мѣсто, но, говоря вообще, экспонентовъ по учебному дѣлу и пропорціонально несравненно меньше, чѣмъ промышленныхъ, такъ что педагогическій отдѣлъ, за немногими исключеніями, есть самый бѣдный на выставкѣ по сравненію съ фабричнымъ, машиннымъ, земледѣльческимъ и т. п. Это объясняется тѣмъ, что выставки вообще имѣютъ, до сихъ поръ, характеръ гораздо болѣе промышленный, нежели образовательный; что люди всегда цѣнятъ ближайшіе, непосредственные, немедленные результаты выше хотя бы болѣе цѣнныхъ, но отдаленныхъ, а потому сознаютъ болѣе пользу отъ немедленнаго заказа хотя бы ста тысячъ ружей вслѣдствіе удачно выставленнаго образца, нежели нравственное впечатлѣніе, производимое на весь міръ обширностью и достоинствомъ школьной выставки, и улучшение своей собственной школы путемъ сравненія ея съ другими; на этомъ же основаніи знаменитому доктору платятъ сотни рублей за совѣщаніе въ нѣсколько минутъ, а педагогу, *на словахъ* весьма цѣнному и уважаемому,

платятъ гроши за часовую работу. Обширныя педагогическія выставки, *достойныя* нашего времени, настолько дѣло будущаго, что устроители вѣнской всемірной выставки имѣли продолжительныя сношенія съ Европою и Америкою для того, чтобы только возбудить въ этомъ отношеніи дѣятельность правительствъ и частныхъ лицъ. Опытъ Соединенныхъ Штатовъ, на филаделфійской выставкѣ, лучше всего подтверждаетъ, насколько въ наши дни еще нужно энергіи, настойчивости, агитаціи, для того чтобы состоялась *педагогическая* выставка: въ странѣ, которая славится самостоятельностью и обиліемъ капиталовъ, которая издавна привыкла считать расходъ на школу однимъ изъ наиболѣе производительныхъ и щедро обезпечиваетъ ее недвижимыми имуществами, — въ такой странѣ изъ 37 штатовъ только 12 послали въ Филадельфію, при величайшемъ удобствѣ путей сообщенія, сколько нибудь полныя педагогическія коллекціи, 7 изъ штатовъ организовали крайне скудную педагогическую выставку, а 18 штатовъ вовсе не имѣли педагогическаго отдѣла, не смотря на то, что выставкѣ за-долго предшествовали митинги, конференціи и агитація прессы о необходимости представить школу въ возможной полнотѣ въ Филадельфіи! И это тамъ, гдѣ даже въ Аргентинской республикѣ школьное дѣло на столько считается первостепеннымъ, что, по обычаю, президентомъ республики избирается лицо, уже прежде бывшее министромъ народнаго просвѣщенія, какъ человѣкъ, знакомый съ важнѣйшею изъ всѣхъ отраслей государственной дѣятельности. (См. Special report to the honou-

rable the Minister of education on the Ontario educational exhibit at Philadelphia 1877 года, стр. 155).

Если такъ стоитъ еще дѣло въ Америкѣ, то удивляться-ли намъ скудости педагогическихъ отдѣловъ на выставкахъ Европы или крайне ничтожному числу педагогическихъ экспонентовъ изъ Россіи, притомъ же въ такое время, когда все вниманіе русскаго правительства и общества было поглощено восточною войною?... Удивляться этому мы не станемъ, а обратимся къ этому вопросу прямо и познакомимъ читателя съ русскимъ педагогическимъ отдѣломъ на парижской всемірной выставкѣ.

II.

Русскій педагогическій отдѣлъ.

Только со времени парижской всемірной выставки 1867 года педагогическій отдѣлъ сталъ входить, какъ мы теперь знаемъ, въ составъ международныхъ выставокъ; но лишь въ текущемъ году Россія въ первый разъ представила свое школьное дѣло достойнымъ образомъ. Въ Парижѣ, въ 1867 году, было всего *три* русскихъ экспонента по педагогическому отдѣлу; на вѣнской выставкѣ 1873 года педагогическій отдѣлъ нашъ поражалъ всѣхъ : посѣтителей необычайной скудостью и безсистемностью, и ни въ той, ни въ другой выставкѣ не участвовало вовсе наше министерство народнаго

просвѣщенія. Хотя это министерство не приняло никакого участія и въ филадельфійской всемірной выставкѣ 1876 года, но въ этомъ году иностранцы впервые получили понятіе о томъ, что у насъ творится по части педагогій, благодаря нашему военному вѣдомству, выставившему въ Филадельфіи свой педагогическій музей; послѣдній предоставлялъ на столько богатую коллекцію пособій для нагляднаго преподаванія всѣхъ отраслей знанія, что американцы, писавшіе о филадельфійской выставкѣ, ставили русскій педагогическій отдѣлъ, по значенію, третьимъ въ ряду всѣхъ педагогическихъ отдѣловъ, американскихъ и европейскихъ. Американцы, находя, что богатство «педагогическаго музея» представляетъ «едва постижимые» успѣхи Россіи въ дѣлѣ обученія (Special report of the international exhibit at Philadelphia. Toronto, 1877 г., стр. 223) и объясняя ихъ себѣ, какъ результатъ освобожденія крестьянъ, тяжелыхъ уроковъ крымской войны и умственнаго движенія того времени, не придали никакого значенія тому, что они любовались педагогическимъ музеемъ *военнаго* вѣдомства, а не министерства просвѣщенія, и считали такъ мало вѣроятнымъ, чтобы военное вѣдомство могло олицетворять свои заботы о начальномъ обученіи въ составленіи замѣчательнаго, по полнотѣ, музея для нагляднаго обученія и чтобы, въ тоже самое время, министерство просвѣщенія могло не заявить себя ничѣмъ на пользу народной школы, — что «педагогическій музей» они сочли вопреки объяснительной брошюрѣ, музеемъ не *военнаго* вѣдомства, а просто русскаго «правитель-

ства», результатомъ попеченія государства о просвѣщеніи массы. Правда, что, восторгаясь «музеемъ», американскіе писатели дѣлали оговорку, указывая на то, что имъ вовсе неизвѣстно по выставкѣ, на сколько такія прекрасныя пособія распространены въ нашихъ школахъ; сходное съ этимъ замѣчаніемъ сдѣлала и въ текущемъ году парижская печать, восхищаясь нашимъ «музеемъ», но выражая при этомъ желаніе, чтобы подобный музей не сыгралъ у насъ роли роскошныхъ декорацій, которыми обставляли путь императрицы Екатерины II по степямъ Новороссіи;— чтобы роскошь такого музея, по возможности, больше пролила свѣта въ наши школы, чтобы эти школы существовали въ дѣйствительности въ возможно бѣльшемъ числѣ, а отнюдь не замѣнялись бы музеемъ, какъ нѣкогда декораціи, временно сооруженныя балаганы и временно собранныя люди замѣнили, въ глазахъ высокой путешественницы, населенныя и благоденствующія мѣстности, которыхъ не было на самомъ дѣлѣ.

Какъ ни справедливо такое критическое отношеніе иностранцевъ къ нашему педагогическому дѣлу; но, къ сожалѣнію, и настоящая парижская выставка не могла поднять насъ въ ихъ глазахъ, удовлетворить ихъ, такъ какъ и на этотъ разъ наша *начальная* школа не была представлена, — по крайней мѣрѣ, не была представлена *наглядно* въ видѣ способовъ и результатовъ обученія. О *начальныхъ* школахъ министерство, представившее нѣсколько весьма любопытныхъ графическихъ таблицъ и карту о гимназіяхъ,

не представило даже никакихъ статистическихъ таблицъ; весь міръ могъ ознакомиться съ нашею начальною школою только по нѣсколькимъ уставамъ, планамъ и учебнымъ росписаніямъ, представленнымъ въ Парижъ, по русскимъ учебникамъ и по весьма любопытной брошюрѣ министерства, написанной на французскомъ языкѣ, въ которой изъ 45 страницъ только 4 отведены народной школѣ, занимающей, повторяемъ, весь просвѣщенный міръ гораздо болѣе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и составляющей теперь въ Европѣ одинъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ. Но будемъ признательны министерству просвѣщенія за то, что оно, въ видѣ уставовъ, заявило въ Европѣ о существованіи нашей народной школы, такъ какъ о ней не вспомнили вовсе ни одно изъ другихъ вѣдомствъ и ни одно земство, ни одинъ изъ нашихъ городовъ, ни одинъ изъ частныхъ учредителей школъ. Скажемъ однако совершенно искренно, что не только у насъ, при крайней непривычкѣ къ самодѣятельности, но вездѣ *педагогическая* выставка удается только при энергіи центральной администраціи и что поэтому намъ остается лишь желать, чтобы министерство просвѣщенія, — на этотъ разъ *впервые* выступившее и уже не мало сдѣлавшее для ознакомленія съ нами Европы, — при слѣдующей всемірной выставкѣ *заблаговременно* возбудило бы къ дѣятельности частныхъ лицъ и учрежденія, систематизировало ихъ педагогическія выставки и позаботилось о томъ, чтобы другіе народы ознакомились и съ тѣми народными школами, которыя учреждены самимъ министерствомъ и содержатся, какъ об-

разцовыя, на счетъ государства: какъ ни мало число такихъ училищъ, но 864 *образовыхъ* училища (по 1 января 1878 года) — для насъ не бездѣлица. По сіе время только 830 лицъ окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, и слѣдовательно, полагая, вмѣстѣ съ министерствомъ всего 25,490 народныхъ школъ въ вѣдѣніи министерства и по одному лишь учителю на школу; допуская, что всѣ семинаристы преподають, послѣ выпуска, въ школахъ, — у насъ окажется 24,660 преподавателей, или $\frac{2}{3}$ всего ихъ числа, безъ спеціальной подготовки къ своему дѣлу въ вѣдѣніи одного министерства просвѣщенія.

Къ самой выставкѣ министерства народнаго просвѣщенія мы еще возвратимся, а теперь остановимъ еще разъ вниманіе читателя на томъ, что почти всегда выставка по *начальному* обученію гораздо обширнѣе выставокъ по среднему и высшему обученію, какъ изображающая средства къ образованію большинства; а у насъ, напротивъ, какъ ни скудны вообще наши педагогическія выставки, число экспонентовъ гораздо болѣе по среднимъ учебнымъ заведеніямъ, чѣмъ по народной школѣ. Рука отказывается писать: по *начальному* обученію, у насъ въ Парижѣ всего 12 экспонентовъ, да изъ нихъ, считая и министерство просвѣщенія, и комитетъ грамотности, всего *пять* экспонентовъ изъ Россіи, а большинство изъ Финляндіи и Польши!

Въ число этихъ 12 не включень, однако, педагогическій музей военнаго вѣдомства, почему-то отнесенный къ группѣ экспонентовъ по *высшимъ* учебнымъ заведеніямъ, между тѣмъ какъ значительное большин-

ство его коллекцій предназначается для элементарнаго обученія, а остальное для средняго. Ознакомимся теперь поближе съ этимъ учрежденіемъ, которое многимъ на Руси извѣстно по слухамъ, нѣкоторымъ—по распространеннымъ имъ каталогамъ и только весьма немногимъ—по непосредственнымъ наблюденіямъ и знакомству съ его исторіею.

«Педагогическій музей», основанный военнымъ министромъ въ 1864 году и съ 1871 года составляющій самостоятельный отдѣлъ «музея прикладныхъ знаній» въ С.-Петербургѣ (плата за входъ по воскресеньямъ 5 коп., въ остальные дни отъ 15 до 30 коп. со взрослого, а съ дѣтей отъ 5 коп. до 10 коп.), существуетъ на счетъ частныхъ пожертвованій и доходовъ, при ежегодномъ пособіи отъ военного министерства, задаваясь слѣдующими задачами:

а) Сосредоточить возможно болѣе полную коллекцію предметовъ для нагляднаго обученія, иностраннаго и русскаго производства, и содѣйствовать къ удешевленію лучшихъ изъ этихъ пособій въ Россіи, видоизмѣняя изобрѣтенія другихъ на этомъ поприщѣ и предлагая свои собственныя; для этого музей находится въ вѣдѣніи комитета и двѣнадцати спеціальныхъ отдѣленій по разнымъ отраслямъ знанія, дѣйствующихъ при помощи агентовъ «музея» въ различныхъ мѣстностяхъ и комиссіонера «музея», книгопродавца Фену и К^о (въ Петербургѣ, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 40), обязаннаго имѣть для продажи все, признаваемое «музеемъ» необходимымъ, по цѣнамъ, утвержденнымъ «музеемъ». Этимъ книгопродавцемъ въ прошломъ году из-

даны: «Каталогъ *наглядныхъ* учебно-воспитательныхъ пособій въ 2173 нумера, распределенныхъ систематически по девяти отдѣламъ, распадающимся въ свою очередь на сто рубрикъ, и «каталогъ новѣйшихъ руководствъ и учебныхъ пособій» для начального и среднего обученія, въ 3018 нумеровъ, распределенныхъ по двѣнадцати отдѣламъ, развѣтвляющимся на пятьдесятъ систематизированныхъ рубрикъ. Крайне плодотворна была дѣятельность «музея» на этомъ поприщѣ: «музею» удалось сосредоточить до трехъ тысячъ предметовъ для нагляднаго преподаванія: Закона Божія (70 предметовъ), математики (120), физики (400), естественной исторіи (600), космографіи (100), географіи (300), всеобщей и русской исторіи (200), рисованія (160), чистописанія (50), собственно для элементарнаго обученія (90), для дѣтскихъ садовъ (250), гимнастики (40), музыки и пѣнія (85), гигиены (200 предметовъ) и шетьдесятъ предметовъ, относящихся къ классной мебели, да кромѣ того, четыре тысячи картинъ для волшебнаго фонаря, систематически распределенныхъ по наукамъ. Одновременно съ этимъ, «музей», въ своихъ спеціальныхъ отдѣленіяхъ, не только разработалъ программу физики и географіи для военныхъ гимназій (преобразованы изъ кадетскихъ корпусовъ въ 1863 году, годомъ раньше основанія «музея»; въ настоящее время военныхъ гимназій и прогимназій всего до 20, а гимназій и прогимназій гражданскаго вѣдомства, не предназначенныхъ, подобно военнымъ, почти исключительно для лицъ *неподатныхъ сословій*, но для *всѣхъ*, у насъ только 195 на десятки милліо-

новъ людей),—не только организовалъ педагогическую безвозмездную библіотеку въ двѣнадцать тысячъ томовъ, но и успѣлъ, благодаря содѣйствию тюрьмы морскаго вѣдомства, во время С.-Петербургской мануфактурной выставки 1870 года, изготовившей *первыя дешевыя* учебныя пособія изъ дерева, вызвать производство пособій для нагляднаго обученія въ самой Россіи, въ замѣну крайне дорого обходившихся намъ заграничныхъ пособій. Въ настоящее время это производство, сосредоточиваясь преимущественно въ Петербургѣ и Москвѣ, имѣя, какъ мы видимъ изъ объяснительной брошюры «музея», написанной для парижской выставки, до двадцати представителей, удовлетворяетъ уже всѣмъ потребностямъ «музея»; по показанію брошюры, наглядныя пособія, вслѣдствіе упрощенія ихъ музеемъ и конкуренціи, на столько подешевѣли, что школы, вынужденныя въ 1870 году издержать на приобрѣтеніе пособій 3657 рублей, могутъ въ настоящее время приобрѣсти ту же коллекцію за 1350 рублей, т. е. при сбереженіи въ 63 процента первоначальной стоимости:—предметъ, стоившій прежде 1 рубль, стоитъ теперь 37 копѣекъ.

б) Столь же близкое отношеніе къ народной школѣ, имѣетъ извѣстная дѣятельность того же «Педагогическаго музея» по организациі публичныхъ чтеній для народа. Этыхъ чтеній «музеемъ» напечатано уже 750000 экземпляровъ; было представлено въ «музей» 527 лекцій, но одобрено изъ нихъ только 156 и изъ послѣднихъ напечатано 99; всѣхъ слушателей перебывало въ аудиторіяхъ «музея» 314500, на лекціяхъ,

касавшихся преимущественно русской исторіи (30% всего числа лекцій), всего менѣе вопросовъ законовѣдѣнія (2%), затѣмъ довольно равномерно распредѣлявшихся, по содержанію, между географіей, естественной исторіей, гигиеной, священной исторіей и литературой.

Ознакомившись съ обширной и разнообразной дѣятельностью «педагогическаго музея», которая въ образцахъ представлена и на всемірной выставкѣ въ Парижѣ (музей уже принималъ участіе, не считая петербургской и московской выставокъ, въ географической парижской выставкѣ, во всемірной филадельфійской, въ лондонской педагогической и въ гигиенической брюссельской, гдѣ и удостоенъ почетнаго отзыва), читатель не станетъ требовать отъ насъ сколько нибудь обстоятельнаго описанія выставленныхъ музеемъ въ Парижѣ предметовъ. Достаточно сказать, что музеемъ выставлены образцы всѣхъ уже выше перечисленныхъ нами отдѣловъ его коллекцій; сравнительно бѣльшее пространство занято аппаратами для нагляднаго преподаванія гигиены въ учебныхъ заведеніяхъ и въ видѣ чтеній для народа. Изъ 200 кв. метровъ пространства, которыхъ желалъ музей, онъ получилъ, къ сожалѣнію, только 38 кв. метровъ, но при этомъ незаконно распорядился площадью, вывѣсивъ огромныя, въ высшей степени любопытныя таблицы совершенно новыхъ изслѣдованій по вопросамъ школьной гигиены: эти таблицы было бы несравненно удобнѣе напечатать въ брошюрѣ «музея», чѣмъ вывѣсить ихъ на такой высотѣ, что мнѣ, напримѣръ, балансируя на весьма высокой

лѣстницѣ, трудно было читать ихъ, а у кого станетъ охоты на такую гимнастику? Будь эти таблицы напечатаны въ брошюрѣ, — музей сохранилъ бы много мѣста для чучель, животныхъ, скелетовъ и т. п., а изслѣдованія членовъ «музея» стали бы достояніемъ европейской науки, подобно тому, какъ стали общимъ достояніемъ напечатанные «музеемъ» въ 1876 году, при пояснительной брошюрѣ, химическіе анализы растительной, животной пищи и напитковъ, и самага чловѣческаго тѣла. Изъ гигиеническихъ таблицъ, выставленныхъ «музеемъ», мы назовемъ графическую таблицу доктора Гущина о количествѣ воздуха, которымъ располагаютъ въ классахъ и спальняхъ ученики 52 учебныхъ заведеній; изслѣдованія доктора Захарова о пищѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, по дѣннымъ, доставленнымъ этими заведеніями; изслѣдованія доктора Ильинскаго объ отношеніи времени, посвящаемаго тѣлеснымъ упражненіямъ, ко времени, посвящаемому въ учебныхъ заведеніяхъ умственнымъ занятіямъ. Наконецъ остановимся на изслѣдованіяхъ профессора Лесгафта надъ 1500 учениковъ и Вилямовскаго надъ 6000 учениковъ, — для того чтобы сообщить, что изъ 7500 случаевъ найдено, по счастью, всего 24 случая искривленія позвоночнаго столба; но за то, сколько случаевъ страданій головою болью, легкими и глазами! Да, на этой выставкѣ есть чему поучиться: вотъ передъ нами стеклянныя трубки, наполненныя различными продуктами такъ, чтобы наглядно показать степень питательности каждаго; а вотъ картина, могильно-чернымъ цвѣтомъ изображающая легкія угольщика, столь же на-

ставительная, какъ и другая, изображающая перерождение печени и сердца и раны въ желудкѣ отъ пьянства; эти картины еще не изданы для продажи, и крайне было бы желательно возможно большее распространение ихъ. Подъ стекляннымъ колпакомъ вы видите два резиновыхъ мѣшка, вдыхающихъ и выдыхающихъ воздухъ, подобно легкимъ человѣка (приборъ г. Сѣченова, если не ошибаюсь), а вотъ стоитъ бутылка съ венозною (черною) и артеріальною кровью; тутъ вы увидите анализъ фильтрованной воды, который доказываетъ, что даже крахмалъ проходитъ чрезъ фильтръ, а рядомъ въ банкѣ глисты, яички которыхъ мельче крахмала! На сколько воздухъ легко проникаетъ чрезъ поры всякаго тѣла, до очевидности выясняется выставленною «музеемъ» частью стѣны въ полтора кирпича, къ одной сторонѣ которой прикрѣплена каучуковая трубка, въ которую вы дуете, поражаясь тѣмъ, что воздухъ, *прошедши сквозь стѣну въ полтора кирпича*, даетъ о себѣ знать, образуя пузыри въ стаканѣ съ водой, въ который спущена каучуковая трубка, воспринимающая выдутый вами воздухъ; этотъ опытъ былъ впервые выставленъ въ Брюсселѣ и на столько поразилъ архитекторовъ, что они заподозрили поддѣлку, и часть стѣны, теперь выставленная въ Парижѣ, была уложена въ Брюсселѣ, въ присутствіи публики. Разъясненіями этими я обязанъ г. директору «музея», генералу Коховскому, который ежедневно около двухъ часовъ посвящалъ обстоятельному объясненію публикѣ главнѣйшихъ аппаратовъ выставки «музея».

Отъ этой выставки одного изъ нашихъ правитель-

ственныхъ вѣдомствъ перейдемъ къ единственному *частному* экспоненту по начальному обученію, организовавшему полную выставку, которая производитъ впечатлѣніе и цѣлесообразностью, и подборомъ 60 выставленныхъ предметовъ «петербургской мастерской»; эти предметы предназначены частью для возрастовъ предшествующихъ школъ и частью для элементарныхъ классовъ, но преимущественно для *внѣклассныхъ* занятій; этому послѣднему обстоятельству мы и придаемъ огромное значеніе, такъ какъ одна изъ труднѣйшихъ задачъ воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть воспользоваться, въ интересѣ дитяти, собственнымъ ему стремленіемъ къ игрѣ, — этому безсознательному, но непрерывному творчеству; въ этой коллекціи, кромѣ 22 игръ, вы встрѣтите и ботаническіе прессы и акваріи, и астролябію съ компасомъ, и вѣсы, и виваріи для гусеницъ, и удочки, и различные орудія. Кого же намъ назвать еще изъ *частныхъ лицъ*, принявшихъ участіе въ международной выставкѣ по *начальному* обученію?... Если мы назовемъ г. Баранцевича изъ Москвы, выставившаго свой методъ каллиграфіи, то мы назовемъ тѣмъ самымъ *всѣхъ* частныхъ экспонентовъ, собственно изъ Россіи. Къ нимъ оставалось бы лишь добавить нѣсколькихъ изъ Польши и Финляндіи, но на Финляндіи мы остановимся особо; для того же, чтобы не возвращаться болѣе къ частнымъ экспонентамъ изъ Россіи, мы теперь упомянемъ о томъ, что комитетомъ грамотности Вольно-Экономическаго Общества выставленъ здѣсь весьма обширный трудъ: «Обзоръ народно-учебной литера-

туры», уже обсужденный въ «Народной Школѣ» (Іюнь и Іюль 1878 года). На бѣду народнаго учителя и земцевъ, читающихъ «Народную Школу» и «Педагогическій Музей», эти два журнала совершенно разошлись въ оцѣнкѣ этого труда: «Народная Школа», обѣщая разобрать эту книгу впоследствии подробно, въ краткой замѣткѣ указала на нее, какъ на удачную попытку удовлетворить насущной потребности, причемъ фактически, а не голословно, указала на нѣкоторыя пробѣлы: «Педагогическій Музей», напротивъ, разобралъ эту книгу, въ числѣ сотрудниковъ которой находится не мало всѣми уважаемыхъ педагоговъ, разобралъ ее, не подтвердивъ своего мнѣнія сколько нибудь вѣскими фактами, и отъ оцѣнки книги перешелъ къ оцѣнкѣ лицъ, получившихъ за свою работу по 100 руб. сер. за печатный листъ отъ комитета грамотности, и къ осужденію самого комитета, позволившаго себѣ такой расходъ—вмѣсто того, чтобы вызвать безденежное сотрудничество со стороны лицъ, сочувствующихъ дѣлу. Не позволяя себѣ судить о справедливости рецензій по всѣмъ спеціальностямъ, совмѣщеннымъ въ «Обзорѣ», мы съ особеннымъ сочувствіемъ останавливаемся на мысли редакціи «Народной Школы» разобрать эту книгу *по отрывкамъ* и полагаемъ, что такъ слѣдовало бы поступить въ будущемъ и «Педагогическому Музею», такъ какъ для публики слишкомъ важенъ вопросъ: возможно ли полагаться на рекомендаціи «Обзора» комитета, или нѣтъ? Предпочесть ли публикѣ этому «Обзору» другія однородныя съ нимъ изданія, или нѣтъ? Такое отношеніе педагогической

печати къ «Обзору» принесло бы несомнѣнную пользу, но для многихъ изъ публики еще не рѣшило бы вопроса о цѣлесообразности «Обзора», какъ критическаго указателя, такъ какъ непосвященному пришлось бы, въ случаѣ разнорѣчія писателей, избирать между мнѣніемъ о какомъ нибудь учебникѣ, выраженнымъ въ «Обзорѣ» и отзывомъ критика, не сошедшагося съ этимъ мнѣніемъ. Поэтому, въ виду крайней серьезности дѣла, критическое разсмотрѣніе «Обзора» должно бы составить, по нашему разумѣнію, одну изъ ближайшихъ, наиболѣе важныхъ и интересныхъ задачъ Спб. Педагогическаго Общества; стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ этого общества, посвященныхъ преніямъ по докладамъ членовъ его по каждому отдѣлу «Обзора», лучше всего выясняли бы публикѣ суть дѣла, такъ какъ могли бы обнаружить многія и различныя мнѣнія по одному и тому же вопросу, а не только двухъ лицъ; къ тому же многіе авторы, писавшіе не для наживы, могли бы принести пользу дѣлу своими разъясненіями и должны бы быть допущены въ засѣданіе съ правомъ совѣщательнаго голоса, если они не состоятъ членами Педагогическаго Общества. Въ средѣ этого общества, въ послѣднее время, нерѣдко раздавались жалобы на то, что пренія его безсодержательны и темы мало интересны; мнѣ кажется, что трудно представить себѣ болѣе живой, разнообразный и благодарный вопросъ, какъ обстоятельное разсмотрѣніе «Обзора» комитета грамотности, т. е. обсужденіе цѣлей и способовъ обученія по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса и рѣшеніе вопроса, на сколько удачно ра-

ціональныя теоріи, соотвѣтствующія *нашей*, русской жизни, уже осуществлены въ нашей педагогической литературѣ.

Возвращаясь къ парижской выставкѣ, нельзя не пожалѣть о томъ, что «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы», представляющій во всякомъ случаѣ явленіе недюжинное, и по обширности задачи (разобрано около тысячи книгъ по 13 отдѣламъ), и по числу сотрудниковъ, и по стоимости его для издателей и крайне дешевой продажной цѣнѣ (744 страницы большого формата за 2 рубля, т. е. около $4\frac{1}{3}$ коп. за печатный листъ) — выставленъ въ Парижѣ безъ всякой пояснительной брошюры на французскомъ языкѣ; между тѣмъ одинъ статистическій обзоръ этого труда, дополненный такимъ же обзоромъ всей дѣятельности комитета грамотности за послѣдніе годы, не могъ бы не произвести впечатлѣнія въ Европѣ; скоро ли мы поймемъ, что не одиѣми военными силами въ наши дни можно производить внушительное впечатлѣніе на друзей и враговъ Россіи?...

Мы могли бы остановить еще вниманіе читателей на образцахъ топлива, отъ антрацита до соломы, которой требуется почти въ двадцать разъ болѣе его, выставленныхъ Московскимъ Политехническимъ Музеемъ; мы могли бы указать на блестящіе и рѣдкіе на этой всемірной выставкѣ акварельные снимки животныхъ и растений, сдѣланные съ натуры учениками Московскаго Строгановскаго училища или на весьма любопытную выставку методики обученія ремесламъ Московскаго Техническаго училища, Технологическаго Института и

Ремесленного Училища Цесаревича Николая въ Петербургѣ;—но мы оставимъ все это въ сторонѣ, какъ не касающееся элементарнаго обученія и на самой выставкѣ отнесенное къ другимъ отдѣламъ, и перейдемъ къ педагогической выставкѣ Финляндіи.

На Финляндіи стоитъ остановиться особо не только потому, что, сравнительно съ остальными частями Россіи, ея выставка богаче всѣхъ другихъ, но и потому, что она представляетъ удобный случай вдуматься въ пользу децентрализаціи и, такъ сказать, пестроты, а не однообразія въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія въ такомъ обширномъ государствѣ, какова Россія, гдѣ условія одной школы имѣютъ часто столь же мало общаго съ мѣстными обстоятельствами другой, какъ крымскій кипарисъ и наши сѣверные хвои, произрастающіе при совершенно различныхъ условіяхъ, хотя и подлежащіе одной и той же «инспекціи», одного и того же лѣснаго вѣдомства, въ одномъ и томъ же государствѣ. Представьте себѣ, читатель, что въ 35 городахъ Финляндіи съ 148000 жителей, въ сложности, существуетъ 64 низшихъ и 65 высшихъ, а всего 129 общественныхъ начальныхъ училищъ; по этому расчету пришлось бы устроить въ Петербургѣ на 666960 жителей, ни болѣе, ни менѣе, какъ 580 общественныхъ училищъ! При томъ условіи, что обученіе *необязательно* для родителей, а законъ обязываетъ лишь общины озаботиться устройствомъ постоянныхъ или временныхъ школъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ въ нихъ ощущается потребность,—значительное большинство населенія въ Финляндіи все-таки грамотно; но слушайте

дальше: общественныя училища обучаютъ грамотѣ только въ *городскихъ* училищахъ Финляндіи, куда поступаютъ дѣти 8 и даже 6 лѣтъ, а въ *сельскія* общественныя училища принимаютъ только десятилѣтнихъ дѣтей, уже *«умѣющихъ плавно читать»*. Пора однако дать ключъ къ этимъ загадкамъ; пора объяснить, какимъ образомъ возможно, чтобы большинство населенія было грамотно въ Финляндіи, гдѣ изъ 454 сельскихъ общинъ въ 360-ти еще вовсе нѣтъ *общественныхъ* училищъ, и благодаря чему возможенъ едва ли не единственный фактъ въ Европѣ, чтобы въ сельскую *начальную* общественную школу не принимали иныхъ дѣтей, какъ *грамотныхъ*. Напечатанныя для парижской выставки брошюры объясняютъ эти факты весьма просто: съ самаго введенія протестантизма въ Финляндіи, болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, умѣнье читать считалось неизбѣжнымъ условіемъ для пользованія правами гражданина и для допущенія къ причастію, такъ какъ общеніе съ Христомъ, по мысли протестантизма, обязываетъ къ непосредственному ознакомленію вѣрующаго съ книгами Священнаго Писанія; такая первоначальная грамотность достигалась издревле въ Финляндіи обученіемъ въ подвижныхъ школахъ, но преимущественно обученіемъ въ собственной семьѣ, подъ наблюденіемъ духовенства, въ рукахъ котораго и находилось все народное образованіе до самаго 1866 г.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, преобразована организація народнаго образованія, причемъ за духовенствомъ оставлено лишь наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія, а *инспекція училищъ* поручена самимъ об-

щинамъ, учреждающимъ ихъ: эти училища, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, состоятъ въ вѣдѣніи совѣтовъ, избираемыхъ мѣстнымъ населеніемъ; что касается инспекторовъ училищъ, то они назначаются «центральною дирекціей» (министерствомъ) училищъ Финляндіи только въ селахъ, причемъ избираются ею *изъ мѣстныхъ жителей*, а городскія общества въ Финляндіи сами избираютъ и сами вознаграждаютъ своихъ инспекторовъ училищъ; въ селахъ инспекція училищъ *безвозмездна*, и страна, въ которой всего 194 сельскихъ *общинныхъ* училища, подраздѣляется на 33 училищныхъ участка, обладая по одному инспектору на каждый участокъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ Европѣ повсемѣстно, кромѣ Финляндіи, инспекторы училищъ назначаются *правительствомъ*, а не самимъ населеніемъ, и эта система имѣетъ свои преимущества въ смыслѣ бѣльшей независимости представителей школы отъ интриги политическихъ и кумовскихъ партій при выборахъ и въ смыслѣ бѣльшаго удобства для воздѣйствія правительственной власти на училища, крайне необходимаго при допущеніи полнѣйшей децентрализаціи, величайшаго простора для самодѣятельности въ каждой мѣстности. Но въ Америкѣ, въ провинціи Онтарио, которая стоитъ теперь во главѣ дѣла и по числу учащихся, и по организаціи училищъ, и по преподаванію многихъ изъ предметовъ элементарнаго курса, съумѣли весьма удачно примѣнить обѣ системы инспекціи, выборную и правительственную: тамъ правительство назначаетъ инспекторовъ *изъ кандидатовъ, представляемыхъ* училищными совѣтами, а послѣдніе

избираются населеніемъ. Такимъ образомъ есть извѣстныя гарантіи въ пользу того, чтобы инспекторъ не былъ просто чиновникомъ, чуждымъ населенію, чтобы онъ былъ лицомъ знакомымъ съ людьми, на которыхъ ему предстоитъ вліять, съ мѣстностью, въ которой предстоитъ дѣйствовать, и чтобы въ то же время онъ былъ независимъ отъ мѣстныхъ партій и достаточно связанъ съ центральнымъ правительствомъ, для огражденія школы отъ случайностей и для внесенія единства въ дѣло народнаго образованія. Безвозмездность службы инспектора училищъ въ финляндскихъ селахъ осуществилась бы у насъ вполне въ видѣ дѣятельности «попечителей» училищъ, если бы имъ предоставили права инспекторовъ, что немыслимо уже по причинѣ неграмотности весьма многихъ сельскихъ попечителей, которые, тѣмъ не менѣе, полезны для дѣла своей заботою о матеріальномъ обезпеченіи школы и учителя, и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Но если число училищъ станетъ возрастать и невозможно будетъ возвести при этомъ попечителей въ званіе инспекторовъ, то во всякомъ случаѣ инспекціи училищъ придется вынести коренное преобразование, такъ какъ она достигаетъ цѣли только тамъ, гдѣ инспектору поручаются не сотни, а *десятокъ* училищъ, но до такой нормы числа инспекторовъ не дошла еще даже Голландія, которая, болѣе всѣхъ другихъ государствъ Европы и Америки, прониклась мыслью о необходимости возможно *меньшаго* числа училищъ въ вѣдѣніи одного инспектора: даже въ Голландіи приходится на одного инспектора по 40 училищъ. Но мнѣ извѣстны

мѣстности въ Россіи, въ которыхъ на дѣлѣ инспекторъ располагалъ приблизительно только десятью или пятнадцатью училищами и обходился всего въ сто или въ сто пятьдесятъ рублей въ годъ: то было въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ, гдѣ участковымъ членамъ училищнаго совѣта на дѣлѣ принадлежало значеніе инспекторовъ, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; при этомъ, за шесть лѣтъ времени, мнѣ неизвѣстно *ни одного* случая устраненія учителя отъ должности по «неблагонадежности» и *ни одного* пререканія съ органами правительства. Не принимать-ли намъ, при организаціи дѣла, хоть иногда въ расчетъ не только опытъ другихъ государствъ, но и свой собственный, никогда не забывая, что Россія «велика и обильна», и что въ ней-то въ особенности примѣняется пословица: «что городъ, то норовъ?» Подтвержденіемъ этой пословицы служитъ и описанная нами выше организація училищъ въ Финляндіи, гдѣ легко было бы убить все дѣло, сочинивъ тамъ «предводителей дворянства», «училищные совѣты» съ участіемъ полицейскихъ чиновниковъ и безъ права избирать своихъ предсѣдателей, и нашихъ «инспекторовъ училищъ», которые отнюдь не подчинены училищнымъ совѣтамъ, подобно инспекторамъ финляндскимъ. Но если децентрализація принесла пользу Финляндіи, то повредила ли она, или хоть помѣшала самой Россіи? Отнюдь нѣтъ, и всякій благомыслящій русскій человѣкъ будетъ обозрѣвать финляндскую педагогическую выставку не только безъ чувства зависти, но, напротивъ, съ живѣйшей симпатіей, съ чувствомъ удовольствен-

ной національной гордости, такъ какъ Финляндія есть *часть единой Россіи*.

Финляндія одна имѣетъ въ Парижѣ болѣе экспонентовъ по начальному обученію, чѣмъ вся остальная Россія, чуть не сорокъ разъ превосходящая ее по населенію; но финляндскую выставку можно упрекнуть въ томъ, что она состоитъ почти исключительно изъ письменныхъ ученическихъ работъ различныхъ общинныхъ начальныхъ школъ (такихъ работъ не представило *ни одно* изъ 864 русскихъ образцовыхъ начальныхъ училищъ). Если и нельзя возражать противъ программы всемірной выставки, допускавшей «ученическія работы», какъ результаты обученія, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что однѣми работами учениковъ дѣло не выясняется: не говоря уже о большей или меньшей степени добросовѣстности въ представленіи такихъ работъ, необходимо выяснить цѣлую массу вопросовъ, для того чтобы онѣ получили какое нибудь значеніе:—и число уроковъ, и число учебныхъ предметовъ, и предшествовавшую подготовку дѣтей, и возрастъ ихъ; необходимы также, для сравненія школы со школою, по работамъ, если не однѣ и тѣ же, то, по крайней мѣрѣ, вполне равнотрудныя темы и т. п. Наконецъ, для того чтобы стоило экспонентамъ отнестись серьезно къ выставкѣ письменныхъ ученическихъ работъ, необходима увѣренность въ томъ, что онѣ будутъ внимательно изучены комиссіей специалистовъ; на практикѣ же, на всемірныхъ выставкахъ, ученическія работы валяются, какъ хламъ; обращаютъ вниманіе лишь на успѣхи по рисованію и чистописанію, по-

тому что эти послѣднія работы возможно *просмотрѣть*, а десятки тысячъ письменныхъ работъ нужно *прочестъ*. Въ виду изложенныхъ соображеній, если наше министерство не право въ томъ, что, представляя *гимназическія работы*, оно не представило между ними работъ по русскому языку и вовсе не представило (даже по ариѳметикѣ) работъ изъ начальныхъ училищъ, — то на столько же не права Финляндія, представившая по начальной школѣ почти исключительно письменныя ученическія работы. Что касается способовъ и принадлежностей обученія, которымъ и должна быть преимущественно посвящена всякая педагогическая выставка, то въ финляндскомъ отдѣлѣ мы видѣли аппаратъ съ брусками директора Реландера изъ Выборга, замѣняющій употребительные у насъ дробные счеты; нѣкоторое отношеніе къ народной школѣ имѣетъ и весьма обширная выставка школы финляндскаго «общества изящныхъ искусствъ, примѣненныхъ къ промышленности»; тутъ поразили насъ, сравнительно со всѣми педагогическими отдѣлами другихъ націй, по изяществу и *разнообразію*, ученическія работы по скульптурѣ изъ дерева: ложки деревянные, издѣлія изъ рогожи и луба, корзины, модели мебели и т. п. Наконецъ мы должны пройти мимо выставки финляндскихъ газетъ, которыхъ мы насчитали до ста, преимущественно на финскомъ языкѣ, — и пройти съ грустнымъ чувствомъ, такъ какъ собственно *русская* печать въ Парижѣ коллективно не представлена вовсе, а въ финляндскій отдѣлъ почему то забрели: гербарій *крымскихъ* растений Казначеева, романъ Калашникова, историческій обзоръ

учебниковъ географіи Весина, патологическая коллекція Жирдовина и экземпляръ журнала «Нива».

На этомъ отсутствіи систематизаціи въ произведеніяхъ частныхъ экспонентовъ мы не будемъ останавливаться еще разъ, приступая къ выставкѣ собственно нашего министерства народнаго просвѣщенія, — такъ какъ мы уже указывали, что на этотъ разъ министерство не стало во главѣ всѣхъ учрежденій и лицъ, желавшихъ принять участіе въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки. Иностранцевъ должно, впрочемъ, поражать, что по причинамъ, отъ министерства независящимъ, русское просвѣщеніе еще не обладаетъ такимъ органомъ, который могъ бы служить представителемъ его, хотя бы въ статистическомъ отношеніи. На сколько наша учебная статистика еще находится въ младенчествѣ, доказываетъ весьма интересная брошюра, изданная министерствомъ просвѣщенія на французскомъ языкѣ и раздающаяся посѣтителемъ выставки. Огромную заслугу этой книги составляетъ то, что она впервые знакомитъ Европу съ организаціею народнаго образованія въ Россіи, *на сколько* оно состоитъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія; но эта-то брошюра и должна поразить иностранцевъ тѣмъ, что у насъ одинъ институтъ для глухо-нѣмыхъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія, а другой внѣ его вѣдомства; что, на примѣръ, лютеранскія начальныя школы находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а медицинская академія — въ вѣдѣніи военнаго министерства; что министерство финансовъ завѣдуетъ начальными и средними учебными заведеніями (напри-

мѣръ Коммисаровская техническая школа въ Москвѣ) и т. п. Едва ли мы ошибаемся, полагая, что если нельзя, почему либо, теперь же сосредоточить завѣдываніе *всѣми* безъ изъятія учебными заведеніями въ рукахъ министерства просвѣщенія, прекративъ такіа аномаліи, чтобы с.-петербургскій лицей и женскіе институты были изъяты изъ вѣдѣнія министерства, а подчинены особому женско-мужскому вѣдомству, — то необходимо *теперь же* допустить, съ правомъ совѣщательнаго голоса, представителей министерства просвѣщенія въ управленія *всѣхъ* безъ изъятія учебныхъ заведеній Россіи. Только въ такомъ случаѣ министерство просвѣщенія можетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ хоть всю педагогическую статистику Россіи и стать за нее отвѣтственнымъ. Покуда же этого нѣтъ, министерство просвѣщенія, вычисляя предъ лицомъ всего міра число нашихъ начальныхъ училищъ и насчитавъ, по учебнымъ округамъ, всего 1.074,559 учащихся, добавляетъ ихъ въ примѣчаніи, съ поясненіями, до 1.200,000, а затѣмъ, *безъ всякаго поясненія*, добавляетъ еще шестьсотъ тысячъ и говоритъ, что «можно полагать въ Россіи 1.800,000 учащихся!» Не подрываемъ ли мы, такимъ образомъ, въ Европѣ довѣріе ко *всѣмъ* нашимъ статистическимъ показаніямъ вообще? Но Европа еще не отказываетъ намъ въ довѣріи, и европейскіе ученые сравниваютъ число учащихся въ Россіи съ числомъ учащихся въ другихъ государствахъ пропорціонально населенію. Къ несчастію, уже избитая тема, что Россія стоитъ ниже *всѣхъ* государствъ Европы по просвѣщенію массы, и мы сочли бы излишнимъ под-

тверждать ее статистическими данными, если бы у насъ не было принято утѣшать себя тѣмъ, что западная Европа гораздо болѣе населена, а сѣверная Америка гораздо богаче нашего отечества. Въ виду такого утѣшенія, я воспользовался матеріаломъ, который могъ извлечь изъ рапортовъ о филадельфійской выставкѣ, для того чтобы сравнить Россію съ крайне обширными и мало-населенными странами, какъ на примѣръ Бразилія, съ едва очнувшеюся страной, какъ Японія, съ отдаленными колоніями, какъ Сандвичевы острова, съ настолько юными государствами, какъ австралійскія, наконецъ съ такою мало-просвѣщенною страной, какъ Сербія. Заимствуя данныя о числѣ жителей преимущественно изъ календаря Суворина, а цифры о числѣ учащихся изъ названнаго нами доклада о педагогическомъ отдѣлѣ филадельфійской всемірной выставки, мы вычислили слѣдующую таблицу, въ которой наше отечество, къ несчастію, вновь занимаетъ послѣднее мѣсто, не смотря на то, что мы въ число государствъ, съ которыми сравнили Россію, не допустили *ни одного* европейскаго, кромѣ Сербіи, а изъ сѣверо-американскихъ взяли только крайне мало просвѣщенную Мексику. (Смотри таблицу на стр. 54-й).

Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ тому, что министерство народнаго просвѣщенія сообщило въ своей брошюрѣ массу матеріала по всѣмъ отраслямъ обученія, но находя ошибочнымъ, что этотъ статистическій матеріалъ сообщается безъ всякой обработки и желая оказать свое посильное содѣйствіе въ этомъ отношеніи и, къ тому же, заинтересовать народнаго учителя на-

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

о числѣ учащихся въ начальныхъ училищахъ.

НАЗВАНІЯ.	Число жителей.	Число учащихся.	На 100 жителей приходится учащихся.
Викторія (Австралія) . . .	820,000	239,000	29,14
Нов. Валлисъ (Австралія). .	600,000	105,000	17,5
Сандвичевы острова	60,000	7,755	12,92
Тасманія.	105,000	13,000	12,38
Ямайка.	507,000	44,000	8,67
Аргентинская республика. .	1.900,000	113,000	5,94
Японія.	34.000.000	2.000,000	5,88
Мексика	9.200,000	350.000	3,80
Новая Зеландія	300,000	9,000	3.
Египетъ безъ Нубіи и Абиссиніи	5.300,000	90,000	1,69
Сербія	1.400,000	23.000	1,64
Бразилія	12.000,000	188,000	1,56
Европейская Россія *) . . .	76 000,000	1.500,000	1,09

(*) Принимаемъ въ расчетъ одну Европейскую Россію (75,458,404) безъ Финляндіи и Кавказа. Что касается 1,500,000 учащихся, то получаемъ ихъ отъ сложенія слѣдующихъ чиселъ: а) въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія 1,074,559; б) въ православныхъ духовныхъ училищахъ 27,785; в) въ лютеранскихъ приходскихъ школахъ 124,560; г) предполагая въ трехъ элементарныхъ классахъ три пятыхъ всего числа учащихся гражданскихъ гимназій и прогимназій (всего въ этихъ заведеніяхъ 50,701 уч.), три пятыхъ всего числа учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ военнаго вѣдомства (всего въ этихъ заведеніяхъ 10,888 уч.) и три пятыхъ всего числа учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (всего въ этихъ заведеніяхъ 34,878 уч.),—составится 131,271 ученикъ въ элементарныхъ классахъ; д) добавляемъ 142,000 учащихся гадательно и полученный итогъ (1.500,175 учащихся) округляемъ, что сходится съ числомъ учащихся, вычисленнымъ для Россіи Левассёромъ, значительно расходится съ цифрою Брачелли (1.009,937) и съ цифрою нашего министерства народнаго просвѣщенія (1.800,000), стоя между этихъ двухъ вычисленій.

шими разсадниками науки, университетами, — я предлагаю читателю еще таблицу, извлеченную изъ данныхъ, сообщенныхъ въ брошюрѣ министерства, не принимая на себя отвѣтственности за то, что эти цифры расходятся нерѣдко съ сообщенными въ нашихъ календаряхъ. По этой таблицѣ читатель можетъ составить себѣ понятіе о *сравнительномъ* богатствѣ нашихъ университетовъ по нѣкоторымъ отраслямъ знанія, о стоимости ихъ, объ отношеніи суммы стипендій къ числу жителей въ округѣ, о числѣ университетскихъ профессоровъ и слушателей, наконецъ о продолжительности существованія университетовъ, а также о равномерности распредѣленія Россіи на учебные округа, имѣющей огромное значеніе и для народной школы. (См. таблицу на стран. 56 и 57-й).

Тщетно пожелали бы мы, на основаніи брошюры министерства народнаго просвѣщенія, представить о нашихъ народныхъ училищахъ, — которыя и русскую, и иностранную публику интересуютъ болѣе средняго и высшаго обученія, — статистическія данныя, настолько же обстоятельныя, какъ приводимыя нами объ университетахъ. Уже указавъ на то, что, по вычисленію министерства, возможно полагать въ Россіи до 1.800,000 учащихся, мы можемъ добавить теперь, что въ десяти округахъ, нами приводимыхъ въ таблицѣ, министерство насчитываетъ въ вѣдѣніи своемъ 24,748 училищъ да на пространствѣ трехсотъ тысячъ квадратныхъ миль Сибири 743 училища, но гадательно полагаетъ, что есть, сверхъ того, еще до десяти тысячъ начальныхъ училищъ, не состоящихъ въ вѣдѣніи министерства

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Пространство.	Число жителей.	К Ъ 1-м у У Н И			
			Годъ основанія.	Профессоровъ, адъюнк- товъ и приватъ-доцен- товъ.	Студентовъ и вольно- слушателей.	Бюджетъ въ рубляхъ се- ребромъ.
С.-Петербург- скій	26,948	4.448,014	1819	106	1,311	399,281
Московскій .	9,468	14.121,259	1755	108	1,509	533,799
Кіевскій. . .	4,550	9.296,794	1833	82	667	376,334
Казанскій. .	9,388	8.679,243	1804	79	536	350,544
Харьковскій .	7,893	9.880,649	1804	63	481	339,969
Виленскій. .	5,369	5.976,266	— ¹⁾	—	—	—
Одесскій. . .	4,291	4.490,041	1865	42	372	213,729
Оренбургскій.	27,730	5.151,782	— ²⁾	—	—	—
Варшавскій .	*) 4,291	4.490,041	1869	73	420	246,558
Дерптскій. .	1,691	1.910,740	{ 1632 1802	66	786	246,371

*) Не знаемъ, случайно ли, или по ошибкѣ, въ бро число жителей Варшавскаго и Одесскаго округовъ показа

¹⁾ Нѣтъ университета.

²⁾ Нѣтъ университета.

³⁾ Нѣтъ медицинскаго факультета.

Я Н В А Р Я 1877 Г О Д А.
В Е Р С И Т Е Т Ы.

На стипендіи рублей, въ 1878 г.	Томовъ въ университетской библіотекѣ.	Томовъ въ студенческой библіотекѣ.	Экземпляровъ зоологической коллекціи.	Экземпляровъ анатомической коллекціи.	Экземпляровъ физическаго кабинета.	Экземпляровъ химической лабораторіи.	Больныхъ въ клиникѣ было въ 1876 г.
85,089	121,991	— ?	13,640	— ³⁾	699	4,280	—
102,634	264,733	8,030	79,584	12,223	341	1,122	4,255
40,701	132,890	14,902	41,419	5,789	985	21,130	2,180
45,859	91,853	11,510	5,704	3,012	775	1,487	856
48,435	94,914	3,455	38,590	3,848	1297	13,646	1,095
—	—	—	—	—	—	—	—
24,162	76,524	7,971	4,393	— ³⁾	769	1,497	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	313,461	8,516	105,080	3,073	940	2,012	1,835
17,440	198,300	— ?	16,722	5,584	1247	1,338	1,272

шюрѣ, изданной министерствомъ для парижской выставки, но одно и то же, до послѣдней цифры.

просвѣщенія, а слѣдовательно всего имѣется до 35,000 начальныхъ училищъ. При этомъ не только остается неизвѣстнымъ, на сколько училища посѣщаются, сколько лицъ въ нихъ оканчиваетъ курсъ, сколько лицъ достигаетъ льготъ по военной повинности, сколько классовъ въ училищахъ, каковы затраты общества на училища, на сколько обезпечень быть учителей и какова подготовка послѣднихъ, — но въ брошюрѣ не приводится даже данныхъ о томъ, сколько *учителей* въ нашихъ начальныхъ школахъ. Если мы добавимъ къ сказанному, что по 1 января 1877 года у насъ существовало семь учительскихъ институтовъ, курсъ которыхъ обширнѣе курса учительскихъ семинарій, и что послѣднихъ у насъ было къ тому же времени 61 при 4,596 учащихся (въ томъ числѣ 727 дѣвиць); если мы скажемъ еще, что къ 1876 году учительскія семинаріи успѣли снабдить Россію 695 учителями и 136 учительницами, да что въ теченіе 1876 года только въ 22 мѣстностяхъ Россіи состоялись учительскіе съѣзды при участіи всего 700 учителей изъ десятковъ тысячъ, — то мы исчерпаемъ брошюру министерства вполнѣ что касается статистики начальнаго обученія. Подтверждая мнѣніе самого министерства о томъ, что у насъ чувствуется крайній недостатокъ въ учительскихъ семинаріяхъ, я приведу, по вычисленіямъ (1875 года) г. Викаерсама, министра просвѣщенія въ Пенсильваніи, число учительскихъ семинарій въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы: въ Швейцаріи — 27, въ Германской имперіи — 170, въ Швеціи — 9, въ Голландіи — 5, въ Австріи — 66, въ Италіи — 59, во Франціи — 92; значитъ, по

нашему примѣрному вычисленію, для того чтобы Россіи европейской поравняться со Швейцаріей, сообразно числу жителей въ обѣихъ, Россіи потребовалось бы 1525 учительскихъ семинарій, т. е., при имѣющемся количествѣ этихъ заведеній, *намъ не достаетъ* 1464 учительскихъ семинарій. Даже по сравненіи съ Франціею, гдѣ сдѣлано еще такъ мало для обученія массы, намъ пришлось бы *утроить* число учительскихъ семинарій и увеличить это число болѣе, чѣмъ вдвое, по сравненію съ Швеціей, представляющей одну изъ наиболѣе рѣдко населенныхъ странъ въ Европѣ.

Что касается собственно выставки министерства по *начальному* обученію, то, за отсутствіемъ въ Россіи лицъ, читающихъ по русски (это явленіе уже встрѣчается, впрочемъ, въ видѣ рѣдкихъ исключеній), иностранцы могли ознакомиться только съ уставомъ городскихъ училищъ, уставомъ учительскихъ институтовъ и недѣльнымъ числомъ часовъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ городскихъ и двухклассныхъ училищъ, такъ какъ эти данныя приведены на французскомъ языкѣ. Затѣмъ министерство, представившее въ переводѣ уставы гимназій и реальныхъ училищъ, не перевело ни нашего положенія о народныхъ училищахъ, ни инструкцій инспекторамъ, ни многихъ другихъ интересныхъ документовъ, представленныхъ въ Парижъ въ подлинникѣ и потому ставшихъ извѣстными Европѣ не по содержанию, но только по перечисленію ихъ въ каталогѣ министерства. Весьма интересны выставленные министерствомъ графическія таблицы о числѣ учебныхъ часовъ, по предметамъ, въ различныхъ учебныхъ заве-

деніяхъ; къ сожалѣнію, онѣ не напечатаны въ приложеніи къ каталогу министерства, что дало бы возможность изученія ихъ. Но и при бѣгломъ обзорѣ ихъ посѣтителемъ всемірной выставки, ему можетъ броситься въ глаза то, что нѣтъ *гармоніи* и *единства* въ цѣляхъ и способахъ обученія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ на примѣръ, младшій классъ реального училища, по возрасту учащихся, вполне соответствуетъ народному училищу, а по подготовкѣ различіе очень незначительно. Что же оказывается изъ сопоставленія графическихъ таблицъ министерства?... Въ младшемъ классѣ реального училища достаточно двухъ часовъ Закона Божія въ недѣлю, а въ двухклассномъ народномъ училищѣ назначается цѣлыхъ *шесть* часовъ въ недѣлю. Затѣмъ учебная программа реального училища признаетъ, повидимому, принципъ, что *въ началѣ* обученія необходимо болѣе недѣльныхъ часовъ по предмету, чѣмъ впоследствии, а потому родному языку реальное училище посвящаетъ въ трехъ младшихъ классахъ, — въ первомъ по 5 часовъ, а позже по 4 часа въ недѣлю; но графическія таблицы на выставкѣ свидѣтельствуютъ о прямо противоположной системѣ обученія родному языку въ двухклассныхъ начальныхъ училищахъ, гдѣ въ первые два года обученія положено только по восьми часовъ на родной языкъ, *не смотря на то, что тутъ нужно обучить грамотъ*, и только на третій годъ полагается десять часовъ въ недѣлю.

Напрасно стали бы мы искать на выставкѣ министерства отвѣта на вопросъ о способахъ начального

обученія, принятыхъ въ Россіи: единственными предметами, изъ могущихъ служить для *нагляднаго* преподаванія, оказываются на этой выставкѣ картины времени года—Семенова, а также анатомическія, зоологическія и ботаническія таблицы, изданныя Спб. Вольно-экономическимъ обществомъ. Правда, что министерство выслало въ Парижъ нѣсколько русскихъ учебниковъ, но они не только не объяснены иностранцамъ, но *даже не перечислены* въ каталогѣ, а просто приведены подъ однимъ номеромъ, подъ именемъ: «выборъ руководствъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для начальныхъ училищъ». Между тѣмъ Варшавскій институтъ глухонѣмыхъ, состоящій въ вѣдѣніи министерства, нашелъ возможнымъ напечатать на французскомъ языкѣ брошюру для выясненія своихъ педагогическихъ принциповъ и представилъ ее на парижскую выставку. Что касается различныхъ училищныхъ плановъ, фасадовъ и проектовъ, то министерство представило ихъ 14 изъ западныхъ губерній и польскихъ и 59 отъ остальныхъ; въ числѣ послѣднихъ, 6 чертежей относятся къ учительскимъ семинаріямъ и четырнадцать къ двадцати пяти тысячамъ народныхъ училищъ. Данныхъ объ успѣхахъ учениковъ народныхъ училищъ, какъ мы уже говорили, на парижской выставкѣ вовсе нѣтъ.

Вообще, отдавая полную справедливость министерству просвѣщенія въ томъ, что оно, впервые принявъ участіе въ международномъ педагогическомъ состязаніи, уже и на первый разъ сообщило не мало интересныхъ данныхъ, — мы не можемъ не высказать, что харак-

теръ педагогической выставки министерства можетъ поселить въ иностранцахъ мнѣніе, будто наше министерство просвѣщенія есть *только* администраторъ и обруситель, стражъ русскаго начала въ русской школѣ; тогда какъ, по европейскому воззрѣнію на это вѣдомство, вполне раздѣляемому нами и, безъ сомнѣнія, самимъ нашимъ министерствомъ, всякое министерство просвѣщенія есть и администраторъ, и объединитель народа путемъ обученія, но *по преимуществу*—Педагогъ и представитель науки; только съ этой послѣдней точки зрѣнія возможно признать полезными въ настоящее время нашихъ «инспекторовъ» народныхъ училищъ по одному на тысячи квадратныхъ верстъ. Между тѣмъ парижская всемірная выставка, обрисовавъ наше министерство администраторомъ, посредствомъ представленія разныхъ уставовъ, обрисовываетъ его сподвижникомъ распространенія русскаго начала включеніемъ книгъ, изданныхъ братствомъ св. Гурія въ Казани, представившимъ, кромѣ священныхъ книгъ на языкахъ черемисскомъ, бурятскомъ, татарскомъ, чувашскомъ и вотякскомъ, русскую грамматику и азбуку для татаръ, словарь корней русскаго и чувашскаго языковъ, календарь для чувашей, азбуку русскую для чувашей и вотяковъ и мн. др. Изъ научныхъ же представителей, безъ всякаго отношенія къ національнымъ стремленіямъ, наше министерство включило 17 изданій императорской публичной библіотеки и 14 изданій возникшаго въ 1877 г. «Общества любителей древней письменности»; въ числѣ послѣднихъ есть и весьма любопытный букварь съ сохраненіемъ подлин-

ныхъ исправленій рукою Петра Великаго, въ эпоху составленія нашей «гражданской азбуки», замѣнившей «кириллицу». Но какъ ни почтенны, какъ ни полезны всѣ перечисленные нами изданія, нельзя не признать, что въ виду того, что министерствомъ не представлено на выставку ни коллекціи книгъ собственно *педагогическихъ*, ни одной коллекціи по наглядному преподаванію какого либо изъ учебныхъ предметовъ, ни слова не произнесено въ печатной брошюрѣ о методахъ обученія, не представлено ни одной ученической работы по русскому языку ни изъ одного русскаго учебнаго заведенія, а учебники русскіе представлены въ подлинникъ безъ всякихъ разъясненій, ни слова не говорится объ ученой дѣятельности нашихъ профессоровъ и учителей,—нельзя не признать, что, въ виду вышеизложеннаго, иностранцы могутъ представить себѣ, будто министерство просвѣщенія не признаетъ за собою чисто педагогической и научной задачи, но преимущественно лишь задачу административную, такъ какъ установленіемъ учебныхъ программъ, разъясняемыхъ министерствомъ въ брошюрѣ, далеко еще не исчерпываются факты, которыми легко было бы выяснить *педагогическую* и *научную* дѣятельность министерства просвѣщенія.

Заканчивая главу о русскомъ педагогическомъ отдѣлѣ на парижской всемірной выставкѣ, мы съ особенной признательностью и живымъ сочувствіемъ должны остановить вниманіе тружениковъ на поприщѣ народнаго образованія, а также лицъ и учрежденій, имъ содѣйствующихъ, на томъ фактѣ, что въ брошюрѣ,

раздающейся посѣтителямъ выставки въ Парижѣ, наше министерство просвѣщенія категорически заявило, что встрѣчаетъ *самое энергическое содѣйствіе* со стороны земства и городскихъ обществъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ той же брошюрѣ весь образованный міръ прочелъ и о томъ, что министерство, «глубоко убѣжденное въ неотложной необходимости элементарнаго обученія, въ настоящее время занято разработкою законо-проекта о введеніи обязательнаго обученія, если не во всей имперіи, то, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя уже представляютъ условія, благопріятныя для того, чтобы было возможно рассчитывать на практическую примѣнимость къ нимъ такой важной мѣры». Остается только пожелать, чтобы и въ этомъ вопросѣ министерство встрѣтило ревностныхъ и опытныхъ союзниковъ въ лицѣ земства многихъ уѣздовъ, въ лицѣ многихъ сельскихъ и городскихъ обществъ.

«Откройте въ Россіи столько школъ, какъ ихъ есть въ Америкѣ», сказалъ Лавелэ (*Revue des deux mondes* 1874 г.), «и это государство превзойдетъ могуществомъ всѣ остальные въ мірѣ». Такъ судятъ о насъ иностранцы, а мы, какъ *русскіе*, пожелаемъ себѣ, прежде всего, не боеваго могущества, но силъ умственныхъ и нравственныхъ, которыя влекутъ за собою, неизбѣжнымъ результатомъ, могущество внѣшнее. Изъ Женевы, тепло пожелаемъ дорогой родинѣ скорѣйшаго осуществленія девиза Женевскаго кантона: «*Post tenebras lux! Nous maintiendrons*». («Послѣ тьмы свѣтъ!» *Мы стоимъ, поддержимъ*).

III.

Педагогическій отдѣлъ Франціи.

Независимо отъ вполне естественнаго стремленія, будучи на *Парижской* выставкѣ, заинтересоваться, послѣ знакомства съ собственнымъ отечествомъ, самою Франціею, гостепріимству которой обязано международное состязаніе своимъ осуществленіемъ, есть много основанийъ вполне логическихъ, для того чтобы мы отъ *русскаго* педагогическаго отдѣла перешли къ французскому. Не говоря уже о несомнѣнной симпатіи нашей къ французамъ, мы должны вспомнить о сходствѣ положенія Франціи и Россіи: настоящая выставка организована въ Парижѣ для того, чтобы доказать міру, что бѣдственная франко-прусская война 1870 года и огромная контрибуція не уничтожили Франціи, и что новое республиканское начало уже успѣло дать свои плоды въ смыслѣ преуспѣянія страны за послѣднія восемь лѣтъ. Бѣдственная война была для Франціи эпохою въ дѣлѣ народнаго образованія; мы увидимъ ниже, что въ этомъ отношеніи Франція нашихъ дней *неузнаваема* сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда французы собирались шапками закидать нѣмцевъ, а должны были убѣдиться въ томъ, что непріятель знаетъ географію Франціи лучше ихъ самихъ и что у нихъ нѣтъ ни военачальниковъ, ни вооруженія, что нерѣдко не доставало у нихъ и той *гражданской* доблести, безъ которой невозможны *военные* успѣхи. Настоящій годъ для Россіи далеко не то, чѣмъ былъ

1871 годъ для Франціи; Россія, напротивъ, вышла побѣдительницею изъ восточной войны; но, тѣмъ не менѣе, едва ли большинство русскаго общества чувствуетъ себя удовлетвореннымъ, и едва ли не заговорила въ немъ потребность оглянуться на самого себя, поработать надъ собою, поработать надъ русскою школою; дай Богъ намъ успѣха,—и пусть школьные результаты Франціи, прозрѣвшей вслѣдствіе войны, послужатъ для насъ поощреніемъ. Тогда, быть можетъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ и наша педагогическая выставка докажетъ, что новыя начала, внесенныя въ нашу жизнь преобразовательными годами настоящаго царствованія, дали свой плодъ, и Россія погордится своею преобразовательною эпохой, какъ Франція успѣшила показать міру лицомъ свои новыя учрежденія.

Но кромѣ этихъ размышленій, невольно наводящихъ русскій умъ и русское сердце на мысль о сходствѣ положенія Франціи и Россіи, эти двѣ страны сближаются, что касается народнаго образованія, и статистикою первоначальнаго обученія: изъ первоклассныхъ государствъ Европы только въ Россіи дѣло обученія массы, т. е. народнаго образованія, въ настоящемъ смыслѣ слова, стоитъ ниже, чѣмъ во Франціи, а въ собственной Англіи и нѣмецкой части Австріи, не говоря уже о Германской имперіи, народныхъ школъ и учащихся въ нихъ, пропорціонально населенію гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Такой фактъ можетъ порадовать того, кто издавна привыкъ считать Францію высоко просвѣщенною странюю, кто знаетъ, на примѣръ, что въ одномъ Парижѣ 950 книжныхъ лавокъ и 500 ти-

пографій, что въ 1876 году напечатано во Франціи 13,500 томовъ и вывезено изъ Франціи книгъ болѣе, чѣмъ на $3\frac{1}{2}$ милліона рублей; между тѣмъ возможность такого явленія, чтобы Франція въ одно и то-же время считалась и просвѣщенною страной, и весьма мало еще сдѣлавшею для обученія большинства населенія, очень просто объясняется тѣмъ, что во Франціи, точно также какъ въ Россіи, только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на *народныя* школы, а до того во Франціи, какъ и у насъ, всѣ заботы государства сосредоточивались на среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вскорѣ за бѣдственной войной, пробудившей Францію, въ 1872 году произведена во Франціи новая перепись, причемъ въ точности и тщательно выяснено число грамотныхъ и число неграмотныхъ въ странѣ: оказалось, что въ самомъ департаментѣ Сены, состоящемъ почти изъ одного Парижа, на который до тѣхъ поръ и обращалось преимущественное вниманіе, болѣе 11% населенія не умѣютъ ни читать, ни писать; что число неграмотныхъ въ наиболѣе отсталыхъ, югозападныхъ департаментахъ составляетъ 60% населенія, и что цѣлая *треть* французовъ не обучены ни чтенію, ни письму! Ни личными, ни письменными сношеніями не удалось мнѣ добыть новѣйшей цифры числа учащихся во Франціи: въ павильонѣ города Парижа выставлена таблица о числѣ *мѣстъ* въ школахъ, но число учащихся *не* показано, а оффиціальный каталогъ выставки 1878 года, предлагая свѣдѣнія о гимназіяхъ за 1876 годъ, пробавляется свѣдѣніями по народнымъ учили-

щамъ за 1872 годъ, указывая на то, что въ 1863 году было во Франціи всего 4,336,468 учащихъ, а въ 1872 году, не смотря на потерю 180,000 учащихъ съ Эльзасомъ и Лотарингіею, отошедшими къ Германіи, число учащихъ дошло до 4,717,654 душъ обоюго пола; судя по отсутствію статистическихъ данныхъ, надобно полагать, что съ тѣхъ поръ число учащихъ возрасло незначительно; но какъ ни отстала Франція отъ другихъ культурныхъ народовъ Европы, а еслибы поравняться Россіи хоть съ нею, пришлось бы *увеличить* число нашихъ элементарныхъ школъ *вшестеро*, что легко вычислить по даннымъ, сообщеннымъ мною во второй статьѣ, принявъ въ расчетъ населеніе Франціи въ 37 милліоновъ.

И для Франціи, какъ для Россіи *), стоитъ теперь на очереди вопросъ объ обязательномъ обученіи; мы не знаемъ, довольствуется ли наше министерство просвѣщенія, при разработкѣ этого вопроса, сношеніями со своими инспекторами, или оно сносится, что было бы гораздо производительнѣе въ данномъ случаѣ, и съ земствами нашихъ уѣздовъ и губерній; но во Франціи частное общество, такъ называемая «лига обученія», организовавшая болѣе 400 педагогическихъ обществъ во Франціи съ 35,000 членовъ, предложила вопросъ объ обязательности обученія всѣмъ муниципальнымъ совѣтамъ Франціи; уже весьма многіе дали отвѣтъ «лигѣ обученія», а самый вопросъ о введеніи обязательности обученія во Франціи встрѣчаетъ сочув-

*) См. статью II.

ствіе въ населеніи, если судить по тому, что петиція къ правительству объ обязательности обученія, состоявшаяся по инициативѣ «лиги обученія», была покрыта цѣлымъ милліономъ подписей. Съ этими любопытными данными я ознакомился на парижской всемірной выставкѣ изъ распространившагося тамъ отчета парижскаго отдѣла «лиги обученія». Для того, чтобы отдохнуть отъ статистическихъ вычисленій, какъ они ни интересны, войдемъ теперь въ павильонъ города Парижа, въ которомъ сосредоточена и выставка парижскихъ начальныхъ школъ, почему-то выдѣленная изъ общей педагогической выставки Франціи: хотя провинціальная жизнь во Франціи и очень оживилась въ послѣднее время, но Парижъ, повидимому, все еще считается въ провинціи высшимъ начальствомъ, и всѣ безропотно подчиняются тому, чтобы и школы Парижа были выставлены особо; такъ ему, молъ, и подобаетъ.

Вступивъ въ такъ называемый «павильонъ города Парижа», занимающій около 500 квадратныхъ сажень, окруженный извнѣ роскошными растеніями изъ парижскихъ оранжерей и внутри поражающій изяществомъ работъ по исторіи Парижа (въ числѣ прочихъ, планы Парижа 1609, 1739 и 1830 годовъ), картинъ, обоевъ, скульптурныхъ произведеній и гравюръ различныхъ эпохъ, плановъ и моделей огромнаго размѣра сооруженій по вѣдомству путей сообщенія, тюремъ, различныхъ общественныхъ зданій и церквей Парижа,—посѣтитель тамъ же встрѣтится съ особымъ отдѣломъ выставки начальныхъ школъ Парижа. Но въ этомъ отдѣлѣ мы тщетно иска-

ли собственно педагогической стороны дѣла, съ которою мы могли бы ознакомиться здѣсь развѣ только по уставамъ училищъ и ученическимъ письменнымъ работамъ, о значеніи которыхъ на выставкахъ мы уже имѣли случай высказаться. По такимъ вопросамъ: какъ и въ какой мѣрѣ наглядно преподаются географія, арифметика, геометрія, господствуетъ ли звуковой методъ при обученіи чтенію и аналитически-индуктивный при обученіи грамматикѣ, или, наконецъ, какими коллекціями пользуются въ школахъ при объяснительномъ чтеніи и предметныхъ урокахъ?—по всѣмъ этимъ вопросамъ выставка города Парижа не даетъ отвѣта, состоя по преимуществу изъ мастерски-произведенныхъ ремесленныхъ работъ ремесленныхъ классовъ и высшихъ народныхъ училищъ и разнообразнѣйшихъ и весьма совершенныхъ рисунковъ изъ школъ рисованія, и изъ первоначальныхъ и высшихъ народныхъ школъ Парижа. Съ большимъ интересомъ остановится посѣтитель на выставленныхъ Парижемъ четырехъ моделяхъ, обрисовывающихъ училищное дѣло. Вотъ предъ нами, на примѣръ, модель (въ шесть аршинъ длины и два ширины) обширной залы съ нѣсколькими параллельными рядами горизонтальныхъ столовъ, освѣщенныхъ газомъ сверху и снабженныхъ вертикальными рамами для моделей рисованія; это—модель школы рисованія города Парижа. Мы могли бы остановиться и предъ моделью пріюта для дѣтей, возрастомъ отъ 2-хъ до 6 лѣтъ, пріюта, какихъ къ Парижѣ 109 съ приблизительно двадцатью тысячами учащихся, возрастомъ по преимуществу отъ 4 до 6 лѣтъ; но такъ какъ подоб-

ные пріюты, или дѣтскіе сады, обучая чтенію, письму, счету и наглядному обученію, въ сущности должны быть относимы къ народнымъ училищамъ или къ приготовительнымъ классамъ народныхъ училищъ, отъ которыхъ они и отличаются только тѣмъ, что въ нихъ преподають учительницы, то перейдемъ непосредственно къ весьма крупной и отчетливо исполненной модели городского народнаго училища Парижа. Предъ нами модель зданія съ огромной залой въ нижнемъ этажѣ, снабженной скамьями безъ столовъ и спинокъ; эта зала можетъ служить для бесѣдъ законоучителя, для гимнастики и игръ учащихся; во второмъ этажѣ мы видимъ восемь обширныхъ классныхъ комнатъ, освѣщенныхъ съ лѣвой стороны, и съ выходомъ, каждая направо, въ просторный и свѣтлый корридоръ, но снабженныхъ крайне негигіеничными скамьями, спинки которыхъ подпирають не поясницу, какъ бы слѣдовало, а плечи. Но какъ были бы счастливы дѣти парижскихъ жителей, еслибы *всѣ* школы Парижа походили на эту модель; есть, однако, еще ужасающія, по тѣсотѣ, зловонію и мрачности, училищныя помѣщенія въ Парижѣ, несмотря на то, что за послѣднія пять лѣтъ такъ много сдѣлано для улучшенія ихъ; не далѣе, какъ въ 1874 году знаменитый лѣтописецъ Парижа, Maxime du Camp (томъ V «Paris»), видѣлъ 985 дѣтей хорошо веденаго народнаго училища не только скученными на учебные часы, но располагавшими лишь ничтожнѣйшимъ дворикомъ, на которомъ стало бы мѣста душъ на двадцать, въ минуты отдыха между уроками; онъ видѣлъ тогда же и такую женскую школу, дѣти

которой переходили на чердакъ, преобразованный въ рекреационную залу, для того чтобы промять ноги послѣ урока. Вотъ что унаслѣдовала французская республика въ самомъ Парижѣ, что касается училищныхъ помѣщеній, а въ провинціи, по словамъ того же автора, сплошь и рядомъ училищныя зданія на столько ветхи, грязны и мрачны, что французскій крестьянинъ не пожелалъ бы воспользоваться ими для помѣщенія своего скота. Какая родная картина для того изъ насъ, кто знаетъ русскую народную школу лѣтъ десять тому назадъ, и какъ отрадно сознавать, что въ настоящее время, уже въ очень многихъ мѣстностяхъ, такое пятно смыто съ насъ земствомъ и городскими обществами! Но вотъ и еще модель, больше и изящнѣе всѣхъ остальныхъ, предъ которою толпятся дамы, любясь миниатюрными половыми щетками, губками, корзинами, ведрами, стѣнными часами, лопатами, топорами, полотенцами, пучками веревокъ, глобусами и картами, по величинѣ, какъ бы рассчитанными не для людей, а для небольшихъ куколъ. Что же это такое? Это—складъ города Парижа, снабжающій городскія училища всѣми принадлежностями безъ изъятія; въ этомъ огромномъ зданіи—помѣщеніе для учебниковъ и распятій, которыми снабжается всякая классная комната; тутъ въ трехъ этажахъ и комнаты съ перечисленною выше утварью, и складъ школьныхъ скамей, каедръ и классныхъ досокъ; тутъ же и комната для упаковки тюковъ, и контора, и мастерская для починокъ и производства новыхъ предметовъ. Выгода отъ подобнаго склада, очевидно, состоитъ въ томъ, что книги,

аспидныя доски, карандаши, перья и всѣ прочіе предметы обходятся несравненно дешевле при покупкѣ ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какое требуется для училищъ Парижа. Но сколько же этихъ послѣднихъ и сколько въ нихъ учащихся?

За неимѣніемъ болѣе новыхъ данныхъ на выставкѣ, мы укажемъ, для отвѣта на этотъ вопросъ, на весьма замѣчательный, по полнотѣ, обстоятельности и знанію дѣла, трудъ директора парижскихъ народныхъ училищъ г. Греара, крайне любезно сообщенный намъ, при другихъ документахъ. По этой книгѣ, въ 300 страницъ мелкой печати съ 63 статистическими таблицами, касающимися различныхъ предметовъ *), мы вычислимъ, что въ Парижѣ, — занимающемъ болѣе 7000 десятинь пространства и подраздѣленномъ на 25 округовъ, изъ которыхъ въ 9-ти населеніе съ 1866 г. по 1872 г. уменьшилось, а въ 16-ти возрасло, — при населеніи въ 1.818,710 жителей, было по 1 января 1875 года 273 собственно городскихъ народныхъ училищъ, причемъ въ наиболѣе многолюдныхъ кварталахъ приходится около 700 жителей на десятину, а училище отстоятъ въ большинствѣ случаевъ не далѣе полуверсты отъ крайнихъ точекъ своего округа и никакъ не болѣе версты. Но въ томъ же Парижѣ, кромѣ 273 училищъ, собственно городомъ содержимыхъ, почти вчетверо болѣе училищъ (1056), состоящихъ

*) L'instruction primaire à Paris et dans le département de la Seine. Mémoire, adressé à Mr le Prefet de la Seine par M. Gréard, membre de l'Institut etc. Paris 1877.

въ вѣдѣніи католическаго монашества; изъ нихъ женскихъ училищъ въ рукахъ монастырей 779. На этомъ мы могли бы и остановиться, но такъ какъ и въ пріютахъ обучаютъ грамотѣ, то мы укажемъ, что въ Парижѣ 109 городскихъ и 31 частныхъ пріютовъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ г. Греаромъ станемъ вычислять число учащихся, исключая возрастъ отъ 2 до 4 лѣтъ, какъ неподлежащій обученію. Припомнимъ однако теперь же, что всего училищъ и пріютовъ, общественныхъ и частныхъ, въ Парижѣ—1469 (по этому расчету ихъ должно бы быть въ Петербургѣ свыше шести сотъ); затѣмъ, скажемъ, что въ общественныхъ училищахъ 90,865 учащихся обоого пола и въ училищахъ монашества 42,190; затѣмъ нашъ авторъ считаетъ 11,147 учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа, гадательно устанавливаетъ число дѣтей, состоящихъ въ обученіи у мастеровыхъ и въ собственной семьѣ, и приходитъ къ заключенію, что 1 января 1875 года, на 186,693 дѣтей Парижа, въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, еще 18,316 дѣтей обоого пола ничему и нигдѣ не обучались. Намъ бы завело слишкомъ далеко, еслибы мы стали провѣрять теперь же эти неточные расчеты почтеннаго г. Греара; мы тѣмъ охотнѣе не тронемъ его вывода, что онъ почти сходится съ выводомъ переписи 1872 года, приведеннымъ выше; для разумнаго сличенія обоихъ выводовъ впрочемъ нужно знать, что къ возрасту отъ 6 до 14 лѣтъ относятъ обыкновенно одну десятую часть населенія, что и подтверждается только что приведеннымъ нами выше числомъ дѣтей въ Па-

рижѣ въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ (186,693 дѣтей на 1.818,710 жителей).

Если стоитъ остановиться на выводѣ парижской дирекціи училищъ (число дѣтей, вовсе не получающихъ образованія)—то для того во-первыхъ чтобы дать ему оцѣнку по сравненію съ выводами хоть нѣкоторыхъ другихъ столицъ въ Европѣ, а также и для того, чтобы вдуматься, въ собственномъ интересѣ въ то, какъ относятся къ этому выводу сами французы. Такъ, въ Берлинѣ, напримѣръ, (вычисляемъ по даннымъ, представленнымъ въ Pieger's Universallaf. 1878 года) въ 1874 году было, при населеніи въ 920,000 жителей, 51,406 учащихся въ общественныхъ, примѣрно 33,000 въ частныхъ начальныхъ училищахъ и около 7,000 въ элементарныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а всего 92,000 учащихся на 920,000 жителей, т. е., сообразно выясненной выше статистической возрастной нормѣ, всѣ дѣти безъ *изъятія* получаютъ въ Берлинѣ образованіе, а въ Парижѣ считаются еще десятками тысячъ не получающія никакого. Не только въ Берлинѣ, но даже въ Лондонѣ, до 1870 года (до введенія обязательности обученія) такъ сильно отстававшемъ отъ континента, дѣло стоитъ въ настоящее время, при всей неточности новѣйшихъ лондонскихъ вычисленій, несравненно выше Парижа; въ Лондонѣ, занимающемъ огромное пространство свыше 28,000 (sic!) десятинъ, по таблицѣ, выставленной въ англійскомъ отдѣлѣ парижской выставки, населеніе доходитъ до 3.577,000 жителей и среднимъ счетомъ на лицо въ училищахъ, по тому же официальному документу,—342,837 уча-

щихся. Огромное значеніе въ ущербъ Парижу получаетъ то, что Лондонъ, превосходящій Парижъ почти вдвое по населенію и вчетверо по пространству, представляетъ меньшее число лицъ, остающихся безъ образованія. Но вмѣсто того, чтобы въ *подобныхъ* сравненіяхъ черпать силу и энергію для дальнѣйшей дѣятельности, парижская дирекція училищъ считаетъ нужнымъ указать на то, что «все обстоитъ благополучно», и предается самоуслажденію на столько, что, не зная Женевы, которая однако чуть не у воротъ Парижа, позволяетъ себѣ упускать изъ виду число учениковъ въ *частныхъ* училищахъ Женевы, сравнивать Парижъ съ Женевой и прійти къ невѣжественному выводу, будто въ Женевѣ,—гдѣ почти вовсе нѣтъ неграмотныхъ по послѣднимъ, самымъ точнымъ документамъ —неграмотныхъ больше, чѣмъ въ Парижѣ, пропорціонально населенію; между тѣмъ какъ статистика гласитъ, что, пропорціонально, въ Женевѣ ихъ вдесятеро *меньше*, чѣмъ въ Парижѣ.—Самоуслажденіе дирекціи, ложный патріотизмъ ея, національное тщеславіе этихъ, впрочемъ, добросовѣстнѣйшихъ тружениковъ доходитъ до того, что они сами не замѣчаютъ, какое оружіе они даютъ въ разсматриваемой нами книгѣ противъ себя же самихъ: въ Парижѣ существуютъ крайне благотѣльные вечерніе классы для взрослыхъ и, по показанію дирекціи, въ отчетный годъ воспользовались ими 3849 лицъ; но изъ числа ихъ 717, т. е. почти 20°/о, или пятая часть, вовсе не умѣли ни читать, ни писать; а 17 умѣли *только* читать и писать, *не умѣя считать*; если прибавить этихъ полуграмотныхъ къ совершенно

неграмотнымъ, то, на общее число 3849 взрослыхъ учащихся городскихъ вечернихъ классовъ 1,588 лицъ оказались или вовсе неграмотными, или малограмотными. До тѣхъ поръ, пока почти половина учениковъ вечернихъ классовъ для взрослыхъ находится въ такомъ жалкомъ положеніи, то нѣтъ мѣста для самоуслажденія, и притязаніе дирекціи училищъ Парижа, — завѣдующей училищами чуть не двухмилліоннаго населенія Парижа, едва только очнувшись вслѣдствіе бѣдственной войны, — превзойти въ первоначальномъ обученіи городокъ въ 45,000 жителей, какова Женева, который уже триста лѣтъ тому назадъ на столько принялся за народное образованіе, что въ 1873 году, когда вводилось обязательное обученіе, почти не оказалось дѣтей въ Женевѣ, не посѣщающихъ школу, — такое притязаніе дирекціи, къ сожалѣнію, доказываетъ, что многіе французы еще не вполне излѣчились отъ національной болѣзни Франціи, которую *Maxime du Camp* въ 1874 году опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «Франція одержима тремя серьезными недугами, которые могли бы вскорѣ стать смертельными, еслибы не противодѣйствовать имъ энергично и рационально. Эти три недуга состоятъ въ *невѣжествѣ, отсутствіи дисциплины и самонадѣянности*» (*Paris*, 1874 г. t. V, p. 80). Быть можетъ, кто нибудь изъ нашихъ читателей согласится съ тѣмъ, что тутъ оказывается однимъ сходствомъ больше между Франціей и Россіей, такъ какъ нѣкоторыя группы нашего общества страдаютъ всѣми вышеуказанными недостатками въ совокупности, а другія — тѣмъ или другимъ изъ на-

званныхъ недуговъ; во всякомъ случаѣ многіе согласятся съ тѣмъ, что болѣзнь Франціи и ея послѣдствія могутъ служить полезнымъ предостереженіемъ для Россіи. Но, по счастью, эта нація, столько выстрадавшая и такъ много выстрадавшая для всего человѣчества своими собственными страданіями, подавала намъ послѣ франко-прусской войны не одни предостерегающіе примѣры, но весьма много достойныхъ самаго ревностнаго подражанія. Къ изслѣдованію этого послѣдняго вопроса мы теперь и обратимся, причемъ отъ времени до времени мы будемъ встрѣчаться съ крайне утѣшительными симптомами пробужденія Франціи, то на самой выставкѣ, то въ сообщенныхъ намъ документахъ.

Тяжелыя испытанія войны навели Францію на мрачныя размышленія, которыя мы лучше всего передадимъ словами того же *Maxime du Camp*. Указавъ на «*невѣжество, отсутствіе дисциплины и самонадѣянность*», какъ на основныя недуги Франціи, почтенный патріотъ продолжаетъ: «Послѣдніе порождаются первымъ. А средство противъ нихъ — образованіе; оно умерщвляетъ невѣжество, оно дисциплинируетъ душу и дѣлаетъ человѣка скромнымъ, такъ какъ учитъ сравнивать себя съ другими, а не любоваться собою, въ чемъ, къ несчастію, мы всегда такъ отличались; глупо но наивно считая себя первымъ народомъ въ свѣтѣ, мы прозябали въ неописанномъ безучастіи ко всему, касающемуся географіи и изученію иностранныхъ языковъ, т. е. къ тому, что способствуетъ къ изученію другихъ народовъ и дозволяетъ при случаѣ воспользоваться ихъ открытіями». — Выставка этого года даетъ,

по счастію, факты, доказывающіе, что рѣчи, подобныя вышеприведенной, не прошли безслѣдно, и что Франція за послѣднія восемь лѣтъ отказалась отъ исключительнаго изученія классической древности и самой Франціи, и протерла себѣ глаза для того, чтобы видѣть вокругъ себя. Такъ, во французскомъ педагогическомъ отдѣлѣ выставки, посѣтитель любитъ библіотекою изъ 6940 *сочиненій*, состоящею исключительно изъ книгъ, написанныхъ учителями и профессорами Франціи, за послѣднія десять лѣтъ, начиная съ самаго краткаго руководства для пріютовъ до многотомныхъ ученыхъ университетскихъ изслѣдованій; эта библіотека, для пользованія которою напечатанъ каталогъ, составила по вызову и на счетъ французскаго министерства просвѣщенія, къ сожалѣнію, приступившаго къ осуществленію этой, въ высшей степени почтенной и плодотворной мысли, только за 8 мѣсяцевъ до открытія выставки, а потому и не успѣвшаго настоять на возможно исправномъ участіи всѣхъ авторовъ и издателей, отъ которыхъ ожидалась лепта. Хотя, по мнѣнію министерства, ему удалось сосредоточить только четвертую часть книгъ, которыя оно надѣялось собрать, но и эта коллекція представляетъ не одно драгоцѣнное указаніе на умственное движеніе во Франціи послѣ франко-прусской войны, не говоря уже о томъ, насколько представленныя членами французской учительской корпораціи книги по философіи, правовѣдѣнію, педагогіи, естествознанію, математикѣ, филологическимъ и политическимъ наукамъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что учителя и профессора Франціи не пре-

вратились въ ремесленниковъ, по однажды выдѣланному шаблону, рутинно выкраивающихъ свои уроки и свои лекціи.—По каталогу этой библіотеки я вычислилъ, что за 10 лѣтъ написано, въ числѣ представленныхъ книгъ, всего 10 учебниковъ по латинскому языку, а 18 по нѣмецкому и 23 по англійскому, 29 по общей географіи, только 4 по древней исторіи и 15 по исторіи XIX вѣка. Министерство просвѣщенія, не приводя этихъ фактовъ, но обсуждая характеръ сочиненій, собранныхъ въ библіотеку указываетъ также на то, что учительская корпорація не осталась чужда общему движенію въ пользу иностранныхъ языковъ, географіи и вообще изученія современности. Такія же указанія мы встрѣтимъ, если, путешествуя по парижской выставкѣ, остановимся хотя бы на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ издателей Франціи; изберемъ книгопродавцевъ Delagrave и Hachette, какъ стоящихъ ближе всѣхъ къ обученію вообще, а въ особенности къ начальному обученію, наиболее существенному и всю Европу наиболее занимающему. — Книгопродавецъ Деллагравъ, который въ педагогическомъ отдѣлѣ парижской выставки привлекаетъ коллекціей 48 стѣнныхъ зоологическихъ картинъ, примѣрно аршинъ длиною каждая, и огромнаго размѣра геологическими, рельефными картами Европы и Франціи — оказалъ большія услуги своему отечеству, въ особенности по изданію пособій, книгъ и картъ по географіи, и откликнулся болѣе другихъ на сказавшееся послѣ франко-прусской войны во Франціи стремленіе къ изученію географіи. Съ этой цѣлью, по иниціативѣ этого книгопродавца,

возникъ «Парижскій географическій институтъ» изъ специалистовъ по географіи для изданія генеральныхъ и специальныхъ картъ, глобусовъ и атласовъ, космографическихъ картинъ, рельефныхъ плановъ и картъ и т. п., на успѣхѣ дѣятельности этого учрежденія отразилось за послѣднее время то обстоятельство, что французы прозрѣли насчетъ губившаго ихъ невѣжества по географіи. Другой изъ названныхъ нами книгопродавцевъ, Гашетъ, пользуется гораздо бѣльшей извѣстностью у насъ въ Россіи, вполне впрочемъ ея заслуживая, какъ издатель—книгопродавецъ, преобразовывающій французскую педагогію изданіемъ пособія для нагляднаго преподаванія различныхъ отраслей знанія. Книжное дѣло у насъ, къ несчастію, на столько невыгодно, берутся за него такіе невѣжественные спекулянты, книжныя предпріятія у насъ такъ недолговѣчны и такъ часто оканчиваются трагически, что на такомъ типѣ, какова фирма Гашета въ Парижѣ, стоитъ остановиться, для того чтобъ пожелать Россіи такихъ же книгопродавцевъ. Основатель фирмы, въ 1822 году, готовясь къ педагогической дѣятельности, оканчивалъ курсъ въ нормальной школѣ Парижа, которая была однако незапно закрыта, что и побудило его открыть книжную торговлю, для которой онъ, вѣрный своему призванію, избралъ девизомъ «*Sic quoque docebo*» («и этимъ научу»); съ тѣхъ поръ учредитель дѣла сорокъ два года неустанно работалъ, посвятивъ первыя двадцать лѣтъ исключительно изданію учебниковъ, создавъ нѣсколько педагогическихъ журналовъ, и затѣмъ затратилъ огромныя деньги на популяризацию науки и усо-

вершенствованіе способовъ преподаванія изданіемъ наглядныхъ пособій, на изданіе энциклопедическихъ словарей, цѣлыхъ серій научно-популярныхъ сочиненій, на изданіе журнала путешествій и роскошныхъ по размерамъ и исполненію, крайне дешевыхъ картинъ для школъ; въ настоящее время дѣло ведется сыновьями и зятемъ Гашета. Мы не имѣемъ никакой возможности остановиться здѣсь хотя бы только на главнѣйшихъ изданіяхъ этой почтенной книжной торговли, уже 56 лѣтъ внимательно отзывающейся на потребности общества; мы не можемъ говорить ни о замѣчательномъ критическомъ изданіи лучшихъ писателей Франціи, ни объ изданіи знаменитаго словаря французскаго языка Литтре, въ 1873 г., ни о географіи Реклю, ни о такъ называемой «желѣзно-дорожной библіотекѣ» Гашета, предлагающей публикѣ ежедневно, на главнѣйшихъ желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, до трехъ сотъ тысячъ томовъ. Но мы, желая прослѣдить, на сколько въ дѣятельности Гашета, отразилось указанное нами стремленіе французовъ къ изученію сосѣднихъ странъ и языковъ, остановимъ вниманіе читателей на томъ, что именно за послѣднія десять лѣтъ Гашетомъ издана богатая коллекція дорожныхъ путеводителей и около ста томовъ по обученію географіи, восемнадцать книгъ по изученію нѣмецкаго языка и 22 книги для языковъ англійскаго, итальянскаго и испанскаго.—Читатель составитъ себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какіе книгопродавцы-издатели возможны въ западной Европѣ, если мы скажемъ, что книжный магазинъ Гашета продаетъ ежегодно на четыре милліона рублей, отправляя

около двухъ сотъ тысячъ туюковъ во все концы міра, пользуясь въ своемъ дѣлѣ услугами 3500 рабочихъ по показанію брошюры, изданной Гашетомъ къ парижской выставкѣ и мнѣ любезно сообщенной; съ 1869 года по 1873 годъ состоялось у Гашета роскошнѣйшее изданіе Св. Евангелія, на которое издатель затратилъ капиталъ болѣе 250 тысячъ рублей.

Немало фактовъ собрано нами на парижской всемирной выставкѣ въ доказательство того, что изученіемъ географіи Франціи и иностранныхъ государствъ и стремленіемъ овладѣть иностранными языками не ограничилось умственное движеніе во Франціи послѣ бѣдственной войны; эта война, какъ мы уже сказали, повела къ пробужденію Франціи, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, и это нравственное возрожденіе сказалось прежде всего въ соучастіи и содѣйствіи просвѣщенію массы. Доказательства тому мы находимъ въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1) *Оживленіе частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія.* Не для того ставлю я во главѣ всехъ признаковъ пробужденія Франціи, послѣ 1870 года, оживленіе въ ней частной инициативы, чтобы возобновить давно рѣшенный въ Европѣ вопросъ о томъ, что предпочесть въ дѣлѣ народнаго образованія, — дѣятельность ли правительственную, или частную? Даже въ такихъ классическихъ странахъ самодѣятельности лицъ и обществъ, каковы Англія и Америка, пришли къ убѣжденію въ томъ, что дѣло образованія вообще, а первоначальнаго въ особенности, не можетъ и не должно быть предоставлено исключительно случайностямъ без-

системныхъ, разрозненныхъ, не постоянныхъ и перемежающихся усилій частныхъ лицъ; но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ поставить, что даже въ Пруссіи, этой классической странѣ чиновничества и правительственной централизаціи, сознано, что самоуправленіе и просторъ для частной инициативы въ дѣлѣ народной школы—должны быть относимы къ лучшимъ союзникамъ государственной власти, одну изъ существеннѣйшихъ заботъ которой несомнѣнно составляетъ прежде всего народный учитель и его питомцы. Но степень самодѣятельности частныхъ лицъ на поприщѣ образованія имѣетъ еще и иное значеніе: она составляетъ лучшій масштабъ, по которому возможно судить и объ умственномъ пробужденіи общества и объ участіи къ просвѣщенію массы. Такъ, напримѣръ, дѣятельность русскаго земства на пользу народнаго образованія, создавшая, какъ всѣмъ извѣстно, *первыя* народныя школы, *первыя* учительскія семинаріи, *первыя* учительскія съѣзды, *первыя* теоретическія и практическія руководства и проч., несомнѣнно послужить однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ фактовъ для будущаго историка умственнаго движенія нашего общества въ эпоху освобожденія крестьянъ, получившихъ отъ государства и свободу, и землю, но не получившихъ школы. Франція, до 1870 года такъ много погрѣшавшая, что касается исключительно довѣрія къ правительственнымъ мѣропріятіямъ и недоовѣрія, даже пренебрежительнаго отношенія ко всякимъ учрежденіямъ, чуждымъ чиновничества, — настолько прозрѣла въ послѣднее время, что не только возникла въ ней масса частныхъ обществъ на пользу первона-

чального и средняго образованія, но съ 1875 года разрѣшены и осуществились во Франціи даже частные университеты; въ прошломъ году возникло въ Парижѣ такъ называемое «высшее училище политическихъ наукъ», которое, по заявленію оффиціальной объяснительной записки при каталогѣ парижской всемірной выставки, не имѣетъ себѣ предшественниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, организованныхъ государствомъ; «свободныя, частныя, свѣтскія учебныя заведенія», говоритъ французское правительство, противопоставляя ихъ правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ, «распространяютъ новые прогрессивные методы обученія». Послѣ всего сказаннаго, читатель съ удовольствіемъ и интересомъ узнаетъ о томъ, что во французскомъ педагогическомъ отдѣлѣ парижской всемірной выставки приняли участіе, что касается элементарнаго обученія, нѣсколько отдѣловъ «лиги обученія», о которой я уже упоминалъ; частная профессиональная женская школа, нѣсколько частныхъ начальныхъ школъ и пріютовъ; общество покровительства дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ; общество учителей и учительницъ; Франклиновское общество для распространенія народныхъ библіотекъ; общество профессиональнаго женскаго образованія; общество элементарнаго обученія; политехническая ассоціація для безвозмезднаго обученія рабочихъ, общество распространенія лучшихъ методовъ обученія; соединенныя общества обученія и воспитанія народа и поощренія къ добру; общество призрѣнія младенцевъ; общества обученія глухонѣмыхъ и много другихъ. Большинство назван-

ныхъ обществъ осуществилось *послѣ* 1870 года; но лучше всего обрисовываетъ умственное движеніе современной намъ Франціи, въ смыслѣ *простора* для частной инициативы, такъ называемое «общество французскаго юношества» («Union française de la jeunesse, association d'instruction et d'éducation populaires»), для вступленія въ которое дѣйствительнымъ членомъ нужно быть *моложе* тридцати лѣтъ отъ роду; дѣятелями въ этомъ обществѣ состоятъ воспитанники старшихъ классовъ учебныхъ заведеній Парижа или едва окончившіе курсъ, которые въ шести пунктахъ Парижа безвозмездно читаютъ по вечерамъ публичныя, популярныя лекціи по гигиенѣ, химіи, счетоводству, исторіи, географіи, политической экономіи, законовѣдѣнію, механикѣ, литературѣ, по изученію нѣмецкаго языка и проч.; въ каждой изъ шести мѣстностей Парижа бываетъ ежедневно, не исключая воскресенья, по одной какой либо лекціи, прочитанной юношею, котораго сходятся слушать или мало учившіеся, или ничему неучившіеся рабочіе...

2) *Зародыши децентрализаціи въ дѣлѣ народнаго образованія.* Излишняя централизація составляла, какъ извѣстно, долгое время больное мѣсто Франціи; и теперь еще немало излишней регламентаціи во французскихъ школахъ; и по настоящее время предписывается уставами народному учителю, съ величайшею точностію, что именно должно быть пройдено имъ по каждому учебному предмету *въ каждый мѣсяцъ года*, предписывается *ежедневно* учебное распisanіе часовъ; по настоящее время уставъ предписываетъ (См. «Règ-

lement pour les écoles du département de la Seine» 1876 г. стр. 6), чтобы ученики «по вторникамъ» писали сочиненія, чтобы народный учитель не произносилъ рѣчи при торжественной раздачѣ наградъ ученикамъ, «развѣ, въ видѣ исключенія, онъ получить разрѣшеніе на то отъ губернатора, которому рѣчь и должна быть предварительно представлена» Но какъ ни тѣсны эти рамки, а время беретъ свое, и на выставкѣ мы съ наслажденіемъ успѣли подмѣтить признаки пробивающейся децентрализаціи, нѣкоторой самостоятельности отдѣльных мѣстностей, по отношенію къ общему отечеству, и самодѣтельности учителей. Вотъ предъ нами, на примѣръ, школьный музей, или художественно составленная учителемъ и учениками коллекція продуктовъ земледѣлія и огородничества изъ земледѣльческой части Франціи; тутъ же другая коллекція мраморовъ, дерева и дико-растущихъ растеній изъ другой мѣстности; рядомъ коллекція всѣхъ видовъ хлопчатой бумаги, шерсти и шелка въ обработанномъ и сыромъ видѣ изъ мѣстности промышленной; тамъ, смотришь, учитель составилъ коллекцію птичьихъ чучель, здѣсь — роскошный гербарій; вотъ народная школа, ученики которой склеили геометрическія тѣла, а вотъ учительская семинарія представила чрезвычайно полную коллекцію предметовъ, употребляемыхъ въ пищу, и волоконъ и тканей, служащихъ одеждою для человѣка. Еще болѣе бросилась мнѣ въ глаза на выставкѣ пробивающаяся децентрализація, какъ признакъ пробужденія Франціи, при иномъ случаѣ, къ которому теперь и перейду.

3) *Изученіе мѣстныхъ вопросовъ* имѣетъ въ моихъ глазахъ огромное педагогическое значеніе, какъ признакъ того, что люди не задаются слишкомъ обширными задачами, очень часто ведущими къ поверхностности, какъ свидѣтельство привязанности изслѣдователя къ *родинѣ*, безъ которой немыслима истинная любовь къ отечеству, наконецъ, какъ доказательство того, что въ странѣ люди небезличны, что въ ней существуетъ индивидуальная дѣятельность и самодѣятельность, безъ которыхъ невозможна и *общественная жизнь* въ настоящемъ смыслѣ слова. Чѣмъ болѣе процвѣтаетъ въ странѣ система опеки, искусственнаго направленія мышленія въ извѣстную сторону и злоупотребленія централизаціи, — тѣмъ въ меньшей степени изучаются мѣстные вопросы, и въ странѣ, въ которой работать не умѣютъ, обыкновенно задаются только такъ называемыми «высшими» вопросами, имѣющими общегосударственное значеніе, совершенно упуская изъ виду, что всякій попечитель школы, занятый только одною школою, всякій членъ управы, посвящающій себя только одной больницѣ, всякій мировой судья, всматривающійся въ юридическіе обычаи только одной мѣстности, и сельскій хозяинъ, ведущій толковую сельскохозяйственную и метеорологическую статистику только одного имѣнія, наконецъ всякій народный учитель, внимательно изучающій развитіе только своихъ учениковъ и характеръ мѣстности и людей, соприкасающихся только съ его одною школою — что всѣ эти люди вносятъ гораздо болѣе въ дѣло выясненія свойствъ и потребностей всей страны, всего отечества, чѣмъ тѣ, кото-

рые, гоняясь за «обширными» вопросами, при отсутствіи фактовъ, пробавляются фразами. Отъ того или другаго отношенія къ дѣлу часто зависитъ и то, что Максимъ Дюканъ, какъ мы видѣли, называетъ дисциплиною души: ограниченіе *не поприща мысли*, но поприща изслѣдованій тѣсными предѣлами придаеть ту скромность, безъ которой невозможенъ прогрессъ, а слишкомъ раннее обобщеніе явленій, поверхностно изучаемыхъ съ чужихъ словъ, слишкомъ часто ведетъ къ самонадѣянности, тормозящей всякій прогрессъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, ведущей нерѣдко къ гибели лица, по природѣ вполне достойнаго. Все, сказанное мною, относится и къ народному учителю, какъ ко всякому иному; но народный учитель, изучая флору, фауну, исторію, археологію, географію, статистику, метеорологію *своей* мѣстности, принесеть пользы болѣе, чѣмъ человѣкъ инаго общественнаго положенія; не говоря уже о томъ, что такая работа поможетъ ему не прозябать среди невѣждъ, онъ своимъ примѣромъ и своей бесѣдой воспитаетъ и взрослыхъ, и малыхъ болѣе, чѣмъ самымъ успѣшнымъ школьнымъ обученіемъ. Вотъ почему я съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рукописяхъ, представленныхъ народными учителями Франціи въ бібліотеку учительской корпораціи, составленную министерствомъ народнаго просвѣщенія, о чемъ я уже упоминалъ. Къ этимъ рукописямъ министерство отнеслось безъ всякаго изслѣдованія и вниманія въ каталогѣ, просто перечисливъ ихъ.

Почему труды народныхъ учителей представлены въ

рукописи, а труды учителей гимназій и профессоровъ представлены напечатанными? Причины могутъ быть самыя разнообразныя, но въ данномъ случаѣ это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что остались ненапечатанными изслѣдованія по чисто *мѣстнымъ* вопросамъ, какъ не нашедшія себѣ издателей, не рассчитывавшихъ на сбытъ этихъ произведеній въ печати; нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изданіе *подобныхъ* изслѣдованій должно составлять задачу мѣстныхъ органовъ самоуправленія, на что и слѣдовало бы обратить особенное вниманіе нашимъ земскимъ учрежденіямъ. Было бы ошибочно выводить изъ вышесказаннаго, что въ каталогъ министерскій библіотеки не попало ни одно изъ *печатныхъ* произведеній народныхъ учителей: ихъ, вѣроятно, не мало; мы хотимъ только сказать, что очень многія изъ нихъ остались въ рукописи, какъ посвященныя *мѣстнымъ* вопросамъ. По крайней мѣрѣ, я вычислилъ, что въ министерскую библіотеку на парижской выставкѣ поступило триста пятнадцать сочиненій въ рукописи и изъ нихъ сто семь посвящены *мѣстнымъ* вопросамъ, какъ-то: исторіи народнаго образованія въ *такой-то общинѣ*, анализу ста граммовъ земли изъ сада такой-то школы, обученію гимнастикѣ въ такомъ-то училищѣ, географіи такого-то уѣзда или такой то общины, исторіи одного села или города, педагогическимъ наблюденіямъ въ такой-то школѣ, горшечному производству данной мѣстности, сельскому хозяйству въ округѣ, описанію развалинъ, въ данной мѣстности, археологіи такого-то села, метеорологическимъ наблюденіямъ въ одномъ селѣ, исторіи земледѣ-

лія такого-то округа, результатамъ опытнаго поля при такой-то школѣ, отчетамъ о мѣстныхъ учительскихъ съѣздахъ и сберегательныхъ кассахъ; представлена промышленная, сельскохозяйственная и торговая карта одного изъ департаментовъ Франціи,—и всѣмъ этимъ мы обязаны народнымъ учителямъ и нѣкоторымъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Но если оживленіе интереса къ *мѣстнымъ* вопросамъ считать за признакъ пробужденія Франціи, то нельзя ограничиться приведенными данными, и къ нимъ слѣдуетъ добавить, что, по моему вычисленію, изъ 86 департаментовъ Франціи изслѣдованія народными учителями *мѣстныхъ* вопросовъ представлены на выставку изъ шестидесяти двухъ.

4) *Необычайно исправное посѣщеніе учащимися школъ въ Парижѣ*,—гдѣ такъ легко родителямъ обратиться въ деньги дѣтскія силы и гдѣ такая масса соблазновъ,—*при отсутствіи обязательности обученія*, мы не можемъ не отнести также къ знаменіямъ времени; оно свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о человѣчномъ отношеніи наставниковъ къ питомцамъ и, съ другой, о стремленіи взрослыхъ обучить дѣтей. Правда, что, къ сожалѣнію, большинство дѣтей уже 12 лѣтъ оканчиваетъ курсъ и что въ старшемъ классѣ парижскихъ училищъ состоитъ всего 13% всего числа учащихся въ школахъ; но даже и при такой оговоркѣ нельзя не порадоваться тому, что, при отсутствіи обязательности обученія въ Парижѣ, гдѣ, какъ сказано выше, училища считаются сотнями, а учащіеся сотнями тысячъ, 91% всего числа учениковъ, числящихся въ школѣ, состоитъ на лицо; при этомъ достойно замѣ-

чаній, въ виду характеристики родителей, что *старшіе* классы посѣщаются на стѣлько исправнѣе младшихъ, что изъ учениковъ ихъ бываетъ на лицо 95 изъ 100. Лицамъ, близко стоящимъ къ русской народной школѣ, будетъ отрадно при этомъ узнать, что и по наблюденію парижской дирекціи училищъ *лучшія* школы посѣщаются гораздо исправнѣе худшихъ; а кто не сдѣлалъ того же самого наблюденія на Руси? Всѣ приведенные нами факты новы для Франціи, составляя приобрѣтеніе времени, послѣдовавшаго за роковымъ 1870 годомъ.

5) *Необыкновенно быстрое возрастаніе числа учащихся* въ училищахъ Парижа, за отсутствіемъ новѣйшихъ свѣдѣній по этому вопросу для школъ всей Франціи, составляетъ фактъ тѣмъ болѣе краснорѣчивый, что, какъ я выяснилъ по официальнымъ документамъ, число учащихся отъ 1872 по 1875 годъ, т. е. *послѣ* бѣдственнаго 1870 года, возросло почти *вчетверо* болѣе, чѣмъ за промежутокъ времени отъ 1866 по 1872 годъ.

6) *Затраты Парижа на начальное обученіе* свидѣтельствуютъ столь же краснорѣчиво о переломѣ въ общественномъ мнѣніи, послѣ 1870 года, по вопросу о народномъ образованіи. Такъ, напримѣръ, съ 1872 по 1874 годъ, городъ Парижъ издержалъ, не говоря о ежегодныхъ ассигновкахъ, собственно на единовременные, экстренные расходы по *начальному* обученію, до четырехъ съ половиною милліоновъ рублей. Что касается *ежегодной* затраты Парижа на начальныя школы, то уже отъ 1870 по 1872 г. она почти удвои-

лась, и тотъ самый городъ, который въ 1870 году взималъ въ пользу школъ, въ видѣ податей, всего 2.239,819 франковъ, въ 1875 г. взималъ 4.865,782 фр. и издерживалъ всего, не считая экстренныхъ расходовъ, 9.861,677 франковъ, т. е. около двухъ съ половиною милліоновъ рублей въ годъ. Слѣдовательно, Петербургу и Москвѣ, для того чтобы поравняться съ Парижемъ, пришлось бы издерживать на начальныя школы ежегодно около 900,000 рублей, Харькову — около 120,000 рублей, Екатеринославу—около 50,000 рублей, Одессѣ—болѣе 200,000 рублей, Кіеву—около 200,000 рублей. Когда-то мы на столько разбогатѣемъ и когда-то, разбогатѣвши, *захотимъ* дать такія деньги на народныя училища? А можемъ ли мы себѣ представить, чтобы какое нибудь учебное заведеніе приносило *чистый* доходъ городу?.. Между тѣмъ въ Парижѣ, такъ называемый «collége Chaptal» даетъ болѣе тридцати тысячъ рублей *чистаго* дохода въ годъ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ (см. приведенное изслѣдованіе Gréard, стр. 223), и этотъ чистый доходъ затрачивается городомъ Парижемъ на начальныя школы. Училище Chaptal («Шапталъ»), названное такъ въ честь извѣстнаго химика и государственнаго сановника Франціи, Шапталя (умеръ въ 1832 году), имѣло въ годъ основанія, въ 1844 году, всего 139 учащихся, а черезъ тридцать лѣтъ, въ 1874 году, число учащихся почти удевятирилось, дошло до 620 полныхъ пенсіонеровъ и 589 приходящихъ, причемъ есть питомцы изъ Россіи и другихъ государствъ Европы, изъ Бразиліи, съ острова Гаити, Турціи, Персіи и

Китая, но пять шестыхъ всего числа учащихся—изъ самаго Парижа. «Училище Шапталь», поражающее на парижской выставкѣ изяществомъ рисунковъ и чертежей учащихся, — не элементарное, а среднее учебное заведеніе, напоминающее, по программѣ, не наши «реальные училища», предназначенныя для техникумовъ, но такъ называемыя «реальныя школы *перваго* разряда» Германіи, въ которыхъ преподается латинскій языкъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для общаго, а не спеціально-классическаго образованія.

7) *Цѣлый рядъ учрежденій послѣ 1870 года на пользу просвѣщенія массы.* Между тѣмъ какъ съ 1839 года по 1868 годъ существовало въ Парижѣ всего одно училище, по программѣ подходящее къ нашимъ реальнымъ училищамъ, но болѣе ихъ предназначенное для общаго образованія въ примѣненіи къ потребностямъ практической жизни и нуждающагося въ заработкѣ населенія, а именно такъ называемое «училище Тюрго» (ученый министръ Франціи, умершій въ 1781 г.),— въ послѣднее десятилѣтіе возникло еще три подобныхъ училища и два изъ нихъ *послѣ* 1870 года. Въ высшей степени замѣчательна организація этихъ училищъ въ томъ отношеніи, что учебное начальство не теряетъ изъ виду своихъ питомцевъ и послѣ окончанія ими курса, а напротивъ считаетъ своею обязанностью доставлять имъ мѣста прямо со школьной скамьи, для чего сносятся съ фабрикантами, торговыми домами и проч. Такъ, изъ числа 256 учениковъ школы Тюрго, оставившихъ заведеніе послѣ двухъ лѣтъ обученія или по окончаніи полнаго трехлѣтняго курса и одного дополнительнаго

высшаго класса, — изъ числа 256 юношей, оставившихъ заведеніе въ 1874 году, только два лица потеряны начальствомъ изъ виду, два лица не помѣщены по болѣзни, а остальные 252 ученика *получили кусокъ хлѣба непосредственно со школьной скамьи, благодаря посредничеству начальства заведенія*; такъ наприимѣръ, 122 ученика поступили служащими въ торговые дома и 18 въ банкирскіе, а 12 учениковъ *помѣщены за границей для усовершенствованія въ иностранныхъ языкахъ*; нѣкоторые перешли въ спеціально-промышленныя школы, другіе къ архитекторамъ, инженерамъ, аптекарямъ, нотаріусамъ и проч. Въ эти учебныя заведенія, содержимыя Парижемъ и относимыя имъ къ «высшимъ народнымъ училищамъ», поступаютъ дѣти двѣнадцати лѣтъ и старше, *окончившія* курсъ въ начальномъ училищѣ; впрочемъ есть при нихъ и приготовительный классъ, въ который принимаются уже одиннадцатилѣтніе, для того, какъ мы говорили, чтобы получить *общее* образованіе. Но не всѣ ученики начальныхъ школъ Парижа будутъ имѣть возможность посвятить себя въ будущемъ какой-либо либеральной профессіи; многіе изъ нихъ пожелаютъ себѣ ремесла и притомъ такъ, чтобы приняться за него возможно скорѣе, а родители, между тѣмъ, поймутъ, что двѣнадцатилѣтняго мальчика жаль отдавать къ мастеру для того, чтобы онъ года три нянчилъ его дѣтей и состоялъ на побѣгушкахъ, заражаясь скверной матеріальной и нравственной атмосферой мастерской. И вотъ, *послѣ* 1870 года возникаютъ особыя профессиональныя школы, въ которыхъ повторяется курсъ начальныхъ училищъ,

восполняемый элементарными свѣдѣніями по физикѣ, химіи, механикѣ и технологіи, но въ которыхъ половина времени затрачивается на работу въ мастерской, на обученіе слесарному, кузнечному, токарному и столярному дѣлу. Почти одновременно съ этими благотѣтельными школами возникли въ Парижѣ, при *каждой* школѣ, на счетъ города, библіотеки для учащихся и учителя; изъ нихъ въ 1873 году, когда они были основаны, выдано было всего 20,000 томовъ, а въ 1874 году— уже 51,250. Съ большимъ тактомъ парижская дирекція предлагаетъ ученикамъ начальныхъ школъ, въ видѣ темы выпускнаго сочиненія, разборъ какой либо книги, прочитанной въ теченіе послѣдняго года обученія; а сколько свѣта прольютъ эти книги въ семейства учащихся, во взрослое населеніе. Но и о немъ не забываютъ въ Парижѣ *послѣ* 1870 года: съ 1874 года организованы такъ называемыя «вечернія школы» для дѣтей работающихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, и для взрослыхъ. Такихъ учащихся въ Парижѣ 22,102 мужскаго и 7,035 женскаго пола въ 1875 году; по среднимъ счетамъ только 50% женщинъ и менѣе 33% мужчинъ бывали на лицѣ, что объясняется *неудовлетворительной педагогической* постановкой дѣла. До сихъ поръ поручали въ вечернихъ классахъ Парижа одному учителю, уже истощенному работою дня, на время отъ восьми до десяти часовъ вечера, по шестидесяти и болѣе учениковъ, возрастомъ отъ 10 до 18 лѣтъ и старше, съ настолько различной семейной обстановкой, что мы насчитали болѣе *ста* различныхъ профессій въ числѣ учащихся «вечернихъ школъ», и съ

настолько различной учебной подготовкой, что къ одному и тому же учителю сходились и неграмотные, и грамотные, и съ *успѣхомъ* окончившіе курсъ въ начальныхъ училищахъ. Легко можно себѣ представить, какой выходитъ толкъ изъ такого столпотворенія вавилонскаго, при которомъ несчастному учителю оставалось только истязать себя непроизводительно и за это безцѣльное мученичество получать отъ города деньги. Парижская дирекція надѣется пособить подраздѣленіемъ учащихся на двѣ группы: дѣтей и взрослыхъ, и каждой—на три степени обученія, низшую, среднюю и высшую; но едва ли и такая мѣра пособить радикально, такъ какъ и при ней окажутся въ одной группѣ до чрезвычайности неравносильные и потому взаимно мѣшающіе другъ другу успѣвать ученики. Въ такихъ случаяхъ можетъ достигнуть цѣли, по моему мнѣнію, только содѣйствіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ частной инициативы: такъ, въ городѣ Харьковѣ учреждена десять лѣтъ тому назадъ Х. Д. Алчевскою женская воскресная школа, въ которую собирается до 150 дѣтей и взрослыхъ, а преподавательницъ въ этомъ учебномъ заведеніи,—у насъ совершенно исключительномъ по проявленнымъ имъ настойчивости и постоянству, по серьезности и разумности отношенія къ дѣлу, —бываетъ по *тридцати* преподающихъ безвозмездно по группамъ и классамъ школы и достигающихъ блестящихъ результатовъ; судя по тому, какъ легко находятся въ Парижѣ лица для безвозмездныхъ лекцій народу, о чемъ мы уже упомянули выше, мы не сомнѣваемся въ томъ, что еще охотнѣе нашлись бы тамъ же люди, готовые заняться эле-

ментарнымъ обученіемъ нѣсколькихъ учениковъ, лишь бы въ этомъ отношеніи Парижъ послѣдовалъ примѣру Харькова и лишь бы въ Парижѣ нашлись люди, столь же тепло и здраво посвящающіе себя дѣлу, какъ Х. Д. Алчевская и достойныя сподвижницы ея.

Перечисляя рядъ мѣръ, осуществившихся въ Парижѣ *посль* 1870 г. на пользу народнаго образованія, мы должны сказать, что въ Парижѣ до 1873 года не было *ни одной* учительской семинаріи для начальныхъ учителей и что до тѣхъ поръ тамъ возникла всего *одна* женская и *одна* мужская семинаріи, на городъ съ населеніемъ въ 1.818,710 жителей. Характеристично въ данномъ случаѣ то, что и эти учрежденія возникаютъ *посль* 1870 года; но какъ объяснить, что населеніе, серьезно взявшееся за обученіе и воспитаніе народа, до сихъ поръ не создало болѣе *одной* учительской семинаріи? Это объясняется, по моему мнѣнію, причинами чисто *экономическими*, на которыя, къ сожалѣнію, не указываетъ парижская дирекція, съ прискорбіемъ останавливающаяся на томъ, что число учениковъ, поступающихъ въ единственную мужскую учительскую семинарію Парижа, за три года ея существованія, *падаетъ* вмѣсто того, чтобы возрастать; гдѣ же тутъ устраивать вторую семинарію, когда не удастся набрать желающихъ и для одной! Дирекція объясняетъ себѣ это тѣмъ, что въ учительскую семинарію поступаютъ 16-ти лѣтъ, а въ народныхъ школахъ, откуда и должны комплектоваться учителя, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваютъ курсъ уже 12 лѣтъ, причемъ за время отъ 12 до 16 лѣтъ юноши уже успѣваютъ избрать себѣ про-

фессію, отвлекающую ихъ отъ учительскаго поприща. Это вѣрно, но указываетъ только на причину *педагогическую*, а есть тутъ въ дѣлѣ тормазъ экономическій, что видно уже изъ того, что на «подготовительные» для поступленія въ семинарію курсы, организованные въ Парижѣ, является въ такомъ многолюдномъ городѣ всего отъ 60 до 200 мужчинъ, желающихъ быть учителями; рядомъ же съ этимъ такой фактъ, что число поступающихъ въ *женскую* учительскую семинарію постоянно возрастаетъ за три года ея существованія. Явленія эти объясняются, кажется, тѣмъ, что начальнымъ учителямъ такъ мало платятъ въ Парижѣ, что учительская профессія не выдерживаетъ конкуренціи другихъ профессій, и въ учительской корпораціи остаются лишь люди съ особеннымъ призваніемъ къ дѣлу, заставляющимъ мириться съ черствымъ хлѣбомъ, что встрѣчается рѣдко, или лица, случайно попавшія въ эту колею и не могущія болѣе выбиться изъ нея, хотя и съ завистью поглядывающія по сторонамъ на людей, которые трудятся гораздо меньше и менѣе ихъ приносятъ пользы странѣ, а зарабатываютъ гораздо больше. Стоило бы только организовать два спеціально-педагогическихъ года обученія при высшихъ народныхъ училищахъ, о которыхъ мы говорили, и гарантировать питомцамъ ихъ, за успѣшно сданный выпускной экзаменъ, хорошее жалованье въ начальной школѣ, и учительская корпорація стала бы быстро пополняться людьми, спеціально подготовленными къ дѣлу. Предположимъ, что, по средствамъ городского общества, пришлось бы на нѣкоторое время

ограничиться только немногими, хорошо оплаченными учительскими мѣстами особенно въ элементарныхъ классахъ каждаго училища, которыя и предоставлялись бы по конкурсу;—но на сколько выиграло бы дѣло обученія оттого, что именно *элементарные* классы народнаго училища были бы въ рукахъ спеціалистовъ!

Отъ этого вопроса естественно перейти къ *педагогическому* уровню школъ Франціи, вообще, и Парижа въ особенности; для оцѣнки его мы обратимся вновь къ педагогическому отдѣлу парижской выставки, хотя уже по отсутствію *подготовленныхъ* учителей мы можемъ предрѣшить вопросъ въ томъ смыслѣ, что *педагогическій* уровень французскихъ начальныхъ школъ не можетъ быть высокъ. Тщетно стали бы мы искать *педагогической* системы въ *педагогическомъ* отдѣлѣ выставки, впрочемъ, не одной Франціи, но и большинства другихъ государствъ: *педагогическія* выставки устраиваются *администраторами*, которые вполне довольствуются распредѣленіемъ матеріала по тремъ группамъ: — начальному, среднему и высшему обученію; таково распредѣленіе предметовъ и въ обширныхъ залахъ, занятыхъ французскимъ педагогическимъ отдѣломъ, гдѣ вы тщетно искали бы хоть отдѣловъ чтенія, письма, счета, географіи, нагляднаго обученія и Закона Божія; все разбросано и перемѣшано, причемъ размѣщено съ возможно большимъ эффектомъ. Известно, что французы превосходятъ своимъ вкусомъ всѣ другіе народы міра, какъ доказали это и всемірныя выставки но едва ли основательно поступили французскіе педагоги, пожертвовавъ научной стороной въ

пользу декоративной при размѣщеніи предметовъ; къ тому же они довели до послѣдней крайности общій недостатокъ всѣхъ выставокъ, т. е. устроили свою педагогическую выставку съ такой роскошью, что, при вступленіи въ первую залу, васъ поражаютъ всадники въ доспѣхахъ и дикіе звѣри въ натуральную величину, этнографически и матеріально цѣнные утварь и одежда различныхъ народовъ, минералы и колоссальныя карты на стѣнахъ. Что же это такое? Это выставка министерства народнаго просвѣщенія, такимъ образомъ, знакомить съ учеными миссіями и путешествіями въ неизвѣданныя страны, совершенными за послѣднія десять лѣтъ при содѣйствіи французскаго правительства; но какъ ни отрадно видѣть, что министерство народнаго просвѣщенія во Франціи считаетъ себя представителемъ науки, а не министерствомъ полиціи, и что на выставкѣ административный характеръ ступшевывается, уступая мѣсто педагогическому, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что подобная выставка не могла не стоить огромныхъ денегъ, которыя можно бы затратить хотя на снабженіе французскихъ школъ пособіями для нагляднаго преподаванія всѣхъ предметовъ.

Насколько французскія школы нуждаются въ рациональныхъ, наиболѣе простыхъ пособіяхъ, видно изъ того, на примѣръ, что г. Масфаро выставляетъ, какъ новость, изобрѣтенные имъ «вертикальные счеты», которые онъ прозываетъ эффектно «arithmomètre des écoles», не довольствуясь скромнымъ названіемъ «buvier compteur», какъ принято называть обыкновен-

ные счеты во Франціи; но грустно, что въ описаніи своего прибора авторъ утверждаетъ, что «*счеты неизвѣстны школамъ Франціи*». Другой фактъ, объясняющій отсутствіе наглядности при обученіи ариметикѣ, я также почерпнулъ на выставкѣ, познакомившись съ извѣстнымъ педагогическимъ писателемъ Франціи г. Лагу, отъ котораго узналъ, что за 8 лѣтъ продано во Франціи всего 11,000 экземпляровъ его, весьма талантливой, наглядной геометріи, уже давно переведенной для Россіи въ «Народной Школѣ» и на столько рационально устанавливающей наглядность и индукцію при изученіи площадей и тѣлъ, что, по распоряженію министерства, г. Лагу публично объяснялъ свое руководство огромному числу учителей, собравшихся въ залѣ Трокадеро. На сколько *наглядность* обученія еще мало сдѣлала успѣховъ во Франціи, свидѣтельствуется даже тѣмъ, что наглядная геометрія Лагу, названная имъ «*такOMETРІЕЮ*», (быстрое измѣреніе), отнесена на выставкѣ къ среднему обученію, между тѣмъ какъ она и по методу, и по содержанію всецѣло относится къ элементарному курсу. Какъ же понимать при этомъ, что въ элементарномъ отдѣлѣ выставлены книгопродавцемъ Гашетомъ прекрасныя учебныя пособія, каковы коллекціи метрическихъ мѣръ, модель вѣтряной мельницы и счеты? Производствомъ этихъ пособій Гашеть оказываетъ, какъ мы уже говорили, огромную услугу Франціи, но дѣло *распространенія* этихъ пособій въ народныхъ училищахъ находится еще въ самомъ зародышѣ. Сама парижская дирекція (см. «*Mémoire par Gréard*» 1877 г., стр.

105) признаетъ, что французская школа, по сравненію съ германской и швейцарской, злоупотребляетъ «отвлеченіемъ» и «книгой» вмѣсто того, чтобы разсматривать съ учениками самые предметы и ихъ изображенія, и отъ изученія ихъ и сравненія восходить къ теоріи.

Но едва ли мы ошибемся, сказавши, что и въ высшихъ педагогическихъ сферахъ Франціи, совершенно правильно совѣтующихъ учителю (см. «Direction de l'enseignement», Paris, 1877) постепенность и наглядность обученія, — убѣжденіе о размѣрахъ, въ какихъ необходима конкретность, наглядность преподаванія всѣхъ предметовъ, еще не вполне выработалась. Чѣмъ иначе объяснить то, напримѣръ, что собственно «наглядное обученіе», или ознакомленіе дитяти съ наиболѣе обыденными предметами естественными и искусственными, установлено только для младшаго класса такихъ народныхъ школъ, каковы парижскія, въ которыхъ дѣти оканчиваютъ ученіе 12 лѣтъ; неужели и въ самомъ дѣлѣ наглядное міровѣдѣніе или «предметныя уроки» (leçons de choses), какъ это называютъ французы, нужны только для дѣтей семи и восьми лѣтъ и уже излишни для девяти-десятилѣтнихъ дѣтей и даже для болѣе развитаго возраста?...

Впрочемъ, предлагая такой вопросъ, мы позволимъ себѣ разсчитывать на полнѣйшее сочувствіе всѣхъ нашихъ читателей не только къ наглядному преподаванію всѣхъ предметовъ учебнаго курса элементарной школы, но и къ «наглядному обученію», какъ къ отдѣльной вѣтви преподаванія, подготовляющей, воспол-

няющей и объединяющей преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ начальнаго училища. При этомъ мы на мгновеніе совершенно упустили изъ виду то, что у насъ, въ послѣднее время, многіе сочли всю эту наглядность нѣмецкой дребеденью, годной только для глупыхъ нѣмецкихъ головъ и обидной для нашей даровитой расы,—измышленіемъ нѣмецкихъ педантовъ. Признавая, что легко злоупотребить и наиболее здоровымъ педагогическимъ началомъ, какъ легко и критику, бичующему злоупотребленія, хватить черезъ край; рекомендуя только «наглядное обученіе», а отнюдь не переливаніе изъ пустаго въ порожнее,—я не могу не ознакомить читателя со взглядомъ американцевъ на наглядность обученія, для того чтобъ дать ему случай, мнѣніемъ этихъ *практическихъ* людей по преимуществу, провѣрить «хитросплетенія нѣмецкихъ *теоретиковъ*». Вотъ, на примѣръ, что пишетъ министръ просвѣщенія штата Иллинойсъ, г. Вайтъ: «абстрактное беретъ начало въ конкретномъ; воспріятія, составляющія матеріаль для сужденій, создаются впечатлѣніями *отъ предметовъ*... дитя нужно превратить изъ пріемника сбивчивыхъ понятій въ дѣятельнаго изыскателя истины; при помощи внѣшнихъ чувствъ, дитя образуетъ понятія, которыя *самобытны*, а потому ясны... *главнѣйшею задачею начальной школы должно бы быть содѣйствіе тому, чтобъ дитя получило правильныя впечатлѣнія отъ окружающихъ его предметовъ*». (См. «Special Report» etc., который я уже называлъ въ прежнихъ главахъ, стр. 223). Мы могли бы привести еще сужденія

нѣсколькихъ практическихъ англо-американскихъ педагоговъ, писавшихъ о Филадельфійской всемирной выставкѣ, въ доказательство того, что американцы сѣтуютъ на пренебреженіе наглядностью, т. е. конкретностью обученія, въ ихъ школахъ и даже ратуютъ за «наглядное обученіе», какъ особый учебный предметъ. Но, ограничиваясь вышеприведеннымъ мнѣніемъ Вайта, въ которое не мѣшаетъ вдуматься особенно народному учителю, мы надѣемся, что оно повліяетъ и на тѣхъ изъ противниковъ «нѣмецкаго» нагляднаго обученія, которые, вмѣсто того, чтобъ возражать противъ злоупотребленій и въ то-же время помнить, что къ Россіи еще нужна пропаганда наглядности преподаванія, забываютъ о томъ, что пожарная труба, при неумѣстномъ усердіи прислуги ея, можетъ не только затушить пожаръ, но и разорить зданіе, уже переставшее горѣть.

Въ настоящемъ случаѣ, мы коснулись вопроса о наглядности по тому поводу, что и высшія педагогическія сферы Франціи еще не придаютъ ей надлежащаго значенія. Удивляться ли послѣ этого тому, что книгопродавецъ Гашеть называетъ свои блестящія, очень крупныя хромолитографированныя картины по зоологіи, которыми можетъ гордиться парижская выставка (цѣна за 50 картинъ всего 30 франковъ, т. е. около 10 рублей по обыкновенному курсу), въ числѣ пособій «для пріютовъ» или дѣтскихъ садовъ, предназначенныхъ для возраста отъ двухъ до шести лѣтъ; столь же отчетливы, изящны и крупны картины Гашета, представляющія ремесла и промыслы (20 сюже-

товъ),—и все это предназначается только для дѣтей *моложе* шести лѣтъ! Нѣтъ, изданіе этихъ картинъ составляетъ эпоху въ исторіи французской школы, а распространеніе ихъ и примѣненіе не только въ дѣтскихъ садахъ, но преимущественно въ начальныхъ училищахъ Франціи, не исключая и *старшихъ* классовъ этихъ училищъ—есть дѣло будущаго.

На сколько въ настоящее время конкретность обученія, постепенный переходъ отъ простаго и ближайшаго къ болѣе сложному и менѣе доступному, мало практикуется во французскихъ школахъ, видно изъ книги для класснаго чтенія Aulard, изданной Гашетомъ и найденной нами на выставкѣ. Эта книга, озаглавленная «*Первые уроки чтенія*» и удостоенная награды «Обществомъ элементарнаго обученія», *начинается* съ слѣдующихъ предложеній: «любите своихъ родителей; вы никогда не сможете любить ихъ, какъ они васъ любятъ; они — олицетвореніе божественнаго провидѣнія; они работаютъ, терпятъ лишенія, подвергаютъ себя лишеніямъ изъ-за васъ...» Любопытно все, что авторъ въ предисловіи указываетъ на *сознательность* чтенія, какъ на новый идеаль, еще не достигаемый французскими школами; трудно не согласиться съ тѣмъ, что картинами Гашета легче достигнуть сознательности, чѣмъ такими книгами для чтенія, какова книга Олара. Впрочемъ тутъ опять вопросъ заключается въ возрѣніяхъ самихъ руководителей школъ: такъ напримѣръ, инструкція для парижскихъ школъ узаконяетъ *буквослагательный* методъ обученія чтенію; предписывая учителямъ дать сначала

дѣтямъ заучить буквы, потомъ склады по таблицамъ, потомъ разсадить новичковъ между болѣе сильными грамотѣями, котсрыя имъ показываютъ урокъ, затѣмъ—упражнять дѣтей въ хоровомъ класномъ чтеніи и заканчивать индивидуальнымъ чтеніемъ каждаго ученика въ отдѣльности. — Буквально тѣ же приемы видѣли мы въ нашихъ дьячковскихъ школахъ и, если во Франціи въ концѣ концовъ дѣти читаютъ сознательно, то не потому, что школа имъ въ этомъ пособила, но потому, что ихъ окружаютъ сознательно-читающіе взрослые, а нашего школьника, выносящаго изъ дьячковой школы только безграмотность, окружаютъ взрослые, или вовсе не читающіе, или выпѣвающіе машинально по священнымъ книгамъ, или наслаждающіеся процессомъ чтенія всякихъ книгъ; къ тому же не слѣдуетъ забывать, что наша дьячковская педагогія дрессируетъ ребенка всего зимы три—четыре, а французская *долбня* примѣняется къ дѣтямъ лѣтъ восемь, да мѣсяцевъ по десяти въ годъ — вотъ и немудрено, что научатъ читать и даже читать бойко.

• Тѣмъ не менѣе, на парижской выставкѣ замѣтно новое педагогическое теченіе, — стремленіе перейти отъ заучиванья складовъ къ *звуковому* обученію грамотѣ: такъ, таблицы Régimbeau распредѣляютъ слоги по однородности звука, а не по морядку алфавита («om, eon, um, eun, ean, em, en, ein, ain, un»...); г. Толлэ, подъ громкимъ названіемъ «универсальной методы», выставяетъ простѣйшій ящикъ съ подвижными буквами, но въ числѣ послѣднихъ краснымъ

цвѣтомъ отличаются тѣ буквы, которыя, входя въ составъ слога, не произносятся.

Я позволилъ себѣ упомянуть о французской «долбнѣ» и не беру назадъ своихъ словъ, такъ какъ не только въ парижскихъ, но даже въ женскихъ французскихъ школахъ, которыя педагогически несомнѣнно выше французскихъ, до сихъ поръ заучиваютъ таблицы сложенія и вычитанія; официальной программой для начальныхъ школъ Парижа предписывается нумерація для младшихъ классовъ, т. е. для дѣтей лѣтъ шести, семи и восьми. Къ небу вопіющій, образецъ такой французской *долбни* встрѣчается и на парижской выставкѣ въ видѣ учебника географіи, составленнаго гг. Дюпономъ и Лакруа по официальной программѣ и сообразно педагогической инструкціи для парижскихъ школъ (*Enseignement pratique de la geographie par Dupon et Lacroix, professeurs d'histoire et de géographie, conforme au programme officiel et à l'organisation pédagogique des écoles publiques du la Seine*). По этому учебнику затрачиваютъ первые три мѣсяца на ознакомленіе съ географическими свѣдѣніями и терминами посредствомъ прогулокъ въ окрестностяхъ школы, и тутъ же дается знакомство съ картой. Но затѣмъ на три мѣсяца наступаетъ ознакомленіе дитяти съ земными шарами и заучиваніе лексикона голыхъ названій горъ, рѣкъ и расъ, одинъ мѣсяць затрачивается на изученіе Франціи, состоящее также въ заучиваніи лексикона; наконецъ послѣдній мѣсяць, іюнь, затрачивается на департаментъ Сены, а іюль и августъ на повтореніе пройденнаго. Такое распредѣленіе матеріала

говорить само за себя; но какъ понравится вамъ такой параграфъ въ учебникѣ, при описаніи департамента Сены: *Знаменитые люди. Война*: Конде, Катина, принцъ Евгений. *Науки*: Балли, д'Аламберъ, Лавуазье, Кассини. *Литература*: Мольеръ, Буало, Руссо, Вольтеръ, г-жа Сталь, Скрибъ. *Исторія и ученость*: де-Ту, Ролленъ, Данвиль, де-Кенси. *Государственные люди*: Ришелье, Гарлэ, Сегье, Тюрго, Транше, Талейранъ, Беррье. *Искусства*: еще одиннадцать именъ изъ различныхъ областей искусства. Итого въ элементарномъ учебникѣ *тридцать шесть* именъ, для поясненія которыхъ необходимы свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія; если именъ этихъ не учать, то для чего они? а если заучивать хоть часть ихъ, то не постыдно ли такъ истязать дѣтей, для того чтобъ черезъ мѣсяць послѣ экзамена тѣ шесть категорій, на которыя знаменитые люди распредѣляются учебникомъ, перемѣшались въ головѣ ребенка, и Лаувазье у него сталъ военначальникомъ, Тюрго живописцемъ, Ришелье литераторомъ, и т. п. Это ли еще не *долбня*?... Могутъ ли пособить при такой долбнѣ игрушки, въ родѣ выставленной въ педагогическомъ отдѣлѣ карты желѣзныхъ дорогъ Франціи, нарисованной на доскѣ, по рельсамъ которой ребенокъ можетъ передвигать приспособленные къ тому паровозики? Не говоря уже о томъ, что, проповѣдуя наглядность, мы не проповѣдуемъ превращенія обученія въ игру, — мы останавливаемся на этомъ предметѣ для того, чтобъ сказать, что при наиболѣе наглядныхъ пособіяхъ возможна мертвящая долбня, и слѣдовательно великое дѣло — умѣть примѣнять

наглядныя пособія. Если довольствоваться, на примѣръ, тѣмъ, что ребенокъ будетъ *помнить* то, что *видѣлъ*, и посредствомъ наглядности вліять только на его память, а не на *самодѣятельность въ мышленіи*, то это значитъ—завести въ школъ усовершенствованную долбню.

Чѣмъ болѣе мы симпатизируемъ рельефно выставленному нами пробужденію Франціи послѣ 1870 года и ея жертвованіямъ на пользу школы, тѣмъ настойчивѣе мы указываемъ и на плохой *педагогическій* уровень ея школъ, искренно желая, чтобы наше земство и городскія общества не сочли своей задачи оконченной, предоставивъ школъ матеріальныя средства, а непрерывно заботились о томъ, чтобы педагогическій уровень школы, своими достоинствами, окупалъ расходы на школу. Утѣшаемъ себя надеждой, что скоро наступитъ такое время и для Франціи, которая въ послѣдніе годы такъ искренно и честно относится къ своему усовершенствованію, вдумывается въ свои недостатки, изучаетъ другіе народы, на которые еще такъ недавно взирала съ высоты своего величія, наслаждаясь достигнутыми успѣхами, до тѣхъ поръ, пока поняла, что ее побѣдилъ нѣмецкій «школьный учитель». Вѣдь еще раньше Песталоцци писалъ во Франціи Руссо: «внѣшнія чувства (не одинъ слухъ) служатъ проводниками знаній; прежде, чѣмъ научить ребенка читать, нужно научить его *смотреть*». Тогда преобразуется французская народная школа, когда поймутъ во Франціи эти слова; пожелаемъ отъ души, чтобы скоро стало излишнимъ напоминать объ этой истинѣ и *русскому* народному учителю.

IV.

Педагогическіе отдѣлы Бельгіи, Голландіи и Люксембурга.

Намъ предстоитъ начать эту бесѣду съ Бельгіи (540 кв. м. 5 милл. жит.), — землицы, составляющей, по пространству, примѣрно половину С. Петербургской губерніи, или немного болѣе одной трети Екатеринославской губ., но организовавшей въ Парижѣ самую обширную педагогическую выставку; педагогическій отдѣлъ Бельгійскаго королевства, занимая отдѣльный павильонъ, и по полнотѣ, и по размѣрамъ, далеко превосходитъ педагогическія выставки и наиболѣе просвѣщенныхъ (напр. Швейцаріи), и наиболѣе обширныхъ (напр. Россіи) государствъ Европы, выступившихъ на педагогическое состязаніе въ Парижѣ. Уже этого одного достаточно для того, чтобы остановить на Бельгіи вниманіе и тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые все еще склонны смѣшивать понятія о «величинѣ» и «величіи» государства или, по крайней мѣрѣ, выводить послѣднее изъ перваго, которые взираютъ съ высоты своего воображаемаго величія на «ничтожныя» государства запада, — пожалуй «гнилаго» запада. Но на Бельгіи стоитъ остановиться и съ другой точки зрѣнія; стоитъ вдуматься въ исторію Бельгіи, для того чтобъ понять *связь между школой и жизнью*.

Что знаютъ у насъ въ сущности о Бельгіи, объ этомъ «ничтожномъ» королевствѣ на сѣверовосточной границѣ Франціи, не принимающемъ участія ни въ одной изъ европейскихъ войнъ, ни въ одномъ изъ

европейскихъ *политическихъ* конгрессовъ? Мы знаемъ, на примѣръ, что въ Бельгіи населеніе говоритъ по французски; но тутъ насъ ожидаетъ великій сюрпризъ: воображая себѣ, что бельгійцы говорятъ по французски, мы прислушивались только къ рѣчи учившагося меньшинства, а при ближайшемъ изслѣдованіи населенія Бельгіи оказывается, что только $\frac{3}{8}$ этого населенія—романскаго, какъ и французы, происхожденія, да и въ южной, гористой Бельгіи масса населенія говоритъ не французскимъ языкомъ, намъ современнымъ, а древне-французскимъ, теперь мало понятнымъ французу, «валлонскимъ» языкомъ.—Затѣмъ большинство населенія (цѣлыя $\frac{5}{8}$), занимающее сѣверную, низменную Бельгію, состоитъ изъ «фламандцевъ», говоритъ фламандскимъ языкомъ, нарѣчіемъ ниже-германскаго языка. Тѣмъ не менѣе, языкъ *меньшинства*, языкъ французскій, господствуетъ въ странѣ, не смотря на то, что фламандцы очень усердно занимаются своимъ языкомъ и издають даже на немъ до сорока газетъ, не опасаясь прослыть сепаратистами. Если къ сказанному мы добавимъ, что въ Бельгіи почти вовсе нѣтъ протестантства, что все населеніе обѣихъ національностей, германской и романской, исповѣдуетъ католическую вѣру, и что Бельгія, въ сущности не имѣющая *этнографической* національности, своимъ политическимъ обособленіемъ, или національностью *политической*, обязана католическому духовенству,—Тогда станетъ яснымъ, что всѣ эти обстоятельства и условія должны были отразиться на школѣ. Тогда станетъ очевиднымъ, что необходимо, хоть на минуту

заглянуть въ прошлое Бельгіи прежде, чѣмъ съ толкомъ вступить въ ея обширный педагогическій павильонъ въ Парижѣ.

Впрочемъ, оглядываясь на исторію Бельгіи, мы начнемъ не сначала, а чуть не съ конца: *впервые* въ новой исторіи появляется названіе «Бельгія» только лѣтъ девяносто тому назадъ, съ 1790 года, когда бельгійскія провинціи на нѣсколько мѣсяцевъ образовали независимую республику, въ томъ же году покоренную бывшей властительницей ея, Австріей; съ 1794 года по 1814 годъ Бельгія принадлежала Франціи, сохраняя, впрочемъ, на первое время, названіе «Бельгіи». Это названіе было вырыто изъ архивовъ патріотами, искавшими независимости своей стороны, которую они прозвали по имени своихъ предковъ кельтской расы: во времена господства древняго Рима, «бельги», изъ кельтовъ, населяли эту страну, переходившую затѣмъ изъ рукъ одного завоевателя въ руки другаго, до самаго 1839 года, причемъ она оставалась соединенной съ теперешней Голландіей. Мы не станемъ останавливаться на томъ, какъ «Нидерланды» (т. е. Бельгія и Голландія) съ девятаго вѣка перешли къ Германской Имперіи, затѣмъ, съ пятнадцатаго вѣка, къ Австріи и Испаніи, отъ которой въ шестнадцатомъ вѣкѣ освободилась Голландія, принявъ протестантизмъ; Бельгія же осталась вѣрной католицизму и въ 1715 г. присоединилась къ Австрійской имперіи, предоставившей ей, впрочемъ, извѣстныя льготы и привилегіи. Послѣ кратковременнаго господства въ Бельгіи французъ, о которомъ мы уже упоминали, Бельгія въ

1815 году, по вѣнскому конгрессу, была присоединена къ Голландіи, причемъ проявила ревность къ католицизму, совершенно непримиримую съ голландскимъ протестантизмомъ: попытки закона установить равноправіе всѣхъ вѣроисповѣданій было достаточно для уязвленія фанатизма бельгійскаго духовенства и для того, чтобъ національно-либеральная партія, стремившаяся къ національному обособленію, слилась съ партіей клерикаловъ, религіозныхъ фанатиковъ. Съ самаго 1815 года союзъ этихъ двухъ партій становится все тѣснѣе и тѣснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ оппозиція голландскому правительству, которая приводитъ къ революціи 1830 года и окончательному отдѣленію Бельгіи отъ Голландіи въ 1839 г. Продолжительное господство въ Бельгіи католическаго духовенства привело не только къ тому, что въ настоящее время въ этой небольшой землицѣ находится до пятнадцати тысячъ монаховъ, но и къ тому, что католическое духовенство овладѣло народной школой, причемъ однако вскорѣ оказался вопіющій разладъ между бывшими союзниками — либералами и клерикалами: между тѣмъ какъ клерикалы, опираясь на свободу преподаванія, стремились лишь къ тому, чтобъ создать изъ массы единое удобопасомое стадо, вѣрное папѣ, либералы желали массѣ не дрессировки въ извѣстномъ направленіи, но свѣта и всесторонняго развитія. — Возгорѣлась между бывшими союзниками ожесточенная вражда, затормазившая въ въ Бельгіи дѣло народнаго образованія на столько, что, какъ видно по документамъ, выставленнымъ въ Парижѣ, почти четвертая часть населенія Бельгіи въ

1876 году (22, 92%) не умѣла ни читать, ни писать.

Но по тѣмъ же документамъ видно, что въ этомъ отношеніи Бельгія сдѣлала огромные успѣхи въ послѣднія тридцать лѣтъ, такъ какъ въ 1843 г. только *меньшинство* населенія (49, 15%) было грамотнымъ, и этими успѣхами Бельгія обязана силѣ частной инициативы, *самодѣятельности общества и чородовъ, самодѣятельности либеральной партіи*, энергія которой росла по мѣрѣ опасности отъ свободной конкуренціи партіи клерикаловъ, не опираясь на законъ объ обязательности обученія, рассчитывая только на силу своей просвѣтительной пропаганды. — Съ этой точки зрѣнія, бельгійская педагогическая выставка, какъ результатъ упорной борьбы и плодъ настойчивости либеральной партіи, представляетъ особенный интересъ.

Господствомъ католическихъ клерикаловъ въ Бельгіи объясняется то, на примѣръ, что, согласно графическимъ таблицамъ, выставленнымъ въ Парижѣ, начальныя школы въ Бельгіи затрачиваютъ болѣе 17% *всего* учебнаго времени, т. е. почти одну пятую часть, на обученіе *Закону Божію*. Такое распределеніе педагогическаго матеріала объясняется обыкновенно тѣмъ, что Законъ Божій самый полезный и важный учебный предметъ въ школѣ, такъ какъ школа должна прежде всего водворять добрую нравственность. На это можно замѣтить, что обученіе должно несомнѣнно воспитывать, и *прежде всего* воспитывать; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы школа, съ цѣлію воспитанія, злоупотребляла которымъ либо изъ учебныхъ предметовъ

въ ущербъ другимъ; нравственность создается не болѣе или менѣе частымъ повтореніемъ правилъ нравственности, но содѣйствіемъ умственному развитію, безъ котораго питомецъ не отличить добра отъ зла и въ особенности *не устоитъ* въ добрѣ. Изъ того, что молитва есть наиболѣе святое дѣло изъ всѣхъ дѣлъ, творимыхъ ребенкомъ за день, еще не слѣдуетъ того, чтобы ребенка возможно было заставить проводить *большую* часть дня за молитвой, не воспитывая въ немъ этимъ самымъ лицемѣрія и не охлаждая въ немъ религіозной теплоты. Всѣ эти размышленія приходятъ намъ невольно въ голову при обзрѣніи педагогическихъ отдѣловъ парижской выставки, такъ какъ рядомъ съ Бельгіей мы видимъ Голландію—и что же?.. Въ Бельгіи, изъ пяти часовъ одинъ затрачивается на Законъ Божій, а Голландцы, извѣстные своею разсудительностью, скромностью, сдержанностью, любовью къ отечеству и почитаніемъ семейнаго начала, *совершенно исключаютъ* Законъ Божій изъ программы народной школы, предоставляя обученіе религіи духовенству и семьѣ, предоставляя общинамъ пользоваться для преподаванія Закона Божія, если пожелаютъ, школьными зданіями въ свободное отъ ученія время: по 1-й статьѣ закона объ училищахъ, 1857 г., дѣйствующаго понынѣ и не отмѣняемаго въ этомъ отношеніи проектомъ министерства отъ 2-го марта 1878 года, Законъ Божій вовсе *не* входитъ въ составъ учебной программы народнаго училища. Объясняется это тѣмъ, что населеніе Голландіи состоитъ изъ протестантовъ, католиковъ и евреевъ, причемъ въ ней

существуетъ много протестантскихъ сектъ; но вопросъ теперь заключается въ томъ, правы-ли бельгійскіе католическіе клерикалы, видящіе спасеніе нравственности въ возможно большей затратѣ времени на преподаваніе Закона Божія? Правы ли они послѣ того, какъ рядомъ съ ними государство, при населеніи въ четыре милліона, изъ которыхъ однако цѣлая треть католиковъ. — считаетъ возможнымъ, вполнѣ отдѣливъ церковь отъ государства, совершенно исключить Законъ Божій изъ школы, охраняемой государствомъ; при этомъ въ Голландіи нравственные результаты получаются не хуже тѣхъ, которыхъ достигаетъ бельгійская школа, рискуя притупить въ дѣтяхъ религіозное чувство непосильнымъ для ихъ возраста, *однообразнымъ* обученіемъ *отвлеченному*, для дитяти, предмету. Этимъ клерикаламъ слѣдовало бы сообразить, съ *педагогической* точки зрѣнія, какое вліяніе на развитіе дитяти можетъ имѣть то, что бельгійское народное училище затрачиваетъ болѣе 17% учебнаго времени на Законъ Божій, и всего около 6% на наглядное обученіе... Чтобъ закончить со статистическимъ матеріаломъ о начальномъ обученіи, выставленнымъ въ бельгійскомъ павильонѣ въ Парижѣ, скажемъ теперь же, что всѣхъ училищъ въ Бельгіи 9,932 при 1.000,572 учащихся; такова оффиціальная цифра, показанная въ таблицахъ, вывѣшенныхъ въ Парижѣ, но тутъ несомнѣнно посчитаны и дѣтскіе сады, и частныя учебныя заведенія, и пріюты для младшаго возраста, и школы для взрослыхъ. Прихожу къ этому заключенію, сличая данныя о числѣ учащихся въ отношеніи къ числу жи-

телей (около 5 милл.) съ числомъ учащихся въ г. Люттихъ, одномъ изъ наиболѣе бойкихъ центровъ бельгійскаго народнаго образованія: въ Люттихъ на 124,500 жит. приходится 8,451 учащихся въ начальныхъ школахъ (см. Ville de Liège, Ecoles primaires; 1878 г.), что составитъ почти 6% населенія. Допустивъ даже такое отношеніе для всей Бельгіи, что доказывало бы, что 4% дѣтей учебнаго возраста (см. главу III) не посѣщаютъ начальныхъ общественныхъ училищъ, — мы не получили бы и третьей части числа учащихся, показаннаго выше для всей Бельгіи.

Теперь пора бы уже пройтись по бельгійскому павильону, представляющему площадь поля болѣе пятидесяти квадратныхъ сажень и перегороженному нѣсколькими продольными и поперечными перегородками, увѣшанными предметами педагогической выставки; но необходимо еще указать предварительно на крайне интересную особенность бельгійскаго элементарнаго обученія, объясняемую, — какъ и господство клерикаловъ надъ школой, — исторіей Бельгіи, которой мы поэтому и посвятили выше нѣсколько строкъ. Эта черта, — поражающая въ особенности русскаго педагога, свыкшагося съ тѣмъ, что начальная школа преподаетъ лишь языкъ господствующей національности, — состоитъ въ томъ, что въ такомъ незначительномъ государствѣ, какъ Бельгія, учрежденія, пекущіяся о *начальномъ* обученіи, имѣютъ дѣло съ *четырьмя* языками — фламандскимъ, нѣмецкимъ, валлонскимъ и французскимъ, который составляетъ языкъ образованнаго общества и господствуетъ въ краѣ, какъ языкъ, преподаваемый во

встѣхъ начальныхъ училищахъ, фламандскихъ и французскихъ безъ различія. Судя по брошюрѣ профессора Нована, секретаря извѣстнаго общества народныхъ чтеній въ Вербье близъ Люттиха (*Soirées populaires de Verviers. Rapport etc. par M. Novent; Май 1878 г.*), и французское населеніе Бельгіи плохо понимаетъ французскій языкъ, такъ какъ «валлонскій языкъ составляетъ единственное нарѣчіе, вполне понимаемое рабочимъ населеніемъ, и потому наиболее *пригодное для воспитанія его*»... (стр. 29) Буквально въ такомъ же отношеніи къ русскому языку состоитъ сельское населеніе на весьма обширномъ пространствѣ нашего отечества, въ губерніяхъ малорусскихъ, украинскихъ и новорусскихъ, съ населеніемъ въ 15 милліоновъ: дитя изъ малороссовъ, судя по моимъ личнымъ опытамъ въ народной школѣ, неоднократно повтореннымъ, не понимаетъ, напр., при *вступленіи* въ школу, ни одного слова въ слѣдующемъ незатѣйливомъ предложеніи изъ сего же быта: «баба н(жинка) въ колы (въ степу) спрятала (заховал кувшинъ (глечикъ) въ рожь (въ жито)...» Какъ ж относятся въ Бельгіи къ языку массы, особому отъ книжнаго языка? Её обучаютъ, и очень усердно, языку образованнаго общества и науки, — и преступно поступили бы мы, еслибы не съумѣли, въ свою очередь, преодолѣвать въ школѣ трудности обученія малороссовъ русскому языку и не постарались, напроливъ, тѣмъ усерднѣе заняться въ малорусской школѣ русскимъ языкомъ, что языкъ этотъ сельскимъ населеніемъ не выносится изъ жизни. Но какъ затѣмъ

относясь въ Бельгiи къ валлонскому языку, при всемъ усердiи къ обученiю массы языку французскому? Такъ называемое «Франклиновское общество» вводитъ въ свои «вечера для народа» драматическiя представленiя на валлонскомъ языкѣ, желая бесѣдовать съ массой на языкѣ, *вполнѣ* ей понятномъ, безъ того, чтобы это считалось «валлонофильствомъ». Но въ Бельгiи извѣстно выраженiе «*фламизмъ*», и этимъ словомъ называютъ стремленiе поддержать фламандскiй языкъ и фламандскую литературу рядомъ съ получившимъ господство въ Бельгiи французскимъ языкомъ. И не смотря на то, что фламандскiй элементъ могъ бы быть опасенъ Бельгiи въ *политическомъ* смыслѣ, какъ элементъ крайне многочисленный; не смотря на существованiе «*фламизма*», фламандскiй языкъ *преподается* въ начальныхъ училищахъ и *учительскихъ семинарiяхъ* фламандской части Бельгiи; въ высшихъ народныхъ училищахъ города Люттиха, находящагося въ *валлонской* или французской части Бельгiи, преподается *нѣмецкiй* языкъ; въ герцогствѣ Люксембургѣ, о которомъ будемъ говорить ниже, преподаются и французскiй, и нѣмецкiй языки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населенiе говоритъ германскимъ діалектомъ, причемъ люксембургская учебная администрацiя даже заявляетъ, что опытомъ доказано, что не только пользованiе однимъ языкомъ для лучшаго уразумѣнiя другаго, но даже преподаванiе *двухъ* языковъ въ народной школѣ не представляетъ ни малѣйшаго неудобства, что касается успѣховъ дѣтей. (См. стр. 9, L'enseignement primaire dans la ville

et le duché de Luxemburg, 1878 г.). Мы могли бы добавить къ этому, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ въ начальныхъ училищахъ Мюльгаузена, что въ Эльзасѣ, гдѣ масса говоритъ на германскомъ діалектѣ и не понимаетъ по французски, оба языка, нѣмецкій и французскій, изучаются въ народныхъ училищахъ, и съ большимъ успѣхомъ. Если эти вопросы имѣютъ существенное, практическое значеніе *для русскаго учебнаго дѣла*, то оно, по нашему мнѣнію состоитъ въ томъ, что, въ интересѣ воспитанія и развитія дѣтей, желательно, чтобъ дѣти понимали учителя, а учитель понималъ своихъ питомцевъ, и крайне было бы странно, поэтому, требовать отъ *малорусскаго* учителя, чтобъ онъ въ *великорусской* школѣ говорилъ только по-малорусски, возбуждая тѣмъ не вниманіе и любознательность, а только смѣхъ учащихся. Такъ, напримѣръ, въ школахъ нѣмецкой Швейцаріи учитель, на урокахъ, очень часто прибѣгаетъ къ мѣстному діалекту, совершенно непонятному для того, кто знаетъ только по нѣмецки.

Вступая наконецъ въ бельгійскій педагогическій павильонъ, мы сдѣлаемъ усиліе надъ собою, для того чтобъ въ интересѣ самообученія ограничить наше поприще наблюденія; мы постараемся пройти мимо всего, что не касается прямо элементарнаго обученія, да и тутъ будемъ останавливаться лишь на наиболѣе достойномъ вниманія изъ подавляющаго множества разнообразнѣйшихъ предметовъ. Такъ напримѣръ, пройдемъ мимо изящнѣйшихъ работъ бельгійскихъ дѣтскихъ садовъ, играющихъ теперь большую роль на выставкахъ *всѣхъ* государствъ, послѣ того, какъ система Фрѣбеля

привилась во всей Европѣ и въ Америкѣ; впрочемъ бельгійскія работы поражаютъ, сравнительно съ другими, разнообразіемъ выпиленныхъ предметовъ и рукодѣля, равно какъ обиліемъ и изяществомъ акварелью нарисованныхъ цвѣтовъ. издѣліями переплетнаго мастерства и моделями экипажей. Но вотъ предъ нами модель, изображающая три комнаты, наполненныя куклами, представляющими дѣвочекъ, занятыхъ различными работами: въ одной комнатѣ дѣти — *подростки* стираютъ бѣлье, въ другой заняты рукодѣльемъ, и въ третьей, кухнѣ, стряпаютъ обѣдъ; предъ этою моделью часто раздаются слова: «какъ это мило», со стороны толпящейся предъ нею публики, которая мало вникаетъ въ то, насколько благотѣльно устройство школъ, подобныхъ той, которую изображаетъ модель. Такія школы называются въ Бельгіи «*écoles ménagères*» (школами домашняго хозяйства) и предназначаясь для лицъ, уже обученныхъ въ начальной школѣ, задаваясь цѣлью усовершенствовать въ интересѣ семьи домашнее хозяйство, на чтò обращено особенное вниманіе, въ послѣднее время, и въ англійскихъ женскихъ школахъ, — обязываютъ своихъ учащихся посѣщать ежедневно отъ 2¹/₂ до 5 час. пополудни «дополнительныя» школы или высшія народныя училища для взрослыхъ, для того чтобы они повторяли пройденное и подвигались дальше въ общемъ образованіи. Въ этой организаціи бельгійскихъ школъ домашняго хозяйства мы встрѣчаемъ подтвержденіе нашей мысли, уже нѣсколько разъ печатно высказанной нами въ послѣднія четырнадцать лѣтъ: у насъ многіе ревнители просвѣ-

щенія, искренно и тепло относясь къ интересамъ массы, желали бы соединить начальную школу съ обученіемъ ремеслу, обладаніе которымъ составляетъ такую настоятельную потребность для крестьянина; мы всегда возражали имъ, что достиженіе сколько нибудь существенныхъ успѣховъ въ мастерской несоединимо съ начальной школой, такъ какъ эти успѣхи основываются преимущественно на навыкѣ и количествѣ упражненій, на что не хватитъ времени у учениковъ начальной школы, въ свою очередь требующей массы времени, такъ какъ она должна освоить, между прочимъ, съ механизмомъ чтенія, письма, счета, черченія, рисованія, что также достижимо только при навыкѣ, вытекающемъ изъ количества, а не только качества упражненій. По окончаніи же курса въ начальной школѣ, крайне желательно обученіе питомцевъ ея ремесламъ, причемъ въ такой ремесленной школѣ слѣдуетъ бѣольшую часть дня посвящать ремеслу, — какъ и дѣлаютъ, на примѣръ, питомцы бельгійскихъ школъ домашняго хозяйства, — и только часа три въ день посвящать наукѣ, продолжая и восполняя пройденное; если же организовать у насъ *начальныя* школы такъ, чтобы онѣ дѣйствительно обучали мастерству, то придется отнять столько времени у обученія наукѣ, что мы, въ концѣ концовъ, создадимъ не развитыхъ людей, обладающихъ ремесломъ, но полуграмотныхъ мастеровыхъ; неужели въ этомъ послѣднемъ можетъ состоять идеаль друзей народа?

Мы, однако, невольно изъ Бельгіи опять перенеслись въ Россію; возвратимся же теперь въ бельгійскій павильонъ, въ особо устроенное помѣщеніе, гдѣ

выставлена городомъ Антверпеномъ нормальная классная комната. Невольно *поражаетъ* видъ такой классной комнаты, если, любуясь наглядными пособіями по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса, которыми она снабжена, вспомнишь парижскую начальную школу, основывающую все обученіе не на наблюденіи, но на памяти дитяти *). Тутъ и классныя скамьи, согласныя съ указаніями гигиены, нѣсколько напоминающія образецъ классной скамьи Кунце, которая, судя по парижской выставкѣ, получаетъ повсемѣстное преобладаніе. Выйдя изъ этой классной комнаты, присутствіе которой въ особенности полезно въ Парижѣ, гдѣ уже издержаны огромныя деньги на школу, но еще крайче ничтожны затраты собственно на педагогическую сторону ея, мы, странствуя по павильону, обратимъ вниманіе на прелестныя коллекціи, выставленныя народными учителями и обрисовывающія мануфактурный характеръ Бельгіи: тутъ богатая коллекція образцовъ и хлопка и выдѣлываемыхъ изъ нихъ тканей; тутъ и минералы, которыми изобилуетъ южная Бельгія; но не забыты сѣмяна и растенія изъ сѣверной, земледѣльческой части страны; тутъ вы сознаете лишній разъ, что школа есть продуктъ физическихъ и психическихъ условій жизни народа въ данное время и въ данной мѣстности. Пройдемъ мимо модели громоотвода, родныхъ русскихъ счетовъ, ставшихъ теперь по всей Европѣ принадлежностью всякой рациональной школы, мимо множества проволочныхъ и картонныхъ моделей для рисованія, также теперь повсемѣстно встрѣчаю-

*) См. главу III-ю.

щихся, и остановимся на блестящихъ хромофотографированныхъ зоологическихъ картинахъ (лошадь, корова, овца, коза, собака, кошка, заяцъ, курица, гусь, чимпанзе, левъ, слонъ, верблюдъ, и пр.); эти картины, и по художественности исполненія, и въ особенности по размѣрамъ, превосходятъ, если не ошибаюсь, все изданное до сихъ поръ въ этомъ родѣ, оставляя, по крайней мѣрѣ, далеко за собою считавшіяся до сихъ поръ лучшими зоологическія картины Лейтемана и Гашетта, о которыхъ мы уже упоминали. На этихъ картинахъ, изданныхъ въ Брюсселѣ книгопродавцемъ Callewaert, дается напримѣръ изображеніе лошади величиною, безъ малаго, въ три четверти аршина отъ копыта до холки; и стоимость этихъ картинъ невысока: картины Гашетта, по размѣрамъ вполне удовлетворяющія школу, стоятъ около 12 коп. экземпляръ; картины Каллеверта, гораздо болѣе крупныя и до сихъ поръ небывалаго размѣра ($34\frac{2}{3} \times 26$ дюймовъ), *наклеенныя на холстъ*, стоятъ 50 к. за экземпляръ.

Появленіе и сбытъ подобныхъ изданій уже свидѣльствуютъ, хоть косвенно, о педагогическомъ уровнѣ школы; такое же, но уже болѣе прямое указаніе получимъ мы, если, полюбовавшись моделью учительской семинаріи, представляющей дворецъ съ роскошнымъ паркомъ и обширнымъ дворомъ, напомнимъ мнѣ Можайскую учительскую семинарію Московскаго земства, — ознакомимся, по тутъ же выставленнымъ таблицамъ, съ учебною программю бельгійскихъ учительскихъ семинарій. Оказывается что *начальный* учитель, оканчивая курсъ, послѣ трехъ лѣтъ обученія

въ бельгійской учительской семинаріи, сдаетъ экзаменъ, кромѣ педагоги, по Закону Божию, ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ, фламандскому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, естественнымъ наукамъ, бухгалтеріи, политической экономіи, рисованію, музыкѣ и гимнастикѣ. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ, какъ мы видѣли, вовсе не везетъ учительскимъ семинаріямъ, — въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія оттуда, у соплеменнаго народа, дѣло это на столько привилось, что въ 1875 г. въ маленькой Бельгіи было 2415 питомцевъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а двадцать пять лѣтъ раньше ихъ было всего 609! Такую отсталость французовъ отъ бельгійцевъ возможно объяснить только національнымъ самодовольствомъ и національной исключительностью французовъ, между тѣмъ какъ бельгійцы усердно заимствуютъ и у нѣмцевъ, и у французовъ, переработывая заимствованное сообразно своимъ потребностямъ. Но для того, чтобъ еще рельефнѣе обозначился контрастъ между собственно педагогическимъ уровнемъ Бельгіи и Франціи, мы вступимъ теперь въ классную комнату на двадцать учащихся, выставленную такъ называемой брюссельской «лигой обученія».

Подъ угрозой закрѣпощенія школы клерикалами, которые, основываясь на бельгійской «свободѣ обученія», усердно принялись за дрессировку бельгійскаго юношества, возникло въ 1865 г. въ Брюсселѣ частное общество, подъ именемъ, «лиги (союза) обученія» съ цѣлью изученія всѣхъ вопросовъ, соприкасающихся съ обученіемъ и воспитаніемъ. Этимъ обществомъ внесено ходатайство и о введеніи обязательнаго обученія въ

Бельгiи, гдѣ законъ пока обязываетъ только общины имѣть школы, но не обязываетъ родителей и опекуновъ посылать въ школы дѣтей. Но главнѣйшую заслугу «лиги обученiя» составляетъ учрежденiе, три года тому назадъ, въ Брюсселѣ, «образцовой школы», одинъ изъ классовъ которой теперь и выставленъ въ Парижѣ. Чуть не на границѣ Францiи, въ Брюсселѣ учреждена эта школа «съ цѣлью введенiя въ обученiе *нагляднаго* метода въ возможно большемъ развитiи его» (см. «Notice sur les travaux de la ligue de l'enseignement», 1878 г.); чуть не на самой границѣ Францiи, гдѣ, какъ мы видѣли, еще господствуютъ въ начальныхъ школахъ *отвлеченiе* и *долбня*, ставится принципомъ школы: чтобъ всякое понятiе о предметѣ вещественномъ вытекало изъ непосредственнаго наблюденiя учащагося надъ самымъ предметомъ или его изображенiемъ. «Лига обученiя» на столько дорожитъ этимъ принципомъ и пропагандой его, что въ классной комнатѣ, выставленной въ Парижѣ, посетитель читаетъ на стѣнѣ крупнѣйшую надпись: «учащiйся не долженъ оставаться пассивнымъ; онъ долженъ видѣть, осязать, измѣрять, взвѣшивать, рисовать, владѣть орудiями, принимать непрерывно участiе въ выработкѣ прiобрѣтаемыхъ знанiй.» Мудрено ли послѣ этого, что въ классной комнатѣ «лиги обученiя» мы видимъ модель растенiя, глобусы, счеты, термометры, насосы, мѣры емкости и тяжести, геометрическiя тѣла, циркуль, наугольникъ, рельефную карту, крупнѣйшiя зоологическiя картины? Нѣтъ, меня не поразило то, что всѣ перечисленные предметы я встрѣтилъ въ этомъ

храмъ нагляднаго обученія; но меня порадовало, что здѣсь я не встрѣтилъ *подавляющаго* и силы учащихъ, и силы учащихся *обилія* наглядныхъ пособій, а лишь весьма толковый *выборъ* наиболѣе необходимыхъ: превращать классную комнату въ музей наглядныхъ пособій значитъ притуплять любознательность дѣтей, обыкновенно обращающихъ всего менѣе вниманія на то, что они всего чаще видятъ. Такой образцовой школою «педагогическій музей», который сооружается на счетъ города Брюсселя, предполагающаго пользоваться имъ для своихъ начальныхъ школъ. Приведу основныя черты самаго школьнаго зданія «образцовой школы», такъ какъ и расположеніе частей, и размѣры помѣщеній строго выдержаны въ Брюсселѣ сообразно указаніямъ гигиены и педагогіи. Внутренній школьный дворъ, накрытый стеклянною крышею и окруженный, во всѣхъ этажахъ, выходящими на него открытыми галлереями, замѣняющими корридоры, рассчитанъ такъ, что на каждаго изъ учениковъ приходится по одному квадратному метру (метръ равенъ почти $3\frac{1}{4}$ футамъ; онъ дѣлится на сто *сантиметровъ* или тысячу *миллиметровъ*); кромѣ этого двора, учащіеся располагаютъ еще другимъ, некрытымъ дворомъ, гдѣ на каждаго приходится до трехъ квадратныхъ метровъ среднимъ счетомъ. Небольшое пространство въ этихъ дворахъ отведено для опытнаго поля и подъ двадцать пять различныхъ деревьевъ, снабженныхъ надписями на французскомъ и фламандскомъ языкахъ; на этихъ же дворахъ помѣщаются и отхожія мѣста съ разными приспособленіями. На внутренній крытый дворъ выходятъ

дверьми всѣ классныя комнаты, одновременно доступныя наблюденію изъ кабинета директора. Классная комната представляетъ слѣдующіе размѣры: 8 м. 70 сант. длины, 6 м. 40 сант. ширины, 5 м. 40 сант. высоты, т. е. по 1 м. 68 сант. площади и 9 м. 11 сант. кубической вмѣстимости на cadaго ученика. Классная комната освѣщается только съ одной стороны, слѣва отъ учениковъ; при этомъ подоконники отстоятъ на 1 м. 55 сант. отъ пола, а окна такого размѣра, что площадь стеколъ въ нихъ составляетъ, въ совокупности, одну пятую часть площади пола. Всѣ углы въ классной комнатѣ закруглены, для того чтобы не задерживался въ нихъ порченный воздухъ; она отапливается печью особаго устройства, которая обогрѣваетъ и вентилируетъ её. Въ классной комнатѣ на всякаго ученика полагается особая классная скамья, сообразно росту ученика, для чего ежегодно два раза ростъ всѣхъ учениковъ измѣряется. Несомнѣнно, не только для русскихъ селъ, но и для большинства русскихъ городовъ еще крайне далеко то время, когда наши средства дозволяютъ намъ по два раза въ годъ снабжать cadaго изъ учениковъ отдѣльной скамьей, сообразно измѣненію въ ростѣ его; но какъ часто, сооружая школьное зданіе, мы лишаемъ учащихся тѣхъ удобствъ, которыя вполне доступны нашимъ средствамъ! Пусть же вышеприведенныя указанія помогутъ тѣмъ, которые портили училищныя зданія по незнанію, а не по бѣдности, или по невѣжественному пренебреженію ко всякому совѣту, расходящемуся съ рутинной.

Не входя въ подробности методовъ обученія, про-

пагандируемыхъ «лигою обученія», я долженъ сказать однако, что брошюры, изданныя ею къ парижской выставкѣ, нельзя не счесть вполне образцовыми педагогическими сочиненіями и по прогрессивности ихъ, и по полнотѣ, при необычайной сжатости, простотѣ и ясности изложенія. Заимствуя у нѣмцевъ все хорошее, бельгійцы не пренебрегаютъ и опытомъ французовъ и своимъ собственнымъ, и спасеніе школы видятъ въ непрерывномъ *творчествѣ* самого учителя. Такъ «лига обученія» говоритъ, что «назначеніе учителя состоитъ не только въ томъ, чтобы дѣти усвоили всѣ свѣдѣнія, устанавливаемая программой, но преимущественно въ томъ, чтобъ, примѣняясь къ указаніямъ программы, *изобрѣтатъ* нескончаемо новыя упражненія для дѣтей... Элементарный курсъ долженъ болѣе *расположить* къ наукѣ, чѣмъ дать самую науку... Недостаточно общаго и педагогическаго образованія для того, чтобъ преподавать: учитель долженъ еще обладать *искусствомъ* педагогій, нужнымъ для того темпераментомъ и призваніемъ» (См. «Ligue de l'enseignement» стр. 46). Вотъ что не мѣшало бы помнить и у насъ при организаціи двухклассныхъ или иныхъ «образцовыхъ» училищъ. Замѣщайте эти должности людьми не только развитыми вообще и спеціально свѣдущими, но и *любящими* свое дѣло, а потому способными вложить въ дѣло что либо свое; пусть затѣмъ ни одинъ учитель, ни одной начальной школы въ уѣздѣ, не приступитъ къ занятіямъ, не пробывъ *медѣли* двѣ у образцоваго учителя, которому быть можетъ, *не* словомъ, а *дѣломъ* удастся заронить въ но-

вичка ту божественную искру, которая согрѣетъ и просвѣтитъ мрачную, душную, унылую, холодную атмосферу школы. Пусть тѣ, которые сами не *любятъ* ни дѣтей, ни обученія, и не пытаются понять меня; пусть лучше сознаютъ, что имъ не должно быть мѣста въ школѣ.

Но если у насъ нѣтъ времени на обстоятельное изученіе методики бельгійскихъ педагоговъ, то, обозрѣвая бельгійскій павильонъ педагогической выставки, нѣтъ возможности не остановиться собственно на программѣ начальной школы въ Бельгii, и это тѣмъ болѣе необходимо, что въ эту минуту вопросъ о распространеніи учебной программы народнаго училища составляетъ современный, живой вопросъ для Россii; бельгійцы, какъ мы видѣли, *умѣютъ* обучать, а потому и возможно придавать цѣну ихъ учебной программѣ, не опасаясь того, чтобъ въ нее попало что либо недостижимое, чтобъ ихъ программа могла оказаться пустой вывѣской. Программа Люттихскихъ школъ, какъ она выяснена для выставки (Ville de Liége. Ecoles primaires, 1878 г.), имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что она *не* сочинена, а представляетъ не болѣе, какъ сводъ того, что дѣйствительно практикуется въ начальныхъ школахъ;—сводъ докладовъ самихъ народныхъ учителей Люттиха объ ихъ преподаваніи, провѣренный комисіей. Эта учебная программа рассчитана всего на *пять* лѣтъ обученія, потому что практика выяснила, что долѣе этого дѣти рѣдко остаются въ училищѣ. Принимая неграмотныхъ, Люттихская школа обучаетъ чтенію и письму, по *звуковой* мето-

дѣ, въ четыре мѣсяца до 60 челов., что напоминаетъ намъ результаты нашей новой школы въ Россіи: затѣмъ обучаютъ *грамматикъ* роднаго языка, не задалбливая ее, какъ во Франціи, но путемъ разбора предложенія, т. е. методы, водворенной у насъ «Роднымъ Словомъ, годъ 3-й». Обучение ариѳметикѣ, — какъ и у насъ, согласно методикѣ г. Евтушевскаго, — касается первоначально изученія чиселъ первой сотни вмѣсто французскихъ «livret d'addition» *) и т. п. Изученіе географіи начинается на третій годъ съ города Люттиха, какъ поступаетъ у насъ, напр., Семеновъ. Исторія отечества проходитъ эпизодически, въ видѣ біографій, причемъ дѣти знакомятся съ главнѣйшими государственными законами отечества; кромѣ того, преподаются рисованіе и музыка. При этомъ слѣдуетъ помнить прежде всего, что такой уровень знаній считается *наименьшимъ*, обязательнымъ, а расширение его всегда встрѣчаетъ содѣйствіе въ начальствѣ; у насъ дѣло стоитъ обратно; законъ толкуется въ такомъ смыслѣ, какъ будто программа учебная та же, что подпись цензора, какъ будто все то, что въ программѣ не названо, считается нецензурнымъ, запрещеннымъ, и можетъ подвергнуть школу закрытію даже безъ предварительныхъ трехъ предостереженій, которыя по отношенію къ газетѣ, постепенно готовятъ подписчиковъ ея и редакцію, и сотрудниковъ къ предстоящимъ потерямъ. Я хочу сказать, что для

*) См. гл. III. Въ старшемъ классѣ заканчиваютъ ариѳметику десятичными и простыми дробями.

насъ въ вопросѣ объ учебной программѣ народной школы не одинъ вопросъ, а два: 1) считать ли перечисленіе предметовъ въ законѣ только за минимумъ, для всѣхъ обязательный, какъ напримѣръ уплату податей, причемъ излишне вносимая сумма нерѣдко влечетъ за собою награжденіе плательщика и 2) удовлетворительно ли опредѣленъ этотъ минимумъ? Первый вопросъ, очевидно, гораздо важнѣе втораго; по второму можно возразить, что большій уровень знаній нельзя вмѣнить въ обязанность всѣмъ школамъ Россіи, такъ какъ многія въ такомъ случаѣ не найдутъ годныхъ по программѣ учителей; возражать же противъ того, что чѣмъ больше знаній, при развитіи и доброй нравственности, сообщить учредитель школы учащимся, тѣмъ лучше—возражать противъ этого возможно только тѣмъ, которые знаніе считаютъ болѣе опаснымъ, чѣмъ полужнаніе и невѣжество.

Люттихская дирекція училищъ для того ограничила свой курсъ пятью годами обученія, чтобъ учащіеся выносили изъ школы на столько свѣдѣній и такую подготовку, чтобъ пріобрѣтенное въ школѣ не улетучилось въ жизни, чтобъ, напротивъ, ученики на столько стали любознательными, чтобъ захотѣли учиться дальше; при болѣе растянутомъ курсѣ, ученики, послѣ пяти лѣтъ обученія, оказывались недоучками и нерѣдко забывали даже ту грамотность, которую давала имъ школа (См. стр. 4). Страшно читать эти строки русскому человѣку, сознающему, на сколько мало еще сдѣлано у насъ для того, чтобы жизнь не убила результатовъ школьнаго обученія; было время, когда

мы ни гроша не давали на школу, а настало такое, когда мы издерживаемъ на нее большія деньги, но не заботясь о томъ, что станетъ съ нашими учениками *послѣ* школы, на сколько скоро притупитъ ихъ жизнь, на сколько сфера безъ библіотекъ, безъ публичныхъ чтеній, безъ газетъ, но при кабакахъ, безлюдьѣ и бездорожьѣ, при нуждѣ ежечасной,—на сколько такая сфера развѣетъ по вѣтру деньги, затраченныя на школу?... Мы не говоримъ, что внѣ школы не останется *ничего*, но мы желали бы, чтобъ читатели вдумались въ то, *много* ли останется, и чтобъ, глядя на Бельгію, они научились тому, какія нужны заботы о *взросломъ* населеніи.

Читатели, знакомые съ полезною дѣятельностью нашего педагогическаго музея военнаго министерства *) имѣютъ предъ собою примѣръ дѣятельности на пользу взрослога населенія путемъ публичныхъ чтеній и распространенія ихъ же въ видѣ дешевыхъ брошюръ; присмотримся къ Бельгіи и тамъ мы ознакомимся, въ лицѣ «Франклиновскаго общества» (Société Franklin) Люттихъ и «общества вечеровъ для народа» (Soirées populaires) въ Вевье, съ дѣятельностью на пользу взрослога населенія, гораздо болѣе разнообразной. Матеріалъ для этого знакомства мы черпаемъ все на той же парижской выставкѣ, уже такъ много намъ доставившей интересныхъ предметовъ для обсужденія. (См. Société Franklin. Liége, Rapport. 1878 г. и Soi-

*) См. гл. II-ю.

rées populaires de Verviers. Rapport de M. Eug. Novent, 1878 г.).

Первымъ изъ названныхъ двухъ обществъ возникло «Франклиновское общество» въ концѣ 1865 года, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ 1866 году, нѣсколько молодыхъ людей, едва окончившихъ курсъ, сошлись въ городѣ Вервье для того, чтобы организовать общество или комитетъ, въ настоящее время состоящій всего изъ 22 членовъ и пополняющійся не иначе, какъ по *единогласному* избранію самимъ комитетомъ новыхъ лицъ, за мѣсяць до баллотировки представляемыхъ членами комитета; при этомъ самое предложеніе кого либо къ баллотировкѣ остается, на случай неизбранія, тайной для самого кандидата. Случайно-счастливымъ личнымъ составомъ этого комитета Вервье, при самомъ возникновеніи, и его организаціей объясняются единодушіе и энергія, благодаря которымъ скромная первоначальная программа его — «доставить народу разумное развлеченіе» — разрослась на столько, что далеко превзошла, по разнообразію, по всесторонности дѣятельности, программу Франклиновскаго общества въ Люттихѣ, возникшаго, съ самаго начала съ обширною задачею «эмансипаціи рабочаго населенія путемъ обученія и воспитанія, пропаганды любви къ свободѣ, труду и порядку, и стремленія усовершенствовать настоящее не посредствомъ разрушенія, но посредствомъ улучшенія существующаго». Оба общества организуютъ вечера для народа, состоящіе изъ публичной лекціи научнаго содержанія, читаемой при помощи опытовъ и наглядныхъ пособій, изъ концерта инструментальнаго и вокальнаго, декла-

маціи драматическаго представленія на французскомъ или валлонскомъ языкахъ и розыгрыша лоттерей; покупка лотерейнаго билета обязательна для каждаго слушателя, и за ничтожную плату въ три копѣйки въ этой лотереѣ, предлагающей въ видѣ выигрышей *только* книги, тутъ выигрывали такія капитальныя сочиненія, какъ словарь Литтре, стоящій сорокъ рублей. Обществу въ Вербье, на вечерахъ котораго становится слишкомъ тѣсно въ залѣ, имѣющей до двухъ тысячъ посѣтителей, удалось при помощи такой лотереи распространить 33 тысячи книгъ, отчасти купленныхъ комитетомъ, но большей частью ему подаренныхъ лицами, сочувствующими дѣлу. Вечера въ Вербье оживляются еще тѣмъ, что членомъ комитета читаются отвѣты на вопросы неизвѣстныхъ лицъ, предложенные безъ подписи на записочкѣ, опущенной въ нарочно для того выставлемый ящикъ — на вопросы въ связи съ прочитанной лекціей или вообще интересныя. Обои обществами издаются альманахи, устраиваются народныя библіотеки, дѣтскіе праздники для сотенъ и тысячъ дѣтей и ихъ родственниковъ; ими организуются и научно-увеселительныя поѣздки, удавшіеся всего болѣе обществу города Вербье: желающій принять участіе въ экскурсіи, устраиваемой обществомъ, уплачиваетъ по тридцати копѣекъ въ годъ, за что получаетъ журналъ, дающій отчетъ о предпринятыхъ экскурсіяхъ; желающіе попутешествовать дѣлятся на группы, и во главѣ каждой становится членъ комитета, хорошо знакомый съ мѣстностью, служащей цѣлью поѣздки, и обязанный объяснять путешественникамъ все на пути.

Комитетъ сносится заблаговременно съ желѣзнодорожными компаніями и гостинницами, вслѣдствіе чего такая экскурсія обходится каждому изъ участниковъ въ полцѣны!.. Комитетъ въ Вербье за послѣдніе три года организовалъ одиннадцать экскурсій, въ которыхъ приняли участіе всего около полуторы тысячи душъ; въ числѣ этихъ экскурсій комитетъ счумѣлъ, за 33 рубля съ человѣка, съѣздить во второмъ классѣ изъ Брюсселя въ Парижъ и обратно, въ Парижѣ прожить пять дней въ *лучшей* гостинницѣ, показать путешественникамъ главнѣйшія достопримѣчательности, оплачивая при этомъ даже поѣздки по Парижу. Комитетъ Вербье, все болѣе и болѣе расширяя свою программу, организовалъ конкурсы за денежное вознагражденіе на лучшія произведенія народной литературы въ прозѣ и стихахъ, причемъ соискателями могутъ быть только жители *провинціи* Люттихъ; изъ 120 французскихъ сочиненій удостоены наградъ 39 и изъ 65 валлонскихъ — 20. Неумоимо преслѣдуя свои просвѣтительныя цѣли, комитетъ въ Вербье организовалъ за три года 98 публичныхъ чтеній въ *селахъ* своей провинціи, вызвалъ организацію многихъ мѣстныхъ комитетовъ, принималъ участіе въ международныхъ конгрессахъ и организовалъ педагогическій школьный музей; послѣдній вызванъ публичной лекціей начальника нашего «Педагогическаго музея», генерала Коховскаго, отъ котораго, равно какъ отъ картографическаго заведенія Ильина и книгопродавца Фену и К^о въ Петербургѣ, и поступили, въ видѣ пожертвованій, первые предметы въ эту педагогическую коллекцію наглядныхъ пособій.

Отъ берлинской педагогической выставки перейдемъ къ педагогическому отдѣлу Голландіи (600 кв. м., около 3.700,000 жит.) и герцогства Люксембургъ (47 кв. м., 200,000 жит.), въ которомъ званіе герцога неразрывно соединено съ лицомъ короля Голландіи, хотя самое герцогство независимо. Что касается выставки Голландіи, объ учебной организаціи которой намъ уже случалось упоминать, то она невелика, а есть на чемъ остановиться съ *педагогической* точки зрѣнія. Мы нигдѣ не видѣли на столько крупныхъ и отчетливыхъ изображеній мѣръ и вѣсовъ, какъ въ Голландіи (*Voor. stelling der Maten und Gevichten*); нигдѣ не встрѣчали мы также на столько *крупной* по масштабу, учебной карты желѣзныхъ дорогъ Европы, не исключая русскихъ линій, какъ изданная Алланомъ въ Гарлемѣ; очень также хороша по отчетливости (море обозначено тушью) геологическая карта Крайдера; въ высшей степени художественно напечатаны красками, въ трехъ томахъ, изображенія птицъ Голландіи (*Keuleman, Onze Vogels Leyden*). Но совершенно особнякомъ стоятъ, по сравненію со всѣми педагогическими отдѣлами всѣхъ государствъ, хромофотографированныя историческія картины Икема въ Гагѣ, въ три четверти аршина длиною и два съ половиною шириною каждая; *историческихъ* картинъ *такого* размѣра, для *класснаго* преподаванія, мнѣ не случалось видѣть нигдѣ, а кто не знаетъ, на сколько благодѣтельны наглядныя пособія при элементарномъ ознакомленіи съ личностями и эпизодами исторіи. Но лучшимъ подаркомъ Голландіи всему просвѣщенному міру, сдѣланнымъ по случаю парижской

всемирной выставки, слѣдуетъ назвать весьма замѣчательное статистическое изслѣдованіе объ учебномъ дѣлѣ въ Голландіи, болѣе 300 страницъ убористой печати. («Organisation de l'instruction primaire, secondaire et supérieure dans le royaume des Pays-Bas, par Parvé. Leide. 1878»), котораго мы можемъ коснуться теперь за недостаткомъ мѣста, только совершенно вскользь. Скажемъ однако, что въ Голландіи, при обязательности школы для общины, какъ въ Бельгіи, и при отсутствіи обязательности посѣщенія училищъ, насчитываютъ болѣе пяти сотъ тысячъ учащихся въ 1185 *начальныхъ* училищахъ, въ числѣ которыхъ сотнями считаются такія, въ которыхъ преподаются одинъ или нѣсколько иностранныхъ языковъ, какъ французскій, нѣмецкій и англійскій. Въ высшей степени замѣчательно при этомъ, что число учащихся съ января мѣсяца весьма слабо понижается на апрѣль— время посѣва, на іюль и августъ— время уборки сѣна и хлѣба; но какъ ни почтенны такіе результаты, при отсутствіи обязательности обученія, но неизбѣжность послѣдняго явствуетъ и для Голландіи изъ того, что 16,3⁰/₀ всего числа дѣтей въ Голландіи возрастомъ отъ 6 до 12 лѣтъ, *вовсе не посѣщаютъ школы*; впрочемъ, и въ этомъ отношеніи духъ времени, общее развитіе страны, хоть медленно, а беретъ свое, такъ какъ напримѣръ въ той же Голландіи въ 1862 г. почти четвертая часть всего числа дѣтей учебнаго возраста еще не посѣщала училища.

Законодательство герцогства Люксембурга, подобно голландскому, также не рѣшилось стать на сторону обя-

зательности обученія, хотя и зашло еще дальше въ этомъ направленіи: въ Люксембургѣ законъ предписываетъ родителямъ и опекунамъ посылать въ школу дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ, но не штрафуетъ за неисполненіе закона, что, впрочемъ, предполагается ввести теперь, при ревизіи конституціи. Трудно представить себѣ болѣе сильный доводъ въ пользу обязательности обученія въ мѣстностяхъ, гдѣ есть кому обучать и гдѣ обучать, какъ такой оборотъ дѣла въ Люксембургѣ: тамъ, въ 1877 году на 100 рекрутовъ 96,58 были грамотными, и тѣмъ не менѣе чувствуется потребность въ безусловной обязательности обученія. Во многихъ училищахъ Люксембурга обязательно преподаются французскій и нѣмецкій языки. Кромѣ ученическихъ работъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что ученики старшаго класса народной школы перевели французской прозой стихотвореніе Гёте «Лѣсной Царь», посѣтитель классной комнаты, выставленной въ Парижѣ, увидитъ и учебники, доказывающіе, что въ школѣ, изучающей два языка, часть наукъ проходитъ на одномъ языкѣ, а часть на другомъ. Тутъ же видѣлъ я картины, которыхъ не замѣтилъ въ другихъ педагогическихъ отдѣлахъ, именно: картины къ учебнику французскаго языка, Лемана. Обращаю особенное вниманіе читателей на этотъ учебникъ, составленный и въ примѣненіи къ англійскому языку, такъ какъ Леманъ расположилъ свой матеріалъ въ высшей степени разумно: весь первый томъ, сообщающій массу словъ и грамматическихъ правилъ, вовсе не нуждается въ пособіи картинъ, такъ какъ не выходитъ никогда за предѣлы классной ком-

наты, дома, двора и т. п., и не называетъ такого предмета, котораго нельзя было бы показать учащемуся. На моей практикѣ случилось, что по учебнику Лемана обучалъ, подѣ моимъ наблюдениемъ, русскую дѣвушку, ни слова не понимавшую по французски, учитель, ни слова не понимающій по русски: въ первый урокъ учитель, указывая на предметъ, жестомъ приглашаетъ ученицу повторить за нимъ слово и затѣмъ писать его.

Стоя въ классной комнатѣ Люксембургскаго народнаго училища, я вспомнилъ о томъ, что уже въ 1817 году, когда въ Петербургѣ еще не было университета, въ Люксембургѣ уже была учительская семинарія!... Когда же мы, наконецъ, наверстаемъ *потерянное* время, когда, наконецъ, мы поймемъ и *прочувствуемъ*, сколько мы сгубили силъ съ того времени, когда крестьянская среда сама выставила Ломоносова, тщетно взывавшаго о просвѣщеніи массы!

Этого передоваго борца за просвѣщеніе выслушивали, но не трогались съ мѣста; неужели мы и теперь еще станемъ болѣе сочувствовать, чѣмъ *содѣйствовать* дѣлу, и неужели не поймемъ, что настало время во всѣхъ церквахъ выставить кружки для сбора по грошу въ пользу народной школы, и въ эту кружку народъ охотно опуститъ свою лепту.

СОЧИНЕНІЯ БАРОНА Н. А. КОРФА:

Нашъ другъ. Книга для чтенія учащихся въ школь и дома и руководство къ начальному обученію родному языку. **Цѣна 50 коп.** Руководство это одобрено для народныхъ училищъ Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендовано войсковымъ школамъ Военно-Ученымъ Комитетомъ Генеральнаго Штаба.—Разошлось 155,000 экземпляровъ.

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. **Цѣна 1 р.** Одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Руководство къ обученію грамотѣ. Одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. **Цѣна 25 коп.** Разошлось 70.000 экземпляровъ.

Малютка. Первая книга для чтенія.

Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію. **Цѣна 1 руб.**

К Р А Т К А Я

БІОГРАФІЯ БАРОНА Н. А. КОРФА

помѣщена въ III томѣ **«Русскихъ современныхъ дѣятелей»** изданіе Баумана, глава IX, см. статью „Баронъ Николай Александровичъ Корфъ“ (стр. 81—93).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ

Ламе-Флёри

для дѣтей средняго и старшаго возраста.

228 страницъ. Цѣна 50 коп. Отзывъ см. въ журналѣ «Дѣтскій Садъ».

О ЧУМѢ

у

ЧЕЛОВѢКА

И О МѢРАХЪ ПРОТИВЪ ЭТОЙ БОЛѢЗНИ

Д-ра В. Святловскаго.

Цѣна 15 коп. съ перес. 20 коп.

Печатается и въ мартѣ поступитъ въ продажу

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГИГИЕНА

для городскихъ, начальныхъ и сельскихъ училищъ.

Д-ра В. Святловскаго.

Цѣна 40 коп.

Складъ у автора, Спб. Знаменская, д. № 37.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

Наглядно-звуковыя прописи: 1) къ „Родному Слову“ Ушинскаго, 2) къ „Первой учебной книжкѣ“ Паульсона, 3) къ „Русской азбукѣ“ Водовозова, 4) къ азбукѣ Бунакова и 5) „Общія Наглядно-звуковыя прописи“ (для дружнаго азбукѣ). Цѣна каждой тетради, заключающей въ себѣ 400 слишкокомъ рисунковъ—8 коп. *Отзывы см. въ № 22 „Педагогической Хроники“ и №№ 8 и 11 „Педагогическаго Музея“ 1878 г.*

Чтеніе и письмо по картинкамъ, азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу, съ 800 рисунками въ текстѣ, хрестоматіей изъ 19 иллюстрированныхъ разсказовъ и многими другими педагогическими упражненіями (120 загадокъ, 133 пословицы, 20 скороговорокъ, 95 буквенныхъ задачъ, 54 ребуса или задачъ изъ соединенія словъ съ картинками и 28 картинокъ-задачъ подъ заглавіемъ: „Бываетъ-ли такъ?“ и „Можетъ-ли это быть?“). Цѣна 15 к. *Отзывы см. въ „Семь и Школѣ“ 1877 г. №№ 4 и 11-й, въ № 4 „Педагогическаго Музея“ 1877 г. и въ „Систематическомъ Обзорѣ русской народно-учебной литературы“ (стр. 164).*

Ключъ къ „Чтенію и письму по картинкамъ“. 4 е допол. изданіе 1879 г. (объясненіе, какъ учить по этой азбукѣ). Ц. 15 к. *Отзывы тамъ-же.*

Родная азбука, составлена по наглядно-звуковому способу, 32 стр. со многими рисунками въ текстѣ (около 200). 2-е допол. изд. Ц. 4 к. *Отзывы см. въ № 11 „Семь и Школы“ 1877 г., въ № 12 „Педагогич. Музея“ 1877 г. и въ „Сист. Обзорѣ народно-учебной литературы“ (стр. 166).*

Азбука-копѣйка, состав. по наглядно-звуковому способу. 4-е изд. 100.000 экз. Въ текстѣ болѣе 100 картинокъ. Ц. 1 коп. *Отзывы тамъ же и на той же стр., а также въ № 6 „Русскаго Обзорнїя“ 1878 г. и № 1 „Педагогическаго Листка“ 1878 г.*

Наглядная азбука, 2-е изданіе В. Черкасова съ 600 рисунками въ текстѣ. Ц. 10 коп.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“. Ц. 15 к.

Загадочныя картинки. Цѣна полной коллекціи (48 картинокъ) въ футлярѣ 1 р. 50 к.

Китайская головоломка или геометрическое лото для дѣтей и взрослыхъ по способу Фребеля, 2-е изд. Съ коробкой кастетъ Ц. 50 коп.

Блиновъ. О способахъ обученія предметамъ начальнаго курса въ семьѣ и школѣ, со многими рисунками въ текстѣ *Отзывъ см. въ „Сист. Обзорѣ“ (стр. 38).* Ц. 40 к.

Популярная Физика А. Гано, 500 стр. и 380 рисунковъ, пер. Ф. Павленкова. Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія, какъ „отличное пособіе для учителей и ученицъ въ институтахъ и гимназіяхъ“ Ц. 2 р.